

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 16 АПРЕЛЬ 1975

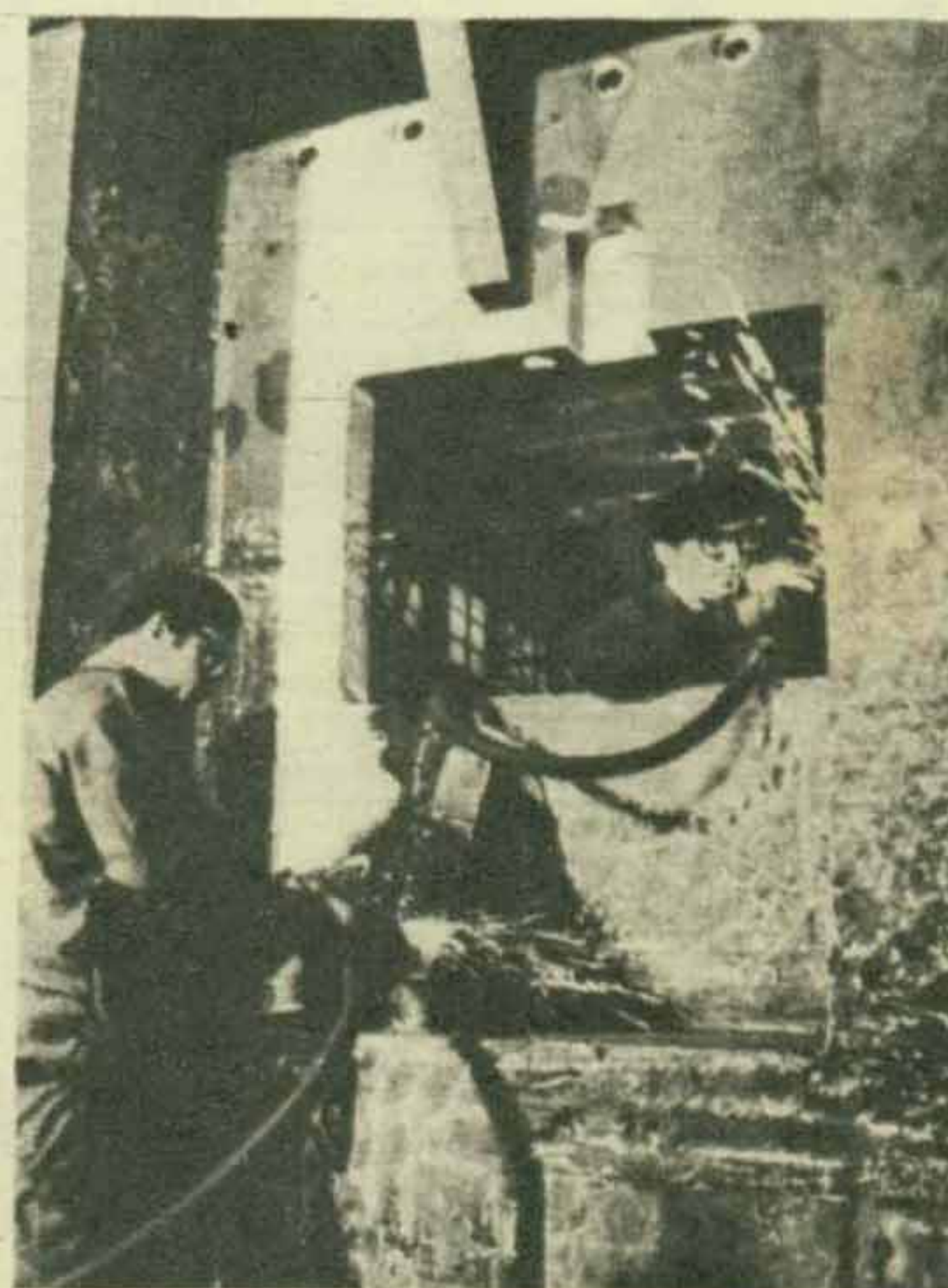

Кузнец Николай Григорьевич Озерян тоже участвует в исполнении сложных заказов.

Перед началом смены бригада В. А. Войтенко знакомится с заданием.

Вот он какой, миксер для Запсиба!

Идет сборка пресса для «Интерфоржа». Слесари Геннадий Максименко и Владимир Пазюра за работой.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 16 (2493)
12 АПРЕЛЯ 1975

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» «Огонек», 1975.

Ю. П. Уманский и В. Н. Шелудяков.

В заводском музее.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Г. РОЗОВА.

... И ДЛЯ „ИНТЕРФОРЖА“

Во время беседы.

Фото А. Гостева.

Во время осмотра выставки.

ПРИЕМ А. Н. КОСЫГИНЫМ Э. АУГУСТССОНА

3 апреля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял министра иностранных дел Исландии Э. Аугустссона, находившегося в СССР с официальным визитом по приглашению Советского правительства.

В ходе дружественной беседы, в которой принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко,

состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития сотрудничества и укрепления отношений добрососедства между Советским Союзом и Исландией. Было выражено мнение, что благоприятно складывающиеся советско-исландские отношения отвечают интересам народов обеих стран и являются вкладом в дело международной разрядки, укрепления мира.

БРАТСКОЙ ВЕНГРИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

«НКМЗ». Эту марку я встречала на станах Магнитки и Череповца, в рудных карьерах КМА и в цехах ЗИЛа. Детище первых пятилеток — Новокраматорский машиностроительный завод, а теперь Объединение, — так же, как и его родной брат «Уралмаш», вот уже сорок с лишним лет производит сложнейшее оборудование для металлургической, угольной, горнодобывающей и других отраслей тяжелой индустрии. Ни одна сколько-нибудь крупная промышленная новостройка не обходится без него. И каждая заказывает что-нибудь особенное, свое. Стану «3600» на Азовстали крामаторцы готовили печи; домне-гиганту в Кривом Роге — желоба для чугуна и шлака; кислородно-конверторному цеху Запсиба — миксеры, своего рода термосы для накопления и смешения жидкого чугуна.

Вот и сейчас бригада Шелудякова из механосборочного цеха № 8 продолжает выполнять заказ Запсиба — собирает миксеры, только не стационарные, а передвижные, этикетки ракеты на колесах, на специальных платформах. Каждый чугуновоз вмещает 150 тонн расплавленного металла. Кон-

струкция его новая, раньше подобного типа миксеры не выпускались. Впрочем, почти все, что здесь, в Объединении, производится, — не серийного выпуска, а всего только в нескольких или даже в единственном экземпляре.

На соседнем пролете бригада Войтенко сваривает узлы уникального, усилием в 65 тысяч тонн, пресса для штамповки крупногабаритных деталей сложного профиля. Интересна история этого заказа. Такой пресс понадобился французской фирме «Интерфорж», что в городе Исуаре. Эта фирма на своих заводах будет изготавливать поковки и штамповки из цветного металла и стали. Вот что записано в контракте: «Проведя переговоры с лучшими конструкторами всего мира, «Интерфорж» окончательно решила выдать этот крупный заказ «Станкоимпорту». Это решение было принято после тщательного анализа ряда конкурентных предложений и осмотра аналогичного пресса в эксплуатации в СССР и в результате представленной информации и технических данных, которые убедили ответственных лиц «Интерфоржа» в высокой надежности пресса,

предложенного «Станкоимпортом».

Специалисты новокраматорского Объединения и Всесоюзного научно-исследовательского института металлургического машиностроения разработали конструкцию этого пресса. Недавно здесь был создан в какой-то степени его предшественник, тоже уникал, пресс усилием в 50 тысяч тонн, но для других целей. Заказчиком был Институт физики высоких давлений Академии наук СССР. И так же, как при проектировании и изготовлении «академического» гиганта, и на этот раз возникло множество проблем, которые приходится решать впервые. Пресс будет уникальным не только по своим усилиям, но и по высокой точности работы и производительности. О величине его дает представление... слон: нарисованный на эскизе рядом, он выглядит так же, как мышь по сравнению со слоном; высота пресса 35 метров. На его столе размером в добрую комнату — 3,5 на 6 метров — можно будет изготавливать различные детали для авиостроения, судостроения, производства атомных реакторов и т. д.

Заготовки такой машины и отдельные узлы выполняют Ижорский завод имени Жданова, «Уралмаш», Таганрогский котлостроительный, Новосибирский завод тяжелых станков и гидропрессов и многие другие предприятия страны. Для его транспортировки потребуются специальные железнодорожные платформы и специализированные морские корабли азовских и черноморских портов.

Пресс будет сдан под «ключ», то есть не только изготовлен, но и перевезен, смонтирован и опробован советскими специалистами.

Для Виктора Антоновича Войтенко это не первый французский заказ. Он уже участвовал в изготовлении горячештамповочного пресса усилием 6300 тонн для фирмы «Монстан и Деманже» и потом ездил в город Шарлевиль в составе группы монтажников и конструкторов на его установку. Такие прессы выполнялись по заказам Чехословакии, ФРГ, Италии.

Столь сложные и ответственные заказы не случайно поручаются бригаде Войтенко.

— Сам бригадир прошел

ПУТЬ В ЖЕНЕВУ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Фото А. Пахомова.

7 апреля в Москве на территории ВДНХ СССР открылась выставка «Венгрия освобожденная, 1945—1975», посвященная знаменательной дате — 30-летию освобождения страны от фашистского ига.

На открытии выставки присутствовали товарищи А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев и другие, партийно-правительственная делегация Венгерской Народной Республики во главе с членом Политбюро ЦК ВСРП, Председателем Совета Министров ВНР Е. Фоком, посол ВНР в СССР Д. Рапаи.

В своем выступлении товарищ Е. Фок отметил, что выставка будет содействовать укреплению плодотворного сотрудничества между нашими странами, нерушимой дружбы наших народов.

Выступивший затем член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин пожелал трудящимся Венгрии новых больших успехов в строительстве социализма, прогресса и процветания всему венгерскому народу.

хорошую школу в коллективе Василия Николаевича Шелудякова, ветерана труда и участника Великой Отечественной войны, — говорит начальник участка цеха Ю. П. Уманский. — И когда организовался новый пролет, мы решили поставить на него Войтенко. По складу своего характера и рабочему почерку он не похож на Шелудякова. Тот, несмотря на возраст и войну, которую прошел от начала до конца, — человек колоссальной энергии и высокого темпа. Войтенко на первый взгляд нетороплив, будто медлителен, раздумчив, но в бригаде у него работа идет быстро и высококачественно. Коллектив молодежный. Многие слесари-сборщики имеют среднее образование, другие учатся в техникуме.

Сам инженер Уманский тоже воспитанник НКМЗ. Начинал здесь токарем, затем закончил техникум, институт. Участок, который он возглавляет, специализируется на производстве кузнечно-прессового, сталеплавильного и прокатного оборудования. На примере Оборудования ярко виден удельный вес тяжелого машиностроения в экономике нашей страны, его вклад в девятую пятилетку.

Мираж — опаснейшая вещь для путника. Помню, мы ехали на машине по ливийской пустыне. Справа по ходу нашего движения, вдалеке я увидел очертания пальмовой рощи, какие-то строения и кромку сверкающей на солнце воды. «Повернем, — сказал я шоферу, — это, наверно, оазис Сива». «Нет, сэр, — сказал он. — До него еще километров 40. Это мираж. Там зыбучие пески». Я усомнился. Все было видно так отчетливо. «Нет, сэр, — повторил мой спутник. — Сколько бы мы ни ехали, все равно не доедем. А вернее всего, и назад не вернемся...»

Не менее опасны миражи и в политике. Они также уводят от цели. Их расценивание — необходимая предпосылка для того, чтобы выбрать правильный путь. Думается, что именно такой период переживают сейчас те силы, которые уповали на возможность решить конфликт путем «частичного урегулирования». Несостоятельным оказался сам замысел «выдавать» мир и справедливость на Ближнем Востоке населяющим его народам «по частям», как бы «по карточкам»...

Исчезают иллюзии и на тот счет, что арабские народы якобы склонны прекратить борьбу за ликвидацию последствий израильской агрессии и отказаться от полного освобождения захваченных врагом территорий.

События политической борьбы на Ближнем Востоке, в частности последнего времени, убедительно показали, что единственный путь к миру в этом районе пролегает через Женеву, через возобновление работы Женевской мирной конференции. Именно эта конференция, сформированная в соответствии с решениями Организации Объединенных Наций, является тем полномочным и представительным форумом, на котором могут быть намечены конкретные пути к миру и безопасности на Ближнем Востоке.

Арабские государства ставят сейчас этот вопрос в повестку дня политической борьбы вокруг проблем урегулирования. Инициативу проявил Египет. Он обратился к Советскому Союзу и США — сопредседателям конференции — с просьбой о созыве этого международного форума. Принципиальную позицию поддержки возобновления работы Женевской конференции неоднократно выражала Сирия. «Единственный выход — Женева» — эта формула стала сегодня лейтмотивом выступлений многих политических и государственных деятелей США и стран Западной Европы, а также целого ряда органов западной печати.

Однако уже сейчас можно заметить, что определенные силы хотели бы помешать созданию необходимых условий для плодотворности ее работы. В некоторых органах западной печати появились пессимистические рассуждения на тот счет, что, мол, к сожалению, Женева является «политическим», а не «дипломатическим» форумом и что Израиль может там «оказаться на скамье подсудимых»... Этих жалобщиков, как видим, прежде всего заботит, как бы оградить Тель-Авив от ответственности за совершенную им агрессию и помочь ему сохранить захваченные арабские земли. Задача, конечно, не очень благодарная. Нелепым является в такого рода аргументации противопоставление «дипломатического» и «политического» характера конференции. Слово такие международные форумы собираются не для того, чтобы дипломатическими путями решать политические вопросы! Политическое урегулирование на основе известных документов Совета Безопасности ООН, предусматривающих вывод войск захватчика с оккупированных территорий, обеспечение суверенитета и безопасности всех государств этого района — этими проблемами должны заняться полномочные представители в Женеве.

Израильские «ястребы», выступая против участия Тель-Авива в конференции, обосновывают это «опасениями», что арабские государства не проявят в ходе ее работы «достаточного миролюбия». В их устах такого рода «опасения» звучат более чем лицемерно. Организаторам ли военных провокаций против Ливана, террора и притеснений на оккупированных территориях, генералам, вынашивающим планы новой «шестидневной войны», говорить о «миролюбии»? Впрочем, в их интерпретации этот термин означает отказ арабов от борьбы за возвращение утраченных земель. Такого «миролюбия» от народов, борющихся за свое правое дело, против агрессии, действительно ожидать не приходится...

Наконец, можно проследить и стремление создать помехи для работы женевского форума путем ограничения числа его участников за счет представителей палестинского освободительного движения. Совершенно естественно, что в Женеве должны быть представлены все те силы, для которых урегулирование конфликта имеет жизненно важное значение. На равных правах на женевском форуме должен прозвучать и голос арабского народа Палестины, имеющего законное право на восстановление своей государственности, уничтоженной захватчиками. Необходимость участия палестинских представителей обусловлена и тем, что без решения палестинской проблемы не может быть и урегулирования конфликта в целом. Это признано всеми, кто исходит из реального положения дел на Ближнем Востоке.

Очень важно также, чтобы был обеспечен результативный характер работы конференции. Она должна быть соответствующим образом подготовлена. Конференция призвана разработать эффективную программу ближневосточного урегулирования, принять авторитетные документы, имеющие силу закона для всех сторон, которые к ним присоединятся. Должны быть реализованы заложенные в этом международном форуме возможности добиться справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

АНАТОЛИЙ КАРПОВ— ЧЕМПИОН МИРА

3 апреля весь мир напряженно ждал вестей из Амстердама, где президент Международной шахматной федерации Эйве все еще надеялся получить телеграмму из маленького калифорнийского городка Пасадены от Роберта Фишера, но так и не получил. Чемпион мира по шахматам Фишер без борьбы (без борьбы за шахматным столиком), просрочив время, должен был уступить свой титул молодому советскому гроссмейстеру Анатолию Карпову, которого торжественно провозгласили 12-м чемпионом мира...

Мы написали, что Фишер уступил свое звание без борьбы за шахматным столиком, и вряд ли эта фраза нуждается в расшифровке. После своей победы над Борисом Спасским три года тому назад Роберт Фишер так ни разу не сел за шахматный столик ни на одном из многочисленных международных турниров, состоявшихся за это время. Зато в своей борьбе с ФИДЕ Фишер внес больше шестидесяти требований, которые меняли формулу матча на первенство мира. И несмотря на то, что из последних четырех его требований три были приняты, это все равно не устроило чемпиона.

Всю парадоксальность сложившейся ситуации очень точно сформулировал голландский гроссмейстер Ян Доннер, заявив: «В период обладания высшим титулом Фишер не обогатил мировую шахматную школу, а внес в шахматный мир разногласия, далекие от спорта».

Это действительно так. По сравнению с требованиями Фишера, выставленными им перед матчем в Рейкьявике, его претензии перед матчем в Маниле оказались еще более бесцеремонными. Итог многомесячных споров и тяжб, которые вел Роберт Фишер, подвел американский гроссмейстер Роберт Бирн: «Считаю, что решение Фишера не играть с Карповым является прежде всего ударом по самому себе».

Увы, это был удар и по шахматам, и Анатолий Карпов это отметил с присущей ему прямоотой и искренностью: «К сожалению, американский гроссмейстер по непонятным мне причинам отказался защищать свое звание. Я очень хотел бы, чтобы этот матч состоялся, и считаю, что сделал для этого все возможное».

Карпов имел все основания для того, чтобы принять врученную ему шахматную корону. В свои двадцать четыре года он добился многих успехов. В его послужном списке победы на международных турнирах в Москве, Гастингсе, Сан-Антонио, Мадриде. В составе сборной команды СССР Карпов дважды участвовал в шахматной Олимпиаде и выступал на командном чемпионате Европы. Он возглавил команду СССР на XI Олимпиаде в Ницце и добился рекордного результата, завоевав 12 очков из 14 возможных. На отборочных соревнованиях на первенство мира в 1973 году Анатолий Карпов разделил первое и второе места, а в прошлом году одержал победы в матчах претендентов над Львом Полугаевским, Борисом Спасским и Виктором Корчным — сильнейшими гроссмейстерами мира.

Такова история Карпова-шахматиста. И сегодня, завоевав мировое первенство, молодой советский гроссмейстер вовсе не собирается почитать на лаврах. Вот что он заявил, узнав об отказе Фишера защищать свой титул: «Шахматы не перестают существовать для меня после завоевания титула. Я собираюсь часто выступать в соревнованиях и сделаю это уже в ближайшее время».

В отличие от Роберта Фишера, который после своей победы в Рейкьявике обещал выступать каждые шесть месяцев, Карпов, конечно, сдержит свое слово. Еще в этом году мы его встретим среди участников одного из международных турниров.

В. ВИКТОРОВ

Мюнхен. Чемпионат мира по хоккею. Валерий Харламов и Борис Михайлов атакуют ворота польской команды.

Фотохроника ТАСС

К Л Ю Ч К

Статистики, как известно, знают все. Спортивные статистики тем более.

Есть своя статистика и у хоккея. И я несколько не удивился, когда мой сосед по ложе прессы в самый напряженный момент матча сборных СССР и Финляндии, когда в начале третьего периода финны забросили четвертую шайбу, стал нас успокаивать: «Ведь за всю историю чемпионатов мира эти команды провели 23 матча и ни разу советские хоккеисты не отдали финским ни очка. Почему же сегодня это должно случиться?»

И наш эрудит был прав. Сборная СССР, забив подряд еще четыре шайбы, выиграла со счетом 8:4.

Однако целиком полагаться на статистику все же рискованно. Исход матчей решается не традиционным соотношением сил, а сегодняшними возможностями соперников, уровнем их подготовки, спортивной формой.

ВОЗДУШНАЯ ДОРОГА В ЛИССАБОН

Столица Португалии — Лиссабон.

Фото автора

Наш самолет ИЛ-62 летит по международной трассе Москва—Лиссабон с посадкой во Франкфурте-на-Майне. Это новая линия Аэрофлота, и для изучения технических возможностей ее эксплуатации на борту находится специальная комиссия, которую возглавляет Виталий Филиппович Киселев, главный штурман гражданской авиации СССР. Действия экипажа проверяет заслуженный пилот СССР Виктор Иванович Сотников.

Улучив удобную минутку, спрашиваю у командира корабля Владимира Григорьевича Власова: «Как проходит полет?» Отвечает: «Нормально! До Лиссабона тридцать пассажиров. Общая коммерческая загрузка почти шестнадцать с половиной тонн. Совсем неплохо!»

Воздушная дорога до Франкфурта-на-Майне хорошо знакома советским пилотам. Между этим городом и Москвой прямое воздушное сообщение, а вот дальше, до Лиссабона, про-

МЕДАЛЯМ

Хоккейные статистики перед турниром в Мюнхене — Дюссельдорфе подсчитали, что главные претенденты на золотые медали — сборные Чехословакии и СССР провели между собой 27 поединков и в 16 победила советская команда, в 7 — ее соперники, а 4 встречи закончились вничью. Казалось бы, что статистика «голосует» за нынешних чемпионов мира. Но три матча, сыгранных во второй половине марта в Праге, в рамках турнира на приз газеты «Известия», закончились, как известно, убедительной победой хозяев льда. И вот большинство журналистов, аккредитованных в пресс-центре чемпионата, заполняя анкеты накануне первого матча, проголосовали за сборную Чехословакии.

Первые туры, первые матчи — это ключ к двери, за которой хранятся золотые медали. Три первых тура позволили нам ближе познакомиться с командами, с их реальными воз-

можностями. Однако скоропалительные выводы могут оказаться ошибочными. Пока можно заметить, что у двух главных претендентов на золотые медали атака снова преобладает над обороной. Наши хоккеисты забили довольно много голов (в трех матчах — 31), но и пропустили немало: нашим вратарям пришлось одиннадцать раз вынимать шайбу из своих ворот. По прежним меркам этого хватило бы чуть ли не на целый турнир (напомним, что в прошлом сезоне за весь второй круг чемпионата сборная СССР пропустила всего 6 голов). И, право же, можно понять претензии старшего тренера команды Бориса Павловича Кулагина к защитникам, когда на первой же пресс-конференции он заявил, что действиями форвардов он удовлетворен, а вот игрой оборонительных линий — нет.

Другой вывод из матчей первых туров можно сформулировать так: тон задают ветераны. Когда финская команда вышла на разминку, сидевший рядом с нами Аркадий Иванович Чернышов, много лет руководивший сборной страны, воскликнул: «Ну и ну, Сеппо Линдстрем опять играет! Ведь финны простились с ним еще несколько лет назад...»

Команда Суоми призвала под свои знамена многих опытных мастеров. Моложе двадцати двух лет не найдешь в команде ни одного, а вот 28-летних — восемь, Пелтонену — 31 год, Оксанену — 33 года и Линдстрему, появление которого в составе сборной вызвало изумление Чернышова, — 34 года.

Немало ветеранов и в сборной Чехословакии. Самым молодым хоккеистам по 22 года, а защитнику Поспишлу, выступающему в паре с 29-летним Махачем, — 31 год, как и нападающему Иржи Холику. Многие опытные бойцы чехословацкой команды прошли огонь, воду и медные трубы современного хоккея и не теряют спокойствия в самых трудных ситуациях. Поколебать боевой настрой чехословацких хоккеистов — задача совсем непростая.

И в сборной СССР лидеры команды — звено Петрова играет уже не первый год, его дебют пришелся на март 1969 года. Тогда на чемпионате в Стокгольме новички выступили прекрасно. Их мастерство не меркнет, и остается надеяться, что партнеры по команде будут играть так же самоотверженно и результативно.

Олег СПАСКИЙ

Мюнхен, по телефону.

легает незнакомый путь. Это, конечно, условно. Наши летчики знают, как обеспечивать воздушное движение над Европой соответствующие службы. Но все же это следует проверить.

До швейцарской границы мы находимся на попечении диспетчерской службы Франкфурта-на-Майне. А потом нашим полетом руководит Берн; пересекли французскую границу и «попали в руки» Лиона, затем Мадрида и, наконец, установили связь с Лиссабоном. Комиссия отметила, что земля хорошо обеспечила наш полет, а Лиссабон очень четко руководил посадкой в довольно сложных метеорологических условиях.

Генеральный представитель Аэрофлота в Португалии Владимир Васильевич Шилов — в хлопотах и заботах. На его ответственности техническое и коммерческое обслуживание наших самолетов в Лиссабонском аэропорту, обеспечение

отдыха экипажа, который здесь сменяется, гостиница для транзитных пассажиров и многое другое. А чтобы справиться, особенно на первых порах, требуется много энергии, усилий и опыта.

Спрашиваю, какие перспективы, как грузы, велик ли поток пассажиров.

— Ну, наш пассажирский поток еще не Волга-матушка, — улыбается он. — А вот перспективы хорошие. Экономические связи между Португалией и Советским Союзом развиваются. Еще в конце прошлого года было подписано торговое соглашение. Часть грузов будет отправляться воздушным путем. Дело-вые люди, коммерсанты, представители государственных фирм, политические деятели летают на самолетах Аэрофлота.

Авиалиния Москва—Лиссабон вступила в строй.

А. ГОЛИКОВ

«БАМ— ЭТО КОЛОССАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ»

ПОЕЗДКА
ИНОСТРАННЫХ
КОРРЕСПОНДЕНТОВ
В СИБИРЬ

Недавно группа иностранных журналистов, аккредитованных при Отделе печати МИД СССР и представляющих крупнейшие печатные органы США, Франции, ФРГ, Италии, Венгрии, Финляндии, совершила ознакомительную поездку по Сибири. Они посетили Иркутск, Братск, Усть-Илимск, Усть-Кут, Якутск и Алдан. Журналисты побывали на Усть-Илимской и Братской ГЭС, на строительстве БАМа и на других стройках и предприятиях Советской Сибири.

Делясь своими впечатлениями о поездке, они с удовлетворением отмечали, что получили представление о Сибири, ее промышленном развитии, познакомились с сибиряками и суровым сибирским климатом.

В частности, корреспондент американской газеты «Лос-Анджелес таймс» Роберт Тот сказал: «Перед поездкой я прочитал много литературы о сибирском крае, поэтому знакомство с ним было для меня интересным. Иркутск — первый город нашего пребывания. Это современный, благоустроенный город, где есть все необходимое для нормальной деятельности трудящихся. Большое впечатление на меня произвело озеро Байкал. И, говоря об этом чуде, мне хочется, чтобы оно всегда оставалось таким же чистым и красивым. Здесь мне хочется напомнить об истории американского озера Эри, которое было сильно загрязнено отходами целлюлозных заводов. Сейчас, правда, предпринимаются меры по его очистке. Промышленное развитие Сибири осуществляется вместе с мероприятиями по охране природы, и это очень правильно.

Братск. Теперь я стал понимать проблемы, которые стоят перед братчанами, сколько труда было вложено ими, чтобы город, ГЭС и

заводы стали такими, какие они сейчас. Больше всего меня поразила стойкость русской женщины, которая живет в этом суровом крае, воспитывает детей и помогает мужчине завоевывать Сибирь.

В Усть-Куте я почувствовал себя в старой Сибири, ощутил настоящую сибирскую атмосферу. Но это и будущее Сибири, которое начнется после завершения строительства БАМа.

Поездка по Сибири напомнила мне об американских переселенцах, которые более 100 лет назад осваивали запад Соединенных Штатов. Я стал лучше понимать проблемы, стоящие перед переселенцами, и почувствовал симпатию к сибирякам».

— Многие из нас были удивлены сибирским размахом, — сказал Джим Дженсон из «Чикаго трибюн». — Якутия — очень богатый район вашей страны, и его развитие изменяет само понятие о Сибири.

Сейчас в Сибирь едут самые лучшие люди, несмотря на труднейшие климатические условия. Едут комсомольцы, квалифицированные рабочие, инженеры. Люди — вот что больше всего меня удивило в Сибири. Их целеустремленность, их уверенность.

Братск мне понравился больше всего, может быть, потому, что он стал современным, благоустроенным городом. Однако при строительстве подобных городов неизбежно возникает проблема окружающей среды, и с этим вы неплохо справляетесь на примере Байкала.

БАМ — это колоссальный проект. Огромные изменения произойдут в Сибири после окончания его строительства.

А. САЗОНОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

«НАПИШИТЕ
ДОМОЙ:
ВОЙНА
ОКОНЧИЛАСЬ!»

КТО НАЗОВЕТ

В эти дни почта «Огонька» выросла, как никогда. Пишут бывшие войны, пишут матери, вдовы, дети тех, кто тридцать лет назад с победой вступил в Берлин. Каждый день в редакции раздаются телефонные звонки, читатели рассказывают о волнующих встречах, состоявшихся три десятилетия спустя. Мы рады, что «Огонек» помог однополчанам найти друг друга, рады, что на нашем снимке сын узнал отца, боец — своего командира.

Особенно много писем от участников штурма Берлина, писем, которые пришли в ответ на обращение «Огонька» «Кто назовет их имена?» (номер первый за 1975 год). Продолжаем их публикацию.

БОВОЙ КОМАНДИР

Если вам напишет кто-либо из солдат, сержантов и офицеров отдельной роты крупнокалиберных пулеметов ДШК Фетисов Леонид, Кулиев Борис, Худяков, Мякиников Николай, Куценко, командир роты капитан Ломакин, старшина Ботвин Федя и другие, то считайте их участниками этого митинга. Они в последние дни и часы войны после большого боевого пути продолжали ожесточенные бои в Берлине у Бранденбургских ворот. Наша рота входила в состав 301-й стрелковой дивизии, которую поддерживал 823-й артополк. Мы одними из первых ворвались в Берлин. Это были тяжелые бои, но мои товарищи сражались героически. Капитан Ломакин всегда был впереди и воодушевлял солдат личным примером. На этой фотографии я узнал Фетисова Л., Кулиева Б., Мякиникова Н. и себя. Надеюсь, мои товарищи отзовутся.

Посылаю вам фотографию моего боевого командира капитана Ломанина. Он был у нас всеми любимым, требовательным, добрым и героически смелым командиром. Найдите его, и он многое расскажет и узнает многих на фото.

Мне в то время было

20 лет. После войны я окончил Одесский сельскохозяйственный институт, а затем Мелитопольский институт механизации сельского хозяйства. Работаю инженером-землеустроителем Доманевского райсельхозуправления. Награжден двумя орденами Красной Звезды и многими медалями, в том числе «За взятие Берлина».

П. БЕЛИНСКИЙ.

Николаевская область,
пос. Доманевка.

ВЕРЮ, ЧТО БУДЕТ ТАК!

Я узнал капитана Кремень Александра Алексеевича, с которым находился на этом летучем митинге. Он стоит спиной к танку, в фуражке, курит. Там еще были сержант Гусев и старший сержант Артамонов. А через день мы оставили свои автографы на рейхстаге. Сейчас камень, на котором я расписался с другими однополчанами, хранится в Ленинградском музее Великой Октябрьской революции. На нем есть имя и капитана Кремень. Знаю, что Кремень, Артамонов до войны жили и работали в Ленинграде.

Я стою под стволом танка. За моей спиной стоял раненный в голову, забинтованный. Помню, он ругался сквозь зубы — видать, рана его сильно тревожила. Кто-то полуслуша пригрозил уложить его на носилки и отнести в санбат.

На митинге мы встретились с офицерами и солдатами 52-й гвардейской стрелковой дивизии. Это мне запомнилось хорошо, потому что в ней начинал свою службу.

Мы с капитаном Кремень служили в 26-м инженерно-аэродромном батальоне. Тогда, у Бранденбургских ворот, можно было слышать:

- Откуда, земляки?
- С 1-го Украинского!
- С 1-го Белорусского!
- Так то было вчера. Теперь фронт у всех один — Берлинский!

Мой боевой путь начался в 1941 году. В июле, на второй месяц войны, я стал свидетелем случая, о котором и сейчас не могу забыть.

Горноегерский корпус генерала Дитля рвался к Мурманску. В «долине смерти» произошло жестокое сражение, прибавилось солдатских могил и у нас и у горных егерей. Здесь я потерял своего друга Мишу Потапкина, уроженца села Родионо, Алтайского края, многих своих однополчан: капита-

на Пасько, лейтенанта Тарасова...

Когда была отбита последняя атака, за ближними скалами мы увидели двух раненых: нашего старшину-артиллериста и немецкого солдата. Русский и немец, оба окровавленные и обессиленные, поддерживая друг друга, медленно брели горной тропой. Старшина, заметив нас, прохрипел:

— Братцы... помогите нам... добраться до санбата.

Мы подошли ближе. Немец снял с плеча автомат и протянул его нам. Потом сел и стал разуваться. Распоров ножом подкладку сапога, достал билет члена Коммунистической партии Германии. Это было так неожиданно, что мы сначала не поверили. Но солдатская книжка и партийный билет были выписаны на одно и то же лицо. Кажется, это был рядовой 1-го батальона 138-го горнострелкового полка. Теперь я, к сожалению, не вспомню имени этого немецкого коммуниста, сдавшегося в плен в первом же бою. Старшина рассказал, что был ранен и потерял сознание, а когда пришел в себя, то увидел над собой немецкого солдата. Немец, сам серьезно раненный, привел в чувство русского и стал спрашивать дорогу в расположение наших частей. Снял с себя плащ-накидку, мы уложили на них раненых и понесли в санитарный батальон.

...И вот Берлин, весна 45-го, которая никогда не угаснет в каждом из нас. Город в развалинах. Карту вынимать бесполезно: в руинах смешались перекрестки, кварталы, улицы. Ведут колонну пленных. И вдруг истошный крик. Из полуразрушенного здания выбегает женщина и кидается на шею сыну. С трудом уговорили ее, оттащили от сына, успокоили: «Не убивать ведут пленных, а на сборный пункт».

Вход в метро на улице Унтер-

Представьте себе мою неповторимую радость, когда через 30 лет после войны я увидел на снимке замечательных ребят, своих боевых фронтовых друзей, с которыми прошел большой путь, и не из легких — от Курска до Берлина.

Да, почти горстка людей осталась от полка после тяжелой майской ночи с 1 на 2 мая 1945 года. Очень многие не вернулись в строй после штурма фашистского логова.

Действительно, этот митинг состоялся как-то сам по себе, стихийно. Сначала командиры рот справлялись, кто уцелел после ночного боя, потом подъехал комбат 2-го батальона, ес-

ли память мне не изменяет, гвардии майор Симонов, чуть попозже подъехал командир 74-го стрелкового полка гвардии подполковник Ушаков. Начался митинг. Несмотря на прошедшую тяжелую, бессонную ночь, чувствовалась какая-то радость на душе. Как сейчас, помню слова командира полка: «Приказываю всем немедленно сообщить письмами родным и близким о том, что война в Берлине окончена и что остались живы. И, конечно, почтим память погибших».

На этом снимке изображены мои фронтовые товарищи и друзья из бывшего 74-го гвардейского стрелкового ордена

Суворова I степени Познаньского полка, 27-й гвардейской стрелковой орденов Кутузова, Богдана Хмельницкого, Суворова I степени дивизии, гвардейской прославленной армии, которой командовал В. И. Чуйков, ныне Маршал Советского Союза. С борта танка выступает, по-моему, майор Симонов, сзади на танке стоят командир минометной роты капитан Самойлов, а рядом с ним в пилотке командир первого расчета 82-мм миномета Жора Терезкин. Подле танков, а их там был не один, стоят наши гвардейцы: минометчики, пулеметчики, часть оставшихся от батальона пехоты, ну и, конечно, моя родная батарея 45-мм пу-

шек, которой после ранения комбата командовал гвардии старший сержант, кавалер трех орденов Славы Маркин Иван Алексеевич. На снимке он стоит подле пушки и смотрит в тыл. На артиллерийском передке дремлет Федя Балясин, и далее стоят орудийные номера Ибрагимов, Доля, Хасанов, Плужников и другие гвардейцы нашей батареи. В лицо всех помню, а фамилии позабыл, да и не мудрено: 30 лет прошло.

В настоящее время работаю на заводе «Счетмаш», ударник коммунистического труда, член КПСС. Сын и дочь уже взрослые.

А. МАВРИН

Курск.

ИХ ИМЕНА?

Эта фотография сделана в мае 1945 года в городе Эльстерверде. Она экспонируется в Ленинградском музее Великой Октябрьской революции вместе с камнем из стены рейхстага, который я передал музею по его просьбе.

ден-Линден, вблизи имперской канцелярии. Молодая немка с куклой в руках зовет свою дочь. Она осталась там, в затопленном метро. Сумасшедшая не замечает нас, она баюкает на руках куклу и разговаривает с ней, как с живой, нежно называет ее Кларой...

14-летний фольксштурмист умирает у груди фаустпатронов. Мальчишка хотел выстрелить в нас, но неумело владел этим оружием, ему разорвало живот.

Старик немец тащит меня за рукав в подвал, что-то бессвязно лепечет. Там два подростка 15—16 лет. Оказалось, они избили этого старика за то, что тот выбросил на мостовую портрет обожаемого фюрера.

Худая, интеллигентного вида немка с девочкой и мальчиком у нашей воинской кухни. Повар кричит солдатам:

— Эй, ратники, у кого котелок опростался? Накормить надо де-тишек.

Ефрейтор Ягуда Юсупов, татарин, подал немке свой котелок:

— Возьми вот, накорми детей и сама поешь. С ног ведь вали-тесь! — Немка взяла котелок, поблагодарила слабой улыбкой.

2 мая 1945 года у Бранденбургских ворот я познакомился с пленным Гансом Нойпертом. После войны, на антифашистском митинге в городе Балахне, Горьковской области, перед отправкой пленных на родину, встретился с ним вновь. Пожимая мне на прощание руку, он сказал:

— Это была последняя война. Иначе зачем же природа наделила человека разумом?

После войны я работал учителем, преподавал немецкий язык. Все эти годы война гналась за мной по пятам, догоняла тяжелыми болезнями. Сейчас я инвалид 2-й группы. Отец, бывший преподаватель средней школы, убит на Нарвском плацдарме в феврале 1944 года. Младшая сестра Ида умерла в войну. Отец моей жены тоже не вернулся домой. Рядом со мною живут солдатские вдовы, они вырастили детей одни и сами давно стали бабушками.

Дорогой ценой заплатили мы за Победу. Я верю, что будет так, как сказал тогда Ганс Нойперт.

М. КОРОБЧЕНКО,
кавалер ордена Славы

Горьковская область,
Богородск.

НАШ ВЕТЕРАН

На этом снимке есть отец трех учеников нашей школы Яцковский Григорий Иванович (стоит в пилотке справа под стволом танка, против второй колонны). Он коммунист, работает в колхозе «XXII съезд КПСС» нашего района. Григорий Иванович нам рассказал, что рядом с ним на снимке Петр Топорец и Кашуба Григорий из Турзовки, Желавский Казимир из нашего села, который погиб. Командиром взвода был Морозов из Винницкой области, а командиром танко-

вого отряда — Лыкин Виктор.

У Яцковского есть медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». О событиях тех лет он рассказывал и нам и на партийном собрании колхозной бригады, рассказывал очень взволнованно.

Члены КИДа «Факел» Григоровской восьмилетней школы

Молдавская ССР,
Лазовский район.

ГДЕ ТЫ ТЕПЕРЬ, УРЗАМАТ?

На фотографии я узнал своего командира роты гвардии старшего лейтенанта Махиева Урзамата. Я тоже был на рассвете 2 мая у Бранденбургских ворот, но себя на снимке не нашел.

Вот эту фотографию Урзамат подарил мне 16 мая в Берлине. А я дал ему свою. И после войны мы целый

год служили в одной части. Потом демобилизовались. С тех пор ничего не знаю о своем боевом друге.

И. РЯБИШЕНКОВ

Ростовская область,
станция Нижне-
кундрюченская.

При ЖЭКе № 18 Дзержинского района Москвы постоянно действует агитпункт.
Фото М. Савина.

КРАСНЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

15 июня, воскресенье, красный день календаря. Заплещутся флаги, заалет кумач транспарантов на улицах городов и сел: в этот день состоятся выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы депутатов трудящихся. Нынешние выборы будут иметь особое значение в общественной жизни страны. Они проводятся в год 70-летия первой русской революции, в огне которой и родились первые Советы — прообраз Советской власти, и в год 30-летия великой Победы над германским фашизмом.

В преддверии выборов с особой силой звучат слова товарища Л. И. Брежнева, произнесенные им на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы: «С полной убежденностью в своей правоте мы утверждаем, что именно социализм и только социализм обеспечивает на деле осуществление демократических свобод. Подлинный демократизм пронизывает все сферы нашего общества, эффективно обеспечивает как интересы и права всего народа, так и интересы и права каждого гражданина. И главным носителем принципов социалистической демократии, гарантом ее успешного поступательного развития выступает наша ленинская партия».

За годы, прошедшие со времени предыдущих выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы, многое сделано для развития и совершенствования социалистической демократии, для повышения роли и авторитета органов государственной власти всех ступеней. Значительно расширены права и материальные возможности Советов. Существенно повысил эффективность их деятельности Закон о статусе депутатов, принятый два с половиной года назад.

Наши Советы кровно связаны с народом. Депутаты систематически отчитываются перед избирателями. Большая и плодотворная работа ведется по претворению в жизнь сотен тысяч наказов трудящихся.

Всенародным смотрам деятельности Советов нынешнего созыва станет подготовка к выборам, которая уже началась. Утверждена Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет РСФСР девятого созыва. Эту комиссию возглавляет Ю. А. Овчинников. Созданы центральные избирательные комиссии и в других союзных республиках. Образованы избирательные округа в союзных и автономных республиках. Приступили к работе агитпункты.

Советский народ достойно встретит выборы в Советы, ознаменует их новыми трудовыми победами.

ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ

Участники встречи поколений на Красногорском механическом заводе. Слева направо: Герой Советского Союза В. Бударгин, подполковник М. Львов, вице-адмирал И. Азаров, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации В. Голубев.

Фото автора.

В этот весенний день клуб Красногорского ордена Ленина механического завода был переполнен. Открывая встречу, посвященную 30-й годовщине со Дня Победы, секретарь парткома завода Н. В. Федин представил рабочему коллективу гостей — героев сражений за Родину: участника бомбардировок Берлина в августе 1941 года Героя Советского Союза генерал-лейтенанта в отставке П. И. Хохлова, одного из организаторов обороны Одессы и Севастополя, вице-адмирала в отставке И. И. Азарова, Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации В. Ф. Голубева, Героя Советского Союза генерал-майора Н. С. Угрюмова, участника штурма Берлина генерал-майора в отставке М. П. Еремина, комиссара гвардейской дивизии, защищавшей столицу под Красногорском, полковника запаса М. В. Бронникова, начальника политотдела той же дивизии генерал-майора М. М. Вавилова, защитника Ленинграда полковника И. К. Проскурина, генерал-майора запаса П. И. Маркина, сражавшегося в небе Балтики летчика-истребителя генерал-майора авиации запаса И. В. Лукина.

Участники встречи рукоплещут своим товарищам по работе Героям Советского Союза П. И. Головкину, героически оборонявшему Брест и форсировавшему Днепр, и В. А. Бударгину, бывшему штурману балтийских торпедоносцев.

Первый секретарь Красногорского ГК КПСС М. Л. Ващекина, приветствуя ветеранов, сказала, что многие герои войны продолжают свой подвиг в труде. Дела и подвигам отцов и дедов верно молодое поколение рабочих завода. Многим из них на этой встрече были вручены удостоверения и знаки гвардейцев пятилетки.

Г. МАКАРОВ

НА ЭКРАНЕ АНГЛИЙСКАЯ МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ

Ретроспектива английской мультипликации была предусмотрена программой культурного обмена между СССР и Великобританией. Она проведена в обмен на Неделю советских мультфильмов, прошедшую в прошлом году в Лондоне с большим успехом. Мастера английского кино с уважением отзывались о творчестве наших ведущих мультипликаторов: И. Иванова-Вано, Л. Атаманова, Ф. Хитрука. У советских мультфильмов высокий авторитет.

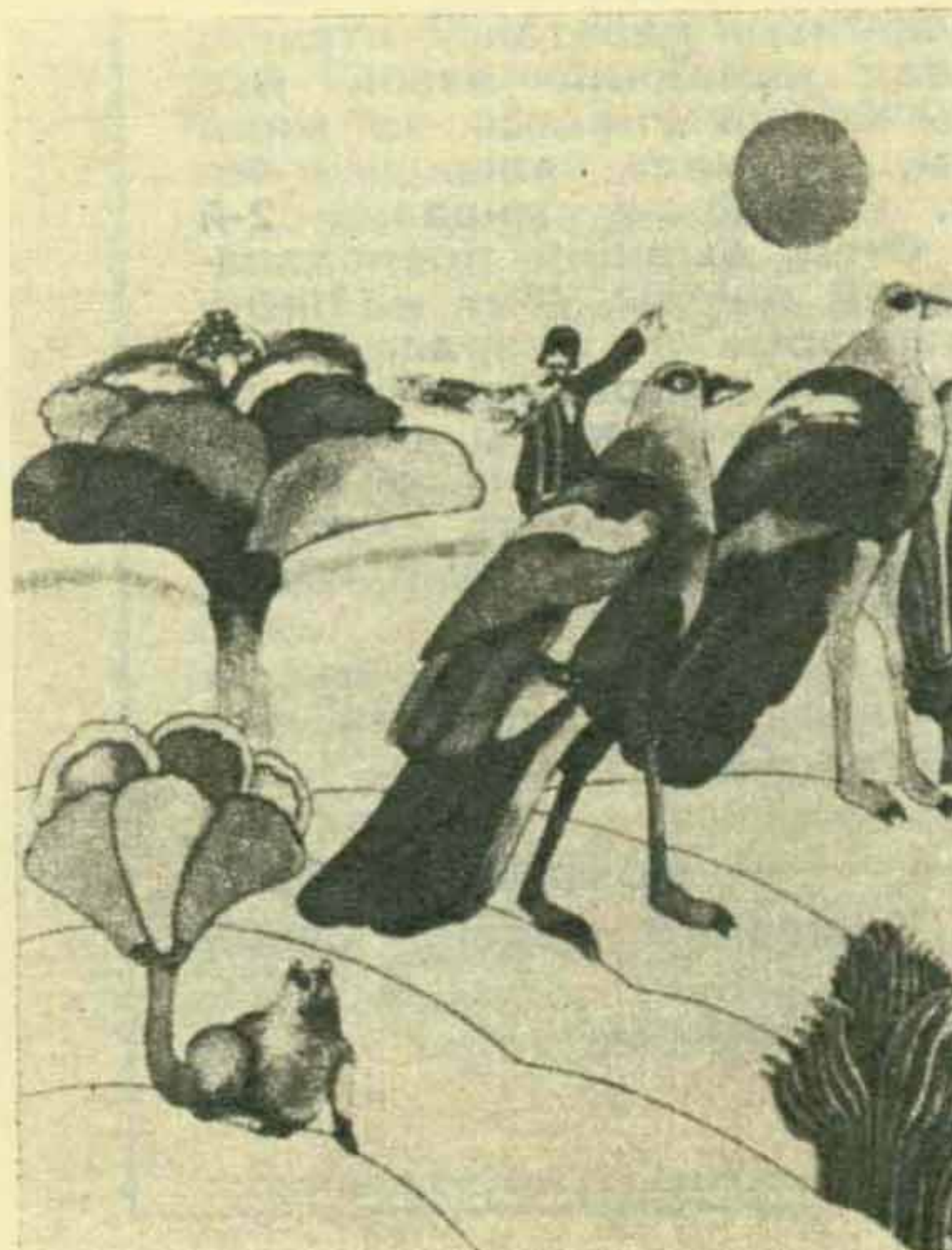
Делегацию гостей возглавлял ветеран английского кинематографа Джон Халас, очень продуктивный художник; некоторые мультипликационные его картины были представлены и на Ретроспективе.

У Халаса есть серия музы-

кальных юморесок. В частности, он показал миниатюру под названием «Симфонический оркестр», полную неожиданных и оригинальных находок, кстати, рассчитанных на любую возрастную аудиторию.

Такова же и экранизация «Трех мушкетеров». Пожалуй, фильм этот можно назвать ожившим комиксом; Халас адаптировал роман Дюма, оставив свой выбор на динамичных приключениях героев с бриллиантовыми подвесками.

Картина Джорджа Даннинга «Желтая подводная лодка» за рубежом рекламировалась чрезвычайно широко. Озвучивали фильм знаменитые биттлы. Поражает постановочный его размах, настоящее пиршество красок, каскад смешных ситуа-

ций. Неистощима фантазия художника — мультипликатора «Желтой лодки» Эдельмана, придумавшего десятки веселых образов-масок.

Запоминаются и небольшие мультипликации Даннинга. Фильмы этого художника «Летающий человек» и «Лестница» исполнены мудрой грусти, неторопливы по ритму, не спешат развлечь зрителя «верняковыми» трюками. Даннинг предпочитает рисунку красочное пятно: на экране мы видим словно удары кисти, которая на наших глазах творит самое кинодейство.

Еще один полнометражный мультфильм — «Маленький остров» — представил режиссер Ричард Уильямс. Картина эта вместе с одночастевой «Матрос и дьявол» познакомила нас с творчеством художника беспокойного, экспериментирующего...

Итак, программа исчерпана. Зрители ждут новых, безусловных, обещающих встреч.

Юрий ТЮРИН

Ж. Китайка. 1914—1962. ПОРТРЕТ ГЕРОЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ Г. И. КОТОВСКОГО. 1948.

Н. Присекин. Род. 1928. КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАВЕЛИН. 1965.

И. Бордачев. Род. 1920. ПОДВИГ. 1962.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Глубокой ночью Никитин просыпался несколько раз, с чувством беспокойства ворочался, приподымал голову, прислушиваясь к неживому безмолвию дома, к застывшей, без единого звука тишине городка, из конца в конец залитого лунным светом. Сыроватой свежестью сирени, запахом цветущих яблонь тянуло прохладной струей в раскрытое окно, влажным ветерком омывало его горячее лицо. Среди пустынного сияния неба, над островерхими черепичными кровлями, на западе, недоспелым ломтем арбуза висела за соснами луна, и крыши, и сады, и улицы с серебристым переливом брусчатника — все было затянато синим дымом, по-ночному неподвижно, только изредка возле дома шуршала трава под сапогами часового, и тогда Никитин, успокоенный, снова засыпал.

Уже на заре он вздрогнул в полусне от постороннего звука, раздавшегося где-то рядом. Он открыл глаза, и, поворачиваясь на бок, машинально рванулся к обмундированию на стуле у изголовья, к кобуре пистолета, положенной поверх гимнастерки, но тут же понял, что разбудило его внезапно: возникли шаги на площадке лестницы, потом слабенько постучали в дверь — и затихло.

Было светло и зябко. Стояло, сквозило через пламенеющие вершины сосен утро, раннее, розовое, прозрачно-чистое.

— Кто там? — крикнул Никитин. — Ушатиков? Вы?

В дверь опять негромко постучали — и сквозь повторный стук осторожный девичий голосок, замирая, пролепетал на немецком языке:

— Darf man herein, Herr Offizier? ¹

«Что такое? — подумал Никитин, встревоженный, восстанавливая в памяти все случившееся ночью, и в голове его туманно мелькнуло: — Это та фрейлен Эмма? Она вместе с братом собирала вещи в другой комнате на мансарде, когда я вернулся после проверки постов. Да, они должны были уйти утром... Зачем она ко мне? Что-нибудь хочет сказать? Сообщить? Что-нибудь произошло?»

И Никитин, еще нечетко соображая, искал на всякий случай русско-немецкий разговорник и, не найдя его, потянул перину на грудь, откликнулся без уверенности:

— Входите. Herein. У меня не заперто.

Дверь легонько толкнули, она замедленно приотворилась, проскрипела — и в щелку сначала двинулся маленький поднос с чашечкой, две тонкие руки, торчащие из широких рука-

вов цветного халатика, и, держа подносик, боком вошла Эмма, закрыла дверь коленкой, заspanно и робко улыбаясь вроде бы одережевшими губами:

— Guten Morgen, Herr Offizier, guten Morgen!..²

— Guten Morgen, — ответил Никитин, стесненный этим ее приходом, удивленный необычным видом этого подносика с чашечкой кофе, наверное, предназначенного для него, и, не сумев скрыть первой неловкости, покраснел и, запинаясь, усиленно напрягая школьные знания немецкого языка, попытался спросить:

— Was ist das? Warum? ³

— Ihr Kaffee, Herr Offizier. Bitte schön ⁴.

Покачивая ногами халатика, она подошла несмело, предупредительно-ласково кивая, поставила подносик на край постели, и он, до растерянности смущенный, даже отодвинул ноги под перину подальше от подносика, глядя на нее тупо-невывавшимися, вопросительными глазами.

— Was ist das? Warum? — проговорил он одну и ту же школьную фразу.

— Bitte sehr, Herr Offizier, bitte sehr. Guten Morgen... ⁵

— Guten Morgen, — пробормотал он, томясь и не находя, что сказать на ее улыбку, как возразить по поводу кофе, принесенного ему в постель.

— Bitte sehr...

Она тоже в замешательстве сделала вчерашнее полуприседание возле постели, ее раздвинутые волнением серо-синие глаза с осторожной прислушивающейся улыбкой смотрели на губы Никитина, а он ощутил: в комнате поутреннему запахло туалетным мылом или едва внятным одеколоном (запах этот встречал Никитин в немецких офицерских блиндажах, и так же по-немецки источали лавандовую сладость вещи здесь, в пустом доме, когда они заняли его). И он зачем-то подумал, что она по аккуратной привычке умылась недавно холодной водой с ароматическим мылом, ее желтые, казалось, сплошь выгоревшие на солнце волосы были по-новому опрятно причесаны, отливали золотистым блеском; и еще бегло увидел он детские, густые, как у мальчишки, веснушки, они весело пестрили ее лицо вокруг чуточки вздернутого носа, и лишь один рот был прежним: некрасиво вздутым, искусанным.

Он отвел взгляд, вспомнив ее придушенной подушкой, распростертой, раздавленной на постели, где сейчас лежал он, ее зажатые вскрики «найн, найн», ее в сопротивлении двигавшееся колено под лунным светом, — и со стыдом от того, что она должна была помнить это, почувствовал влагу испарины на лбу.

— Danke ⁶, — чрезмерно официально сказал он, напуская на себя строгость, и в то же время подумал: «Как это неудобно — кофе в постель. Чего она ждет? Пока я выпью кофе? Что за обычаи? И что делать?»

Он решил и сел на постели, придерживая перину на груди, взял крошечную фарфоровую чашечку, отпил глоток теплой горьковатой жидкости, помедлил из-за неуверенности,

² — С добрым утром, господин офицер, с добрым утром!..

³ — Что это? Почему?

⁴ — Ваш кофе, господин офицер. Пожалуйста.

⁵ — Пожалуйста, господин офицер, пожалуйста. С добрым утром...

⁶ — Спасибо.

отпил еще глоток, опустошая всю чашечку, и поставил ее на подносик.

— Danke, — сказал Никитин и, чтобы как-то выказать необходимую, вероятно, в таких случаях особую благодарность за оказанное внимание, сконфуженно солгал: — Прекрасный был кофе. То есть... wunderbar, ausgezeichnet Kaffee ⁷. Спасибо.

— Bitte schön, Herr Offizier. Спа-ас-ибо?..

Она поняла и, продолжая улыбаться, сделала то странное покорное полуприседание, какое удивляло и озадачивало его, — от этого ее приседания в разрез халатика выглянуло ее белое круглое колено, — и он, уже горячо краснея, тотчас отвернулся к стене, снова вспомнив тот момент, когда вбежал в мансарду и различил на постели темную шевелящуюся массу и под лунным светом безобразно отогнутое это ее колено.

— Danke, — пробормотал Никитин и посмотрел на потолок, на его гладкую чистоту, по которому веерообразно и зыбко расходились розоватые блики солнца, как отражение в воде.

«Ей надо сейчас как-то сказать, чтобы она ушла, — поспешно подумал он, испытывая потребность высвободиться из необычного положения вяжущей скованности. — Она здесь, а я не одет. Как ей сказать: «комм», «weg», «zurück»? ⁸ Или махнуть рукой в сторону двери? Может быть, улыбнуться и сказать: «Danke, zurück»? Каким с ней быть — вежливым, строгим, официальным? Она видела меня вчера в том жутком состоянии. Я кричал на Меженина. И, наверно, она боится меня. Что она говорит? О чем она говорит?»

— Herr Leutnant... Hamburg... Kurt... dort... ⁹ — разобрал он отдельные, не ясно понятные слова из ее речи, неловко натолкнувшись на ее расширенные мольбой глаза.

— Черт... я не понимаю по-немецки, — сказал он. — Знаю немного. Что? О чем вы?

А она говорила что-то быстро, тревожно, заискивающе, тонкий голосок ее чуждо звучал, произносил немецкие фразы, сливаясь в какое-то беспокойство, в подобострастную просьбу, и Никитин, безнадежно сясь понять ее, вдруг смыслово соединил несколько знакомых слов «Kurt», «nach Hamburg» ¹⁰, увидев, как ее пальцы стали показывать на поверхности подносика шагающие ноги, — и он для подтверждения уже возникшей догадки переспросил:

— Как? Kurt ушел?.. Kurt kommt nach Hamburg? ¹¹ То есть... — Он так же пальцами изобразил движение ног по перине, в конце движения начертил вопросительный знак, повторил: — Гамбург? Kurt? Один? Kurt ein? А вы?

— Kurt, Kurt... — Она сине осветила его глазами, закивала так торопливо, что медно-желтые волосы рассыпались по ее щекам, но сейчас же с ожиданием и страхом прижала щепотку пальцев к груди, и вновь заговорила робко, спешаще, взволнованно, объясняя, прося его о чем-то.

Он не понимал и, не понимая, то слегка улыбался, то хмурился, — и это малейшее изменение его лица настороженным выражением обозначалось на ее лице, оно становилось то умоляющим, то недоверчиво-радостным, то

⁷ Прекрасный, отличный кофе.

⁸ «Иди», «прочь», «назад».

⁹ — Господин лейтенант... Гамбург... Kurt... там...

¹⁰ «Kurt», «в Гамбург».

¹¹ Kurt уехал в Гамбург? (искажен. нем.).

¹ — Можно войти, господин офицер?

Продолжение.
См. «Огонек» №№ 12—15.

ВЕРЕТ

погасшим; и тогда, наконец, он принял единственное решение.

— Послушайте... где-то здесь разговорник. Прошу, подайте мне его. Bitte, geben sie mir Buch. Klein Buch¹.— Он показал на комод.— Кажется там. Deutsche-russische...² Прошу вас. Bitte...

Она, вникая в его речь, проследила за его взглядом и тотчас сказала, округлив губы: «О!»— проворно поставила подносик на комод, обеими руками бережно, будто хрупкую вещь, взяла с комода еще довольно новенький, незалистаный разговорник, сделала шаг жок к постели, опять полуприсядая:

— Bitte schön, Herr Leutnant.

Он развернул разговорник, пролистал главы «допрос пленных», «разговор в сельской местности» («А, все не то, все не то!»), остановился на главе «разговор с мирными жителями», сказал в приготовленном внимании к нужным фразам:

— Noch einmal... Sagen sie langsamer, bitte³. — Ich... bleibe-e... hier... mein Haus... mein Zimmer...⁴— для чего-то сама коверкая грамматику, протяжно заговорила Эмма и при этом напряженнее и напряженнее прикладывала щепотку пальцев к груди, отрицательно качала головой: — Ich, ich... bleibe hier... Haus...

Наморщив лоб, он старательно искал в разговорнике соответствующие ее словам ответы («Haus» и «Zimmer» были известны со школы) и не находил ничего подходящего, кроме ничемных сейчас воинственных вопросов, что произносят надсадным криком между автоматными очередями: «В вашем доме не прячутся немецкие солдаты?», «В верхних комнатах никого нет?», «Кто хозяин этой квартиры?»

— Не понимаю... Nicht verstehen⁵,— бормотал он, сердясь на себя.— Как болван, немой! Что вы говорите? Haus? Zimmer?

— Ein Moment, Herr Leutnant! Entschuldigen sie...⁶

Она села на край постели, заглядывая в разговорник, тихонько наклонилась, овеяв сладковатым запахом волос, сокровенно-теплым телесным запахом халатика; он рядом, избоку увидел край ее ясного, внимательного глаза, веснушки на щеке, край нежной, шелковистой брови и, покрываясь жаркой испариной от ее близости, непроизвольно отодвинул ноги под перину, ставшей неимоверно тяжелой, душной, подумал с мгновенным и привычным опасением:

«Зачем я позволяю ей смотреть в разговорник? Это все-таки военная тайна... Зачем она села на постель? Надо ей об этом сказать».

— О!— воскликнула она, водя мизинцем по строчкам, и обрадованно и вместе виновато попросила его шепотом: — Lesen sie mal auf russisch, Herr Leutnant⁷.

«Как ей сказать? Как?»

Он не совсем отчетливо разобрал строчки под ее мизинцем с обгрызанным ноготком и не сразу прочитал вопрос по-немецки, суть которого стала явной лишь по переводу на русский язык: «Вы беженцы? Из какого города?» — «Нет, это наш дом, мы остаемся здесь».

— Ich bleibe. Ich bleibe... Kurt in Hamburg, ich bleibe⁸,— говорила Эмма тихо, убеждающе и страстно, и тут он на ощупь догадался, что она умоляет, выпрашивает у него разрешения, хочет остаться здесь и боится, что ей не позволят этого— быть в доме, занятом русскими солдатами.

«Но почему ушел Курт, а она осталась? Ушел ли он действительно в Гамбург?— возникло подозрение у Никитина.— И почему она обращается ко мне, а не к Княжко? Ведь он допрашивал их вчера. Имею ли я право ей не разрешить жить в своем доме? Глупо!.. Если она осталась, то нет сомнения— Курт не ушел в лес...»

— Gut...— Он захлопнул справочник и бросил его на стул сверху обмундирования, при-

давленного кобурой пистолета.— Gut. Bitte. Gut. Das ist,— начал подбирать он слова.— Das ist... richtig⁹.

— О, Herr Leutnant! Danke schön, dankel O, Herr Leutnant!

Она повернулась к нему, вся просияв, счастливо обдав его солнечной синью засмеявшихся глаз, и с легким стоном облегчения, с каким-то решенным замирающим выражением лица упала головой на его подушку, и вымытые, еще влажные волосы ее опажули его душистой карамелью сладостью. Он почувствовал на своей шее ее обнявшие прохладные руки, тоже пахнувшие туалетным мылом, почувствовал, как они, не размыкаясь, потянули его куда-то порывисто, в мягко-шершавую горячую бездну ее прижавшихся полураскрытых губ, не давших перевести ему дыхание, успел подумать, что происходит нечто ненужное, невозможное, опасное сумасшествие, которое надо сейчас, немедленно остановить, а ее дурманные, яблочного вкуса губы шептали что-то, нежно скользили, терлись, вжимались в его губы, и ее пальцы ослабленно искали его кисть, осторожно тянули вниз, в тайную, нагретую телом внутренность халатика. Он ощутил ее гладкий живот, атласно-гладкое бедро, до головокружения, до спазмы в горле пугающие обнаженной и страшной близостью,— и в ту же секунду сделал движение высвободиться из притягивающей тяжести ее тела с прежней мыслью о ненужном, опасном, противоестественном, что вчера ночью насильственно могло произойти и не произошло вот тут, на этой постели, между нею и Межениным и чего она сама хотела сейчас. «Зачем?— знойными искрами пронеслось в сознании Никитина, и он, взяв ее за плечи, покорно отдающийся его рукам, чуть-чуть отстранил ее и в муке поиска потерянных где-то в тумане памяти слов прошептал отрывисто и хрипло:

— Эмма... nein...

— Sergeant nein... Soldaten nein!— вскрикнула она жалобно и, изгибаясь, прильнула к нему грудью, обняв его иступленно.— Danke schön, danke...

В этом его «найн» было что-то необъяснимое, чужое, незрелое, никак не вязавшееся с его решительностью на мансарде прошлой ночью, он даже стиснул зубы от этого немужского вырвавшегося слова, встретив в упор раскрытую глубину ее глаз, недвижно-огромных, синеватых ему в глаза, почему-то вспомнил ощущение пронзительно тонкого и беспричинно радостного колокольчика, когда при восходе месяца над ночным городком он провожал Галю, подумал: «Я буду жалеть об этом? Я совершаю предательство?»

— Danke schön, mein Leutnant. Danke schön...

— Danke schön?...— проговорил он механически, едва понимая и не веря ей.— Warum? Warum?... Почему «danke schön»?

— Ja, ja... Ruhig... Pst...¹⁰

Она вскочила с кровати, щелкнула замком двери и, мелькая ногами, вернулась к постели, покорно опустила на коленки и припала лбом к его плечу, спутав, навесив волосы на лицо.

Он слышал ее шепот, прерывающийся дыханием; она, странно, уголками рта, улыбаясь ему из-за навеса волос, вдруг легла, гибко повернулась на спину и начала робкими рывками развязывать тесемки, с гримасой стыдливости сдвигать непослушный халатик и, уже бесстыдно вытягивая возле него длинное молодое тело, открыв маленькую млечно-нежную грудь, торчащую розовым острием соска, опять, зажмурясь, ощупью нашла его руку и провела ею по своим целующим губам, по шее, по груди, ознобно дрожа и всхлипывая сквозь стук зубов.

«У меня никогда еще этого не было. Только тогда, в окружении...— с ужасом подумал он, стараясь сдержать и не сдерживая передающуюся ему дрожь ее тела.— Но ведь она немка, а я русский офицер...»

— Эмма... Эмма...

И он, оглядываясь на дверь, пересохшим голосом невольно повторял ее непривычное на звук имя, весь пронизанный знойным током, испытывая стыд, растерянность от своей нере-

шительности, и, преодолевая унижение нерешительности, убеждая себя, что это уже никогда не повторится в его жизни, губами отвел с замершего лица ее желтые, влажные, пахнущие сладкой карамелью волосы, приник, вдавился губами в ее ищущий, подставленный рот.

...Они лежали на чердаке среди неумятых груд старого сена, и он все время чувствовал, что она из темноты смотрит на него; в лучике лунного света, проникающего через щель крыши, глянцевого поблескивали ее глаза; она говорила, вздрагивая:

— Слушай, почему ты отодвинулся? Ты брезгуешь мной? Правда, мы так давно не мылись. Какие мы потные, грязные... Слушай, мы не прорвемся из окружения. Они утром войдут в деревню. Слышишь, как тихо?

— Да.

— Я сегодня почему-то испугалась смерти. Ты помнишь Клавю из противотанковой батареи?

— Да.

— Ее убило утром, когда мы хотели второй раз прорваться. Ты видел, как ее убило?

— Нет.

— Хорошо, что ты не видел. В воронке осталась санитарная сумка, нет, клочки—вата, бинты... и что-то еще страшное. А она была красавицей, помнишь? Вы все гладили на нее, когда она приходила ко мне. Но она была недотрога. И никто из вас... Я и сейчас помню, какие были прекрасные у нее глаза! И фигура. Как статуэтка. И ничего нет. И вот—все...

Он молчал, у него не было сил пошевелиться, ответить ей, вспомнить глаза и фигуру Клавьи, санинструктора противотанковой батареи, где не осталось на второй день окружения ни одного целого орудия. Тогда, расталкивая сено, она пододвинулась ближе к нему, прижалась боком, с задержанным дыханием завела одну руку за его шею, другой стала расстегивать пуговицы на его пропотевшей за три дня боев гимнастерке, и, расстегнув пуговицы, неуверенно просунула маленькую кисть к потной, липкой его груди; ее узкая, огрубелая, несколько дней не мытая ладонь так незнакомо-нежно и так выжидающе гладила его грудь, касаясь кончиками пальцев его подмышек, что он подумал, внезапно замирая от темной ревности и от этих ее порочных прикосновений: «С кем у нее было так?»

— Слушай, у меня есть спирт в сумке,— зашептала она, похуже, плача, частым нажатием губ целуя его в край рта,— дать тебе? Хотя спиртом обтереть лицо. Только не смотри на меня. Я сейчас... Может, так нам будет лучше. Мы не вырвемся из этого окружения, я знаю. Хотя пусть будет так. У тебя когда-нибудь это было... с женщиной?

— А у тебя?

— Когда-то в детстве. Но это было игрой. В каком-то сарае... Понимаешь? Ты только не ревнуй. Разве тебе не все равно?

— Не знаю.

— Не надо ревновать. Ты лежи, а я буду целовать тебя. Потом ты меня будешь целовать.

В ту же ночь, перед холодным рассветом, когда они оба лежали истомленно, тесно обнявшись во сне после того, что вдвоем познали здесь, на чердаке окруженной деревни, он был разбужен гулками вибрирующими звуками—дрожала земля в накатах внутренних сотрясений—и с острыми толчками в сердце открыл глаза. Обнимая его, она спала на его руке, и, словно успокоительно найдя защиту, лежала теплая тяжесть ее головы, лицо было детским, доверчивым, чуть обиженным, и он ощущал терпковато-миндальный запах ее волос, испытывая к ней какую-то болезненную жалость от вчерашних ее попыток быть чистой, тупую горечь оттого, что они не почувствовали друг от друга ожидаемого облегчения в неумелых и торопливых объятиях.

А за фиолетовым оконцем чердака все явственнее, все ближе накатывал kloпочущий рокот моторов, вскоре желтый свет пополз по задребезжавшему стеклу, с улицы взметнулась из танкового гула неразборчивая команда на немецком языке... Он прислушивался, еще не видя, что было возле дома на улицах, но уже знал: немцы занимали деревню, где оставались после разгрома дивизиона лишь несколько солдат и они—двое. И с холодеющей пус-

¹ — Пожалуйста, дайте мне книгу. Маленькую книжку (искажен. нем.).

² — Немецко-русскую...

³ — Еще раз... Говорите, пожалуйста, медленнее.

⁴ — Я остаюсь... здесь... мой дом... моя комната.

⁵ — Не понимаю.

⁶ — Извините...

⁷ — Прочтите по-русски, господин лейтенант.

⁸ — Я остаюсь. Я остаюсь... Курт — в Гамбург, я остаюсь.

⁹ — Хорошо. Пожалуйста. Хорошо. Это... это правильно.

¹⁰ — Да, да... Тише...

тотой в груди он выпростал руку из-под ее головы, встал к чердачному оконцу. Загородив улицу, в огне фар густо шла колонна танков, тянулась по обочине двумя цепочками пехота.

— Вставай! Быстро! — Он потряс ее за плечо, лихорадочно застегнул ремень.

Она не сразу сообразила, в чем дело, сонная, скривилась даже: «Что? Какие танки?», — но когда сообразила, он не дал ей сказать ни слова, шепотом скомандовал, чтобы не отставала ни на шаг, и, вздернув автомат на изготовку, откинул дверцу чердака, первый спустился по лестнице вниз, в сыроватые сенцы оставленного хозяевами дома.

Весь дом гудел, наполненный ревом танков, железным скрежетом гусениц, позвякивали стекла, оранжево вспыхивали под боковым скольжением танковых фар, и мелко звенела дужка порожнего ведра в сенцах, пропахших плесенью запустения.

— Мы не выйдем отсюда... Я так и думала, — сказала она шепотом, спустившись следом, и как бы без надежды на спасение прислонилась виском к его спине. — Куда нам бежать? Они убьют нас, лейтенант...

— За мной! Не отставать ни на шаг! Через огороды... к лесу! — выговорил он, раздраженный ее шепотом, ее плачем без слез, в котором было обреченное бессилие. — На! Возьми мой пистолет! Стрелять умеешь?

— Нет, нет... Я умею только перевязывать раненых.

— А, черт, смотри! Надо нажимать вот здесь. Спусковой крючок! Прицелиться и нажимать!

Потом они бежали огородами по развороченным рыхлым грядам, плохо видя среди темноты окраинные дома, проваливаясь в воронки, падая в жестяно звеневшее на ветру будылье кукурузы, они оба задыхались и теперь ничего не слышали, кроме бешеного стука крови в ушах. Слитый гул моторов, немецкие команды танкистов из открытых люков, низкое мельканье фар меж домов уже стали отдаляться влево — и они, бросками миновав огороды, добежали до края сереющего в рас-

светном воздухе поля, различая черную под пространством фиолетового неба гряду леса за ним.

Он не то чтобы пропустил роковой момент, когда на краю поля с сухим потрескиванием разрезала потемки ракета, пышно и фосфорически осветив воздух, деревянный мостик над полосой воды, он слишком поздно увидел впереди на бугре два силуэта, слишком поздно услышал лающий окрик «хальт!», и только кинулся на землю, за руку рванув ее, притиснув головой к колючей влажной стерне, автоматная очередь прогремела над ними.

«Хальт! Хальт!» — вместе с ударами сердца звучало в его ушах.

И, бросив для упора на предплечье ствол автомата, он прошептал ей с верой в единственный выход:

— Их двое... Они сейчас подойдут, я дам очередь!.. И бегом через мост! На мосту стреляй из пистолета, хоть в воздух! Поняла?

— Я постараюсь, я буду стрелять. Я поняла. Я буду...

Немцы не подходили. Смутно выделяясь на бугре, они стояли шагах в двадцати под звездами, переговаривались вполголоса, потом вновь оглушила разрастающимся треском, шипением ракета. И в тот же миг он разорвал, заглушил все звуки длинной ослепляющей очередью. Он стрелял снизу и снизу хорошо видел их на бугре, который проступал над рекой полукругом, был темнее рассветного неба, и хорошо видел, как они плашмя упали там, слились с землей.

В оглушенной тишине донесся спереди человеческий вскрик настигшей боли, звяканье железа, как будто автомат ударился на земле о каску, и с охолонувшим его чувством убийства и яростного освобождения после убийства он крикнул ей не своим голосом:

— Быстрее! Через мост! Не отставай! Только не отставай!..

Он вскочил и с тем же жадным чувством спасительного убийства, выпаливая очереди по бугру, бросился к мосту не напрямик, а делая сумасшедшие изгибы, зигзаги по полю, пока не найдя открытого прохода к реке, а

когда, перестав стрелять, выбежал на берег, пустой бревенчатый мост виднелся в пяти метрах перед ним, и вода отсвечивала под небом разлитым марганцем.

— Лейтенант, подожди! Я не могу... Подожди!..

Она догнала его, не в силах справиться с зашедшимся дыханием, лицо стало пугающе белым, и, в изнеможении придерживая санитарную сумку той рукой, в которой был пистолет, она выдавливала шепотом:

— Я упаду... Подожди, я не могу...

— Брось сумку, брось, говорят! За мной на мост! Проскочим — и в лес! Брось все! Беги на мост!

— Нет, не могу, милый, подожди...

Она, наконец задохнувшись, закрыла глаза, опускаясь на землю, и тогда, подчиненный грубой инстинктивной решимости, он дернул ее за плечи, потащил за собой, вытолкнул ее вперед, гневно скомандовал:

— Беги! Я — за тобой! Ну! Я прошу тебя!..

Они ступили на деревянные настилы, и тут она качнулась на подкошенных ногах, схватилась за перила моста и, перебирая руками, сделала так несколько вялых шагов. Она всхлипнула:

— Не могу, не могу...

— Ну! Что ж ты? Да что ты? — крикнул он, матерясь в диком безумии оттого, что не мог заставить ее бежать и уже не имел права бежать сам, и опять с такой неистовой грубостью дернул ее за плечи, что она чуть не упала, отрываясь от перил.

— Быстрее, быстрее!

Но как только они побежали по мосту, сзади взорвалась, заколотила пулеметная очередь, трассирующие пули горячим сквозняком взвизгнули, пронесли над ними, шевельнули волосы на голове, и он с разбегу бросил ее на настилы бревен и, лежа вплотную к ее телу, обернул к ней искаженное страшным криком лицо:

— Отползай! На тот берег! Я догоню!.. Ползи отсюда, быстрее!

Он минуту назад был уверен, что убил первой очередью тех двоих немцев на бугре, ох-

ранявших мост, но было ясно: кто-то третий еще оставался в береговом окопчике с пулеметом и открыл по ним огонь, скоро заметив их на мосту.

Ожидая тупой и огненный удар смерти, он хрипел: «Отползай, туда, за мост!» — и, не глядя, как она поползла — услышал лишь ее стон и ее передвижение по настилам, — посунулся под деревянную защиту перил, охваченный мертвым ознобом, положил на бревно ствол автомата, ослепленный вспышками на бугре, молниями трасс, высекающими осколки щепы из крайних к воде лесин.

Палец потерял чувствительность на спусковом крючке, окаменел в упругом охвате морозного железа, а когда отдача очередей забила в ключицу, мысль о близкой спасительной воде не покидала его: если его тяжело ранит, то он еще сумеет подняться, перевалиться через перила — и ринуться туда, вниз, в вечное ничто или счастливую свободу.

— Отползай! Отползай! — кричал он. — С моста! Уходи с моста!..

Он стрелял длинными очередями, не отпуская занемелого пальца со спускового крючка, и еле очнулся от тяжелой тишины — автомат пусто клацнул без выстрела и смолк. В горячке он не рассчитал патроны. Обморочно звенело в ушах. Пулемет на бугре тоже смолк — вспышек там не было. Он вскочил и, пригибаясь, бросился по мосту к тому берегу, слыша в чудовищном затишье свое дыхание и гулкий грохот своих сапог по бревнам, с пьяным ощущением спасения, свободы пробежал до конца настила и там спрыгнул на землю, мешком скатился под насыпь в скользкую мокрую траву и, падая, задыхаясь, увидел то, что не предполагал увидеть после удачно законченной перестрелки и прорыва через мост.

— Что? Что у тебя?..

Она сидела под насыпью, расстегнув гимнастерку на груди, клочком ваты промокала, вытирала плечо, и он видел бесстыдно и страшно обнаженную, измазанную кровью ее грудь, которую этой ночью на сеновале (впервые в жизни) целовал, трогал, робко ласкал пальцами ее шелковистую кожу, видел вату, пузырек со спиртом, выливаемым сейчас на комок ваты, тот пузырек, вынутый ею тогда из сумки на чердаке, чтобы смыть с себя пороховой запах боев перед тем, как обоим испытать сладкую боль от первых прикосновений, от неумело слитых губ, ищущих любви, этого последнего успокоения, на колких ворохах сена, в лунном осеннем холоде окруженной немцами деревни.

— Когда тебя ранило? Где? Как это?.. — повторял он, потрясенный видом крови на ее груди, — мягкость, и упругую нежность, и запах ее он еще до сих пор помнил — и с попыткой помощи, в ошеломлении неожиданной боли, рванул из санитарной сумки бинт, говоря прерывистыми выдохами: — Я перевяжу тебя. Мне удобней. Я помогу тебе...

— Да, помоги мне, — прошептала она смертельно посинелыми губами, не стыдясь его, а он видел, с каким трудом разомкнулись они, безжизненные, предстал, насколько холодны они были сейчас, насколько не нужно им было теперь ничего, кроме его помощи. И в бессилии перед случившимся, не зная, чем облегчить ее страдание, ее боль, он содрогнулся от пронзившей его жалости к ней, от собственной вины и ненависти к себе: зачем он гнал ее, зачем заставлял бежать вперед, зачем командовал, грубо дергал ее за плечи, неужели на мосту она была уже ранена!..

— Ты прости меня... Я ничего не заметил, я не видел, когда тебя ранило! Тебя ранило на мосту?.. — зачем-то говорил он в мутном ожесточении, сожалея и оправдываясь, и все поправлял и затягивал сползавший бинт на ее груди, на ее плече, ужасаясь набухающему темной влагой бинту и тому, что она долго не сможет, вероятно, вместе с ним двигаться. — Нам надо идти... пока темно, — убеждал он. — Ты можешь идти? Метров триста до леса, а там — уж все!.. Будешь держаться за меня... Мы медленно пойдем! Ты встань, встань, пересиль себя, встань и пойдем!

— Я не хочу в плен, лейтенант, — простонала она. — Но я не могу. Сейчас, подожди. Помоги мне, пожалуйста...

Он помог ей подняться и некоторое время держал ее в объятиях, растерянный, чувствуя

вздрагивания ее обмякшего тела, ее потный лоб, прижатый к его подбородку; она держалась за его ремень.

Потом они пошли по полю, подобно неразлучным влюбленным, не разъединяясь, шли одинаковыми рассчитанными шагами, она, обвисая на нем, обнимала его за талию. А он не ощущал ни женственную упругость ее бедра, тершегося о его бедро, ни ее родственного тепла, слышал отдаленное гудение танков справа и за спиной, всякий раз оглядываясь на разрывающий темноту свет ракет за рекой в стороне дороги, где катилась колонна, и, боясь увеличенной тяжести ее шагов, боясь, что она упадет, хриплым шепотом повторял, что главное — дойти до леса, главное — пройти это поле, а там уж отдохнем и прорвемся к своим.

В лесу они, подкошенные усталостью, упали на груды осенних листьев, и сразу тяжелое забытие бросило их в жаркую обморочную тьму, но, казалось, минутой спустя он был разбужен беспокойством, тревожно возникшими звуками — над шумящими деревьями, сквозь мотание ветвей и желтую метелицу срываемых ветром листьев светило студенистое ноябрьское солнце. Она, согнувшись, сидела возле, положив на колени пистолет, смотрела прозрачным долгим взглядом на свой палец, слабо трогая спусковой крючок, слезы текли по ее щекам, и почему-то она звала его плачущим голосом человека, который не в силах решиться:

— Лейтенант, лейтенант...

— Ты — что? — крикнул он и сел, выхватил у нее пистолет и, спешно пряча его в кобур, выговорил с неприятием и непониманием: — Зачем? К чему тебе оружие? Зачем?

Она подняла голову к неяркому в оголенных ветвях солнцу, глотая слезы, по горлу прокатывалась судорога невылитого плача.

— Ты меня жалеешь, лейтенант? — спросила она, мокро хлюпая носом. — Мне приснилось страшное... Как будто я лежу в траве — и муравьи ползают у меня по лицу. Стало очень страшно — и я проснулась. Лейтенант... милый, ты будешь меня жалеть?..

— Перестань говорить об этом! — оборвал он, страшась ее слов о муравьях; он не однажды видел их на лицах убитых, как видела, наверное, она, и, не представляя ее мертвой, лежащей в траве, не хотел представлять муравьев на ее лбу, бровях, неподвижных, неживых губах, потерявших тепло дыхания. — Пошли! Какие муравьи осенью! Пошли! — хмуро сказал он, чтобы кончить этот разговор, и требовательно попросил: — И больше ни слова об этом! Дойдем как-нибудь. Здесь совсем недалеко.

Он подставил плечо, помог ей встать, и она, застонав, подаваясь к нему, внезапно неловко и преданно стала целовать каким-то очень холодным, запекшимся ртом его небритый подбородок, сукно насквозь пропотевшей гимнастерки около погона, и утраченный голос ее опять пронзил его огненной жалостью:

— Ты самый близкий, самый единственный... Больше у меня никого не было. Ты ведь любишь меня, лейтенант? Ты со мной не просто так?

— Пошли, я помогу, пошли! Я люблю тебя! — проговорил он глухо, не глядя ей в отыскивающие его взгляд глаза; он лгал ей: бегство из занятой немцами деревни, колонна танков на улице, стрельба в поле и на мосту, сознание безвыходного окружения, ее ранение, единственное желание — прорваться к своим через лес — все это выжгло, уничтожило в нем то, что было между ними ночью на чердаке.

— Пошли, нам надо! Опирайся на меня! Мы должны идти, мы прорвемся, осталось недалеко, за лесом — наши!..

Она подчиненно пошла с ним, обвив его за талию, ступала неровно, откидывая назад голову на ослабевшей шее, шепча изредка:

— Спасибо тебе, спасибо.

На вторые сутки у нее пошла кровь горлом. Это случилось утром после ночного перехода, после бесконечного блуждания по лесу, после того, как, окончательно выбившись из сил, они распластанно лежали в овраге близ ручейка на куче листьев и только дышали.

Потом ему послышался стон, кашель, мычание, и когда увидел ее изуродованное страданием лицо, на котором удивление и боль еще боролись со страхом смерти, когда уви-

дел ее искривленные брови, непризнающие глаза, алую струйку крови, выползавшую в уголках рта, он, точно, затравленный, загнанный судьбой, заметался вокруг нее, ощутив рядом ледяной запах гибели. И, весь окоченный обмораживающим порывом несчастья, спрашивал ее, что надо делать, что ей нужно, что необходимо сделать, как помочь, хочет ли она пить, что она хочет... Но она, беспомощно хватаясь за землю, сжатая удушьем, не понимала, не слышала живого человеческого голоса, по-прежнему сопротивляясь тому, что, невидимое, неумолимое, наваливалось, душило ее грудь. Тогда он, крича что-то самому себе бессмысленное, дикое, для чего-то кинулся к ручью, зачерпнул пилоткой воду и обратно рванулся к ней с этой наполненной свинцовой влагой чашей, вылил всю воду на ее лицо, уже тихое, страдальчески прижатое щекой к листьям, обращенное в никуда, и, погружаясь в хлынувший ужас ее недавнего страха, он в ту секунду почти безумело представил, как завтра или весной начнут шевелиться, ползать муравьи по вот этим ее бровям, по вот этим ее очень темным неприкрытым ресницам.

Он стоял на коленях и оступело тискал мокрый комок пахнущей потом пилотки, а зубы его выбивали дробь, и горло его замыкало сухими спазмами непоправимой вины и отчаяния.

Он похоронил ее в овраге, засыпав комьями земли и листьями.

Это была первая любовь Никитина на войне, если можно было назвать ее любовью.

«Скоро постучат в дверь — и все кончится...»

— Name, Name... mein Name Emma, — говорила она, тихо смеясь, и легким указательным пальцем надавливала в свою грудь, потом в его, допрашивала с ласковым пытливым лукавством: — Bitte, Name... Iwan? Johann? Russischer Name!.. Peter? Name...

— Вадим, — ответил он, поняв, что она спрашивала.

— Wadi-im, — произнесла она протяжно и обрадованно засмеялась, снова приложила щепотку пальцев к его и своей груди (так делала она тогда на допросе), выговаривая по слогам: — Wa-di-im, Em-ma, Wa-dim, Em-ma... Verstanden? ¹ Wa-di-im, — повторила она и полукруглыми вспухшими губами мягко потерлась о его губы, и ее вымытые волосы щеко-чуще заскользили по лицу Никитина, обдавая конфетной и непросохшей свежестью. — Em-ma, Wa-di-im...

— Эмма, — сказал он шепотом и в звенящем дурмане вновь почувствовал, как ее длинное тело все плотнее, все гибче прижимается к нему, и рука ищет, нетерпеливо тянет его руку к гладкой, нежной коже затвердевшей маленькими сосками груди, и уже не сопротивляясь самому себе, окунаясь в волнистый знойный туман, он с желанием испытать то, что было несколько минут назад, начал целовать сквозь раздвинутые губы влажные зеркала ее стиснутых зубов, ее в истоме последнего прикосновения выгнутую назад шею... а потом они лежали, утомленные, окутанные горячей пеленой, и, закрыв глаза, он улавливал в сознании нечеткие отблески тревоги.

«Что со мной? Почему это со мной? Как это со мной случилось?»

Он понимал, что с ним происходит что-то нереальное, отчаянное, похожее на предательство, на преступление, совершенное во сне, на недопустимое нарушение чего-то, будто он необдуманно переступает и переступил негласно запретную границу, которую в силу многих обстоятельств не имел права перейти.

«Если об этом утре станет известно в батаре, то как им объяснить? Что им ответить? А не все ли равно! Как странно, непонятно и как прекрасно случилось это! Теперь... что же теперь? — думал он в обволакивающей дреме, в каком-то физическом опустошении, не находя ясной логики, что могла бы с рассудительной точностью объяснить, как все случилось, от какого момента и зачем случилось. — Нет, я офицер, и должен отвечать за то, что делаю... Я никого не предал, и поэтому неважно, что будет потом со мной. Эмма, Эмма... Ей надо уходить. Скоро постучат в дверь — и все кончится...»

¹ Понял?

Продолжение следует.

Л

етом 1933 года на авиационном празднике в Тушине пять истребителей впервые выполнили групповой высший пилотаж. Летчики действовали синхронно, и зрителям казалось, будто самолеты связаны друг с другом какой-то нитью. Между тем так оно и было: для удержания машин в едином строю пилоты соединили их крепким шнуром. После приземления авиационные механики с легкостью развязали узлы на шнуре. Узлы не были тугими, как можно было ожидать, учитывая силы натяжения, действовавшие на них в полете. Летчиков в небе связывал не шнур, а их собственное мастерство.

С тех пор в программу каждого авиационного праздника мирных лет обязательно включался групповой пилотаж пятерки ярко-красных истребителей. Сменялись поколения летчиков, видоизменялись типы самолетов, но неизменной оставалась традиция: каждый раз очередная пятерка показывала что-то принципиально новое по сравнению со своими предшественниками.

Так было и 25 июля 1948 года, когда впервые в истории авиации советские летчики продемонстрировали групповой высший пилотаж на реактивных истребителях. Мировая пресса проявила к этому событию повышенный интерес. К тому времени за рубежом широко распространилось мнение, будто с появлением реактивных самолетов высший пилотаж становится анахронизмом. Очередной тушинский праздник опроверг этот взгляд: традиционная ярко-красная пятерка совершила самый сложный вид группового пилотажа — вокруг оси ведущего. Пять самолетов выполняли «петли» и «бочки» так, словно это один самолет, четыре были как бы крыльями пятого, ведущего.

Ведущим летел дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Евгений Яковлевич Савицкий. Рядом с ним были летчики Н. Храмов, В. Ефремов, П. Середа и П. Соловьев. Каждый имел огромный опыт воздушных боев на фронтах Великой Отечественной войны. Впятером они сбили 86 вражеских самолетов. 63 правительственные награды украшали их. В общей сложности эти выдающиеся пилоты провели в воздухе 12 тысяч часов — много даже для пятерых летчиков-истребителей.

А сейчас, к своим шестидесяти пяти годам, маршал авиации Е. Я. Савицкий один налетал 12 тысяч часов.

Кажется невероятным, что в эпоху бешеных авиационных скоростей и громадных перегрузок за

штурвалом военного истребителя может сидеть человек столь почтенного возраста. Однако факт остается фактом: свой последний полет Евгений Яковлевич совершил в позапрошлом году — на самолете с «потолком» в 25 тысяч метров и со скоростью свыше 3 тысяч километров в час. Более того, и сегодня в летной книжке Савицкого проставлено: «Допущен к полетам». Впрочем, для тех, кто лично знает маршала, загадочным выглядит не то, что он готов хоть сейчас подняться в небо, а то, что, имея разрешение летать, он все-таки не летает. Он, прирожденный истребитель, самозабвенный воздушный боец, человек, фанатично преданный небу и скорости, и вдруг сам отказался от полетов?

Между тем, чтобы понять и оценить человека, надо видеть его не в зените, а на восходе или на закате его деятельности — так говорил Гейне. Эти слова имеют прямое отношение к маршалу Савицкому: именно сейчас ярко выявилось то краеугольное качество его натуры, которое долгое время было скрыто за репутацией лихого воздушного бойца, но на самом деле неотступно руководило его поступками.

Летчики-истребители — люди особого склада. В отличие от других летных профессий, тоже трудных и опасных, они специально предназначены для того, чтобы искать бой. Другие принимают бой в силу необходимости: бом-

позывные. В 1943 году, во время сражения на Кубани, он возглавил группу истребителей, в пух и прах разбивших эскадрилью «юнкеров», которые пытались бомбить наши наземные войска. В тот же день начальник связи сообщил Савицкому, что летчикам пора менять позывные. «Что вы предлагаете?» — спросил Евгений Яковлевич. Вместо ответа начальник связи прочитал только что полученную телеграмму от командующего воздушной армией генерала К. А. Вершинина: «Благодарю за то, что раздраконили «юнкеров!» И добавил: «Мне нравится слово «дракон», в нем такое сочетание букв, которое хорошо слышно по радио».

Савицкий согласился. «Дракон» остался его позывным до сегодняшнего дня.

Савицкий всегда считался виртуозом пилотажа. Когда на вооружение советской авиации стали поступать первые «ЯКИ», Евгений Яковлевич блестяще освоил их и сумел доказать своим подчиненным преимущества новых истребителей перед американскими «аэрокобрами», полученными по ленд-лизу. В одном из полков на Воронежском фронте он предложил самому лучшему летчику, летавшему на «аэрокобрах», провести учебный бой и неопровержимо его выиграл. Во время этого боя на аэродром случайно приехал командующий ВВС фронта генерал С. А. Красовский. Впо-

призыв «Молодежь — в авиацию!». После школы остался преподавать в ней аэродинамику, по совместительству работал инструктором. Потом его направили служить на Дальний Восток, где он прошел путь от командира звена до командира авиационной истребительной дивизии. На фронт попал в ноябре сорок первого — под Москву.

Здесь командир дивизии подал рапорт начальству с просьбой направить его в одну из частей рядовым летчиком.

В этом решении — весь Савицкий. Никогда в жизни он не брался за дело, не будучи основательно к нему подготовленным. Он не имел боевого опыта и считал себя не вправе командовать теми, у кого такой опыт уже был. Лишь открыв личный счет сбитым вражеским самолетам, получив первый боевой орден, Евгений Яковлевич вновь стал командиром дивизии. Теперь, как и раньше, он мог действовать в полном согласии со своим жизненным кредо: учить не сказом, а показом.

Этот принцип, заключенный в знаменитой летной формуле «Делай, как я!», одним из первых начал применять выдающийся русский пилот, командир эскадрильи штабс-капитан П. Н. Нестеров, чьи заслуги перед авиацией несравненно более значительны, чем принято считать. Нестеров вошел в историю как родоначальник «мертвой петли» и воздушного

В НЕБЕ «ДРАКОН»

бардировщикам и штурмовикам, летящим на задание, приказывают от него уклоняться. А истребители главным образом для того и созданы. Они дуэлянты по природе.

Естественно поэтому, что в годы Великой Отечественной войны в среде летчиков-истребителей особым ореолом были окружены самые смелые. Савицкий, безусловно, принадлежал к таким. Когда он поднимался в воздух, фашистские пилоты в панике кричали по радио: «Ахтунг, ахтунг! «Дракон!» «Дракон» — это были позывные Савицкого, хорошо известные врагу, наводившие на него ужас.

Любопытно, как Евгений Яковлевич получил эти несколько неприличные для советских летчиков

следствии маршал авиации Красовский писал:

«Мне никогда не приходилось слышать более убедительной беседы командира со своими подчиненными».

Его удаль и смелость, известные всем, основывались не, как у некоторых, на зыбкой почве бравады, а на прочном фундаменте рационализма, точного и трезвого учета всех обстоятельств.

Сын новороссийского железнодорожного стрелочника, он в шестнадцать лет пришел работать машинистом маневрового паровоза на цементный завод «Пролетарий».

В Сталинградскую летную школу поступил в 1930 году, откликнувшись — как и сто тысяч его сверстников — на комсомольский

тарана. Его подвиг — последний в короткой, но яркой жизни, — совершенный 8 сентября 1914 года, затмил собой самое существенное, что сделано им было ранее. Сейчас уже забылось, что в те времена самолеты не были вооружены, поскольку предназначались исключительно для разведки и бомбежки. Встречаясь в воздухе, пилоты воюющих сторон могли угрожать друг другу лишь кулаками. Нестеров первым в мире высказал идею о воздушном бое и первым практически осуществил ее. Иными словами, стал первым в мире летчиком-истребителем. Вскоре после его гибели, уже в январе 1915 года, на Русско-Балтийском вагонном заводе был построен «самолет № 16» — первый специализированный истреби-

тель. В феврале того же года аналогичный самолет появился у французов. Одним «показом» Нестеров научил всю мировую авиацию.

После Сталинградской битвы, где летчики Евгения Яковлевича поддерживали танкистов, ему поручили сформировать истребительный корпус. Это происходило под Москвой, куда прибыли пилоты из резерва — уральцы, дальневосточники, отлично владевшие техникой пилотирования, однако не принимавшие участия в боях. Только у четырех человек из всего соединения был фронтовой опыт. И командир корпуса сам сел за штурвал трофейного «мессершмитта», чтобы «пропустить» через себя всех летчиков. За полтора месяца он провел 130 воздушных учебных боев. В 131-м у «мессера» закончился ресурс двигателя, и Савицкий совершил вынужденную посадку в какой-то заснеженный овраг.

Только что сформированный корпус направили на Кубань, где в 1943 году развернулись самые ожесточенные за всю войну воздушные сражения. В небе велась истинно силовая борьба, дуэльные ситуации сменяли друг друга. Начинали бой пара на пару, но с обеих сторон прибывали подкреп-

ления и заканчивали сражение «полсотня на полсотню» самолетов. Еще в первую мировую подобные массовые битвы в воздухе получили название «собачьей свалки».

С вражеской стороны действовали две отборные истребительные эскадры — «Удет» и «Мельдерс», половина летчиков которых была награждена рыцарскими крестами за воздушные победы во Франции и в Польше. В небе над Кубанью фашистские асы были разгромлены.

В те дни нашим летчикам приходилось совершать по пять — семь боевых вылетов в день. Генерал Савицкий летал меньше, но раз в день обязательно, зато выбирал для себя бои наиболее тяжелые, доводя личный счет сбитых фашистских самолетов до двенадцати. Его точку зрения считали спорной: должен ли командир такого ранга рисковать собой? Еще древнегреческие военачальники говорили: пехота — руки, конница — ноги, полководец — голова армии, он не должен подвергать себя опасности, как простой воин, так как рискует не только собой, но и другими. Но жестокие бои минувшей войны рождали и другую правду: необходимость вдохновляющего личного примера.

Он не мог оставаться на земле, когда речь шла о выполнении особо ответственных и опасных заданий. Если истребители уходили на штурмовку фашистских аэродромов, командир корпуса летел ведущим ударной группы. Он заходил на цель первым, первым наносил удар. Он знал, что в таком деле успех зависит именно от ведущего. Если он не дрогнет под яростным зенитным огнем, не уйдет от цели, все остальные поступят так же. Его решениями руководила суровая необходимость. Именно поэтому, лично ведя подчиненных в бой, он всегда очень тщательно готовился к нему сам и готовил всех подчиненных. Так было при знаменитой штурмовке анапского аэродрома, когда Савицкий поднял авиаполк в небо затемно и ударил по врагу на рассвете. Этот новый, а потому совершенно неожиданный прием позволил практически уничтожить вражеский аэродром, в то время как все советские самолеты благополучно вернулись на базу.

Довелось ему повоевать и в небе родного города: прикрывал Малую землю от ударов вражеских бомбардировщиков.

После Кубани была Крымская операция. Там Савицкий одиннадцать раз летал в разведку на трофейном «мессере». Командир корпуса — и в разведку? И опять это диктовалось военной необходимостью: под рукой не было человека, который в совершенстве владел немецким самолетом. А упускать шанс заглянуть во вражеские тылы было нельзя.

Там же, в Крыму, Савицкого сбили. Обычно летчики предпочитают утверждать, будто их подбил не воздушный противник, а зенитчики — это более утешительно для самолюбия. Евгений Яковлевич говорит, что не знает, кто его поджег: в небе шел ожесточенный бой, снизу без умолку били зенитки. Так или иначе, а с нашего наблюдательного пункта увидели, что самолет командующего корпусом загорелся и падает на территорию, занятую врагом. «Дракон» перестал отзываться. А в это время начальник штаба корпуса полковник Баранов получил сообщение о том, что Е. Я. Савицкому присвоено звание генерал-лейтенанта и Героя Советского Союза.

Той же ночью к Баранову в штаб ввалился новоиспеченный Герой, ничего не знавший ни о повышении, ни о награде. Голова его была перевязана, комбинезон порван и обожжен. Оказалось, Савицкий сумел-таки дотянуть до нейтральной полосы и в темноте приполз к своим. Боевое охранение арестовало его. Поскольку он не брал в боевые вылеты документов, генерала долго возили по штабам, пока не установили его личность, а установив, отправили в медсанбат. Но уложить себя на койку Савицкий не позволил.

На следующий день в небе снова зазвучали позывные: «Я — Дракон».

Когда началась одна из крупнейших операций завершающего периода Великой Отечественной войны — Висло-Одерская, летчики Савицкого поддерживали 2-ю гвардейскую танковую армию генерала С. И. Богданова, которая, обгоняя пехоту, за 15 дней преодолела 700 километров. Когда танки с ходу врывались на вражеские аэродромы, истребители под-

АПРЕ

Серафим СЕВЕРНЯК,
болгарский писатель

С

нова весна, снова апрель... Белые и розовые взрывы зацветающих деревьев. И небо — высокое и прозрачное, а ветки дерева, что растет во дворе софийской школы имени Гагарина, окутывает теплый густой туман.

Это деревцо его, и апрель его, и небо его. И улыбка, которая никогда не поблекнет. И почтовая марка с его портретом и подписью. И этот сон, который приходит каждой весной после каждого первого цветения! Сон в белом и розовом. И в зеленом, конечно, потому что земля прежде всего зеленая. В зеленоватой роскоши молодых хлебов. В неудержимом напоре большой и малой воды. В малахитовых листьях черешен у дороги...

Прежде чем стать сном, это было путешествием. Улицы городов и сел раскрывались веером, расцветали тысячами лип. И поле раскрывалось бесконечной книжкой с картинками. И небо раскрывалось. Навстречу человеку, который первым поднялся так близко к нему. Вместе с Гагариным мы ехали по Болгарии.

Юрий Алексеевич сказал:

держивали их сверху, сбивая фашистов на взлете, и тут же приземлялись на этих аэродромах сами.

Последний фашистский самолет Савицкий сбил 28 апреля над Берлином. По счету он был 22-м, по «достоинству» — не очень почетным: всего лишь четырехместная связная машина, — но по ценности — весьма важным. Евгений Яковлевич видел, как этот тихход взлетел прямо с улицы, где находилась имперская канцелярия, и сразу же погнался за ним.

— Престижа мало, — говорит теперь Савицкий, — но я понял, упускать нельзя. Уж я-то знал, кого и что возят такие самолеты.

Таким был последний сбитый самолет — нетрудным. Но завершающие дни войны успели компенсировать легкость одного боя неимоверной тяжестью и опасностью другого. Наступая, летчики Савицкого приземлились на аэродромах западнее окруженного Берлина. А в это время несколькими эсэсовскими частями удалось

1943 год. Генерал-майор Е. Я. Савицкий после боевого вылета.

Фото Я. Халипа

ЛЬСКАЯ РАПСОДИЯ

— Давайте ненадолго остановимся.

Мы стояли в пушистом туннеле придорожного кордона черешен. Под лиловыми ветками алели первые сережки созревающих ягод. Вокруг была земля — слегка волнистая и теплая, благодатная земля, окруженная заснеженными горами с севера и юга.

А с нами в машине сидел человек в форме военного летчика с погонами майора. Улыбчивый и удивленный обрушившейся на него славой.

Незадолго до остановки разговор зашел о Кирилле и Мефодии. Для Юрия Гагарина это были имена, запомнившиеся с урока Елены Федоровны в Гжатске. Ему хотелось подробнее узнать о тех, кто составил алфавит, буквами которого было написано на его звездном корабле слово «Восток» — первые человеческие письма, ушедшие так далеко. Гагарин расспрашивал о празднике — единственном на земле празднике письменности.

И рассказывал о Елене Федоровне. О том, как всегда стеснялся ее, учительницы. Однажды в Гжатске (это было вскоре после его полета) на встрече в одной школе ему сказали, что надо идти в другую. Он с ожиданием в глазах, как в детстве, взглянул на учительницу и вздохнул:

— Как Елена Федоровна...

По-моему, Гагарин даже не понял, почему всем в машине стало вдруг так весело! А потом мы снова говорили о празднике славянской письменности, который отмечается в пожаре весны, когда так много зелени и цветов, кото-

рыми украшают лица просветителей.

А через поле неслась стая белых платков. И не неслась, а летела эта стая. Платки развевались и трепетали на ветру, как крылья птиц. Из-под них рассыпались волосы — русые и черные, как смола. И слышалось издали только одно-единственное имя, которое вело всех за собой, — «Гагарин, Гагарин!»

Женщины торопились. Они, наверное, боялись, что машины вот-вот уедут и увезут того, с кем сегодня хотели встретиться все. И когда подошли к посадке черешен, встали как вкопанные, немножко заробевшие. Смотрели только на него, первого человека, побывавшего в космосе. Было заметно, как жадно вглядываются в него, как бы торопясь запомнить эти веселые мальчишеские глаза. Под сережками молодых черешен стоял тот, чье лицо они видели за стеклом шлема, тот, кто маршировал по ковровой дорожке к трибуне в тесном четырехугольнике телеэкрана. Он был настоящим. И это делало их счастливыми.

Юрий Алексеевич сказал:

— Здравствуй, матушки! — Большинство женщин было уже в годах. Одна из них ответила:

— Здравствуй, сынок! Хотели только на тебя поглядеть... — И засмеялась. Она выглядела самой старшей, около глаз синела сетка морщин. — Страшно было? — спросила она.

— Ничуть... Ну, с самого начала, пожалуй, а потом в самом деле ничуть... — Гагарин засмеялся. Громко, во весь голос.

Говорили без переводчика. Все слова были понятны. Они поняли бы друг друга и без слов, достаточно было встретиться взглядом. Где-то совсем недалеко блестели на солнце рукоятки мотыг, оставленных среди гряд...

Что думал в эту минуту Юрий Алексеевич? Может, вспоминал, как мать, Анна Тимофеевна, вела его через сад к дому, пряча за спиной, чтобы не увидел фашист, тот, кому он и Боря насыпали песок в аккумулятор... Или видел, как его встречает добрая старая тетя Нюша — его, своего Юру, окруженного дюжиной генералов. И, не имея чем его одарить, она сняла с иконостаса голубой цветок и отдала ему. А чтобы не вышло перед генералами, что не умеет разговаривать, спросила пересохшим голосом:

— Откуда пришел, голубчик?

А он ответил:

— С неба, тетя Нюша...

И все засмеялись совсем так, как смеялись сейчас, на поле Фракии. Потому что все было позади. И не было никаких тайн. Ничего, что не было бы подвластно человеку, — от простого чуда выкопать мотыгой лунку, посеять семя и потом сорвать плод до дерзкого ввинчивания в синюю лазурь неба, куда еще никто не заглядывал.

— Ну, что же, до свидания...

Человек в ките лежачика с погонами майора протянул руку женщинам, оставившим свои мотыги среди гряд, чтобы посмотреть на него. И вдруг одна из них, самая смелая, сорвала с придорожной межи большой молодцеватый мак,

подсунула цветок под орденскую ленточку на груди майора и поцеловала его в щеку. Она знала, что от ветра и солнца цветок завянет, но ласка останется...

Наше путешествие продолжалось. Казалось, оно никогда не кончится. Один из нас попросил у гостя автограф на почтовой марке, только что выпущенной в его честь.

Гагарин расписался.

Потом, много лет спустя, когда непоправимое уже произошло, оказалось, что это единственная почтовая марка с портретом и автографом первого космонавта.

Весной... В апреле...

Кто были те женщины, которые под черешнями Фракии за руку здоровались с Гагариным? Они напомнили мне крестьянок из легенды, что разбежались с поля в страхе перед дружиной Индже, а вернувшись, нашли на мотыгах по золотому, положенному рукой сурового гайдука.

Говорят, единственная марка с портретом и личной подписью Гагарина — самая дорогая марка в мире. А кто скажет, сколько стоит отражение солнца на ручках мотыг!

Этот сон приходит неизменно с первыми белыми и розовыми взрывами цветущих деревьев. Когда небо высокое и прозрачное, а в ветвях дерева, посаженного Гагариным во дворе сто тридцать восьмой школы Софии, названной его именем, начинает клубиться теплый и густой туман.

И всегда весной. И всегда в апреле.

София.

вырваться из окружения. На бронетранспортерах, с артиллерией, они устремились на запад, чтобы сдаться союзникам. Их путь лежал через аэродромы, занятые корпусом Савицкого.

И вот летчики заняли оборону. На аэродроме, где находился штаб корпуса, ее возглавил генерал-лейтенант Савицкий. Как в небе, он и на земле был впереди...

«Для летчика-истребителя возраст 35 лет — это уже старость», — было написано в 1928 году, когда скорости лучших самолетов едва достигали 250 километров в час. Во время тушинского парада 1948 года Савицкому было уже 38. Ни тогда, ни позже он не относился всерьез к поспешному выводу специалистов прошлого. Зато всегда с удовольствием цитировал слова знаменитого советского летчика Михаила Громова: «Для того, чтобы летать надежно, очень важно знать, как управлять самолетом, но еще важнее знать, как управлять самим собой».

И Евгений Яковлевич блестяще

овладел наукой управлять собой — своими нервами, своим физическим самочувствием. Даже сегодня он проплывает стометровку вольным стилем почти за минуту, прыгает с десятиметровой вышки со стойки на руках, делает сальто, увлеченно гоняет на автомобиле, на скутере, на мотоцикле прыгает с трамплина, играет в теннис. Десятки лет он самым серьезным образом занимается спортом, и это всегда позволяло ему находиться в отличной летной форме.

Именно поэтому Савицкий смог первым из строевых летчиков совершить полет на реактивном истребителе, первым из них преодолел звуковой барьер, первым освоил ночные полеты и вообще до самого недавнего времени первым поднимался в небо на новых истребителях, поступающих на вооружение войск ПВО. Он продолжал придерживаться старого и испытанного способа воспитания подчиненных — показом.

И вот теперь по собственной инициативе перестал летать. Поче-

му? Можно ответить просто: полеты не диктуются служебной необходимостью. Но этот ответ не точен. Круг обязанностей маршала авиации Савицкого, заместителя главнокомандующего страны, не оставляет времени, столь необходимого для подготовки к полетам на современных истребителях, а он привык не просто летать, а быть в этом деле примером. И как ни рвется он в небо, вынужден исключить его из своего расписания, чтобы показывать пример штабной работы, чтобы полностью сосредоточиться на самом главном в данный момент.

Но фамилия Савицких продолжает числиться в ряду активно летающих пилотов: редчайший случай для этой профессии — эстафету отца приняла дочь. Похоже, что и тут «сработал» принцип Савицкого — «не скажешь, а покажешь». Он никогда не агитировал Светлану заниматься воздушным спортом. Но однажды случайно — она училась тогда в восьмом классе — обнаружил в ее школьном портфеле парашют-

ный нож с фалой и понял, что она уже прыгает. А позже, когда дочь училась в МАИ, ему вдруг позвонил бывший сослуживец генерал Пахомов.

— Евгений Яковлевич, сегодня у вашей дочери первый самостоятельный вылет на Як-18.

Савицкий приехал в Тушино, но, зная характер дочери, из машины не вышел, наблюдал за полетом инкогнито. Потом попросил Пахомова передать Светлане плитку шоколада, вроде бы от досоафского начальства. Пахомов улыбнулся: его собственная дочь в то время была уже чемпионкой мира по танцам на льду, и он желал дочери Савицкого тоже стать мировой чемпионкой.

Сегодня Светлана Савицкая — абсолютная чемпионка мира по высшему пилотажу и обладательница восьми мировых авиационных рекордов, один из которых установлен на новейшем самолете с пороховыми ускорителями.

У дела Савицкого есть достойный продолжатель.

В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР,
кандидат технических наук

...ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Темной январской звездной ночью мы шли по песчаной дорожке. Мы — пятеро космонавтов. Три часа назад наши коллеги и друзья Алексей Губарев и Георгий Гречко на космическом корабле «Союз-17» подошли к орбитальной станции «Салют-4» и состыковались. Где-то на Земле кто-нибудь ранней утренней зорькой заметил, как, быстро двигаясь по бледнеющему звездному небу, две мигающие яркие звездочки вдруг сблизились и соединились в одну. И сколько он ни ждал, что вот сейчас они разойдутся, они так и не разошлись, и, увеличивая свой блеск, еще одна яркая звезда ушла навстречу заре.

А мы, пятеро космонавтов, в это время были на пункте управления полетом, вели с нашими друзьями связь, давали рекомендации и советы. Мы все уже были в космосе, они там — в первый раз. И мы хорошо знаем, как помогает там голос друга, его опыт. Да, нелегко им там сейчас, устали; да и невесомость наверняка дает себя знать. Ничего, привыкнут.

Мы тоже устали и сейчас не спеша идем звездной южной ночью. Идем в гостиницу отдыхать.

— Виталий, а что в клюве держит Лебедь? — спрашивает меня Олег Макаров.

— Альбирео, — говорю я, отыскивая на небосводе созвездие Лебедя.

— А как называется α Северной короны? — задает очередной вопрос Петр Климух.

— Гемма, — отвечаю я быстро.

— Моя любимая звезда, — говорит Олег Макаров.

— Не забыл еще звезды, — говорит Андриян Николаев и после небольшой паузы вспоминает: — В полете замучил меня: «Найди Ахернар», «Покажи Фомальгаут», «А где Антарес?». Помнишь, как работали со звездным прибором по Канопусу...

— Помню... — говорю я и отчетливо вспоминаю...

Мы выполнили два режима очень точной звездной ориентации на звезду Вега в созвездии Лиры с помощью нового, впервые испытываемого телевизионного прицела: я проводил ручную ориентацию нашего корабля на звезду, а Андриян работал с прибором. После завершения ориентации, когда звезда находилась в поле зрения прибора, мы включали стабилизацию корабля в пространстве на гироскопах, и прибор автоматически перенастраивал порог своей чувствительности по реальной яркости звезды Вега. Таким образом, мы проводили тарировку прибора за атмосферой Земли по реальной звезде, не по имитатору с учетом передаточной функции атмосферы, как это было сделано на Земле перед полетом. С Вегой было все нормально. На Земле по телеметрии уже получили ее реальную яркость, измеренную вне атмосферы. Но когда мы стали работать по Канопусу — это вторая после Сириуса самая яркая звезда на нашем небосводе, — мы столкнулись с проблемой. Я уже шесть раз выполнил ориентацию нашего корабля на Канопус и был уверен, что ориентация точная, но прибор не чувствовал звезду, транспарант «Захват» не загорался. И вот тогда пришла мысль включить его настройку на яркость Сириуса. «Захват» загорелся. Режим был выполнен. Была получена реальная яркость Канопуса за атмосферой Земли, которая оказалась за порогом чувствительности, заложенным по нашим знаниям на Земле. Это был творческий поиск в исследовании. А ведь работать пришлось быстро, через семь минут после выхода Канопуса из-за горизонта Земли. Вско-

дило Солнце, которое засвечивало прибор. Мы испытывали новый прибор, проводили его тарировку. Сейчас он входит в штатные системы ориентации космических кораблей «Союз» и орбитальных станций «Салют».

Небо на востоке начинает бледнеть. Ребята продолжают игру «в звезды». Вдруг в одну из пауз, когда Петр Климух отыскивал на небосводе созвездие Зайца, Василий Лазарев спросил:

— А кто помнит любимую звезду Володи Комарова?

Все примолкли. Каждый сейчас видел перед собой Володю. Этого умного, удивительно мягкого характера друга, человека высокой культуры и образованности. И перед каждым сейчас стояли его внимательные, немножко с грустинкой черные глаза.

— Эль-Сухель... — сказал, задумчиво растягивая, Олег Макаров.

— Да, Эль-Сухель... — повторил Андриян.

«Эль-Сухель», — сказал про себя я и вспомнил, почти явно услышал его голос в Московском планетарии, где мы провели многие десятки часов. «Кто покажет Эль-Сухель?»

Эль-Сухель — звезда в созвездии Паруса, звезда южного звездного неба. Она никогда не видна на нашем северном небосводе. Он полюбил ее в планетарии... А затем дважды в космических полетах на борту «Восхода» и «Союза» любовался ею там, в космосе, надолго останавливая свой взгляд на ней и думая о Земле.

Я вспомнил наши ставшие уже традиционными выезды в Московский планетарий, когда от восьми до десяти вечера, проводив последнего из шумной толпы своих дневных посетителей, он принимал нас, космонавтов.

Я вспомнил и наши «игры». В течение часа езды из Звездного городка до планетария, в темном салоне служебного автобуса «ПАЗ» мы устраивали по инициативе Жоры Добровольского шумную игру «в звезды и созвездия», похожую на известную детскую игру «в города». Участвовали все и называли более 95 процентов всех звезд и созвездий, имеющих названия. Да... у Жоры Добровольского тоже была своя любимая звезда...

— Виталий, сколько сейчас живет на Земле людей? — прервал мои воспоминания Андриян, и я увидел, что он, опустив голову, идет, как будто рассматривая что-то под ногами.

— Четыре миллиарда, — ответил я.

— А сколько всего летало американских астронавтов? — опять спросил Андриян, заглянув мне в лицо и переводя взгляд на звезды.

— Сорок один, — ответил за меня Олег Макаров.

— И наших тридцать четыре, — добавил Василий Лазарев.

— Да! Четыре миллиарда людей! И только семьдесят пять из них видели планету, на которой они живут! Всю нашу Землю! — медленно, раздумывая, сказал Андриян, всматриваясь в мерцающие звезды. — Да, стоит ради этого стать космонавтом! Стоит жить ради того, чтобы рассказать людям, как красива и как мала наша Земля!

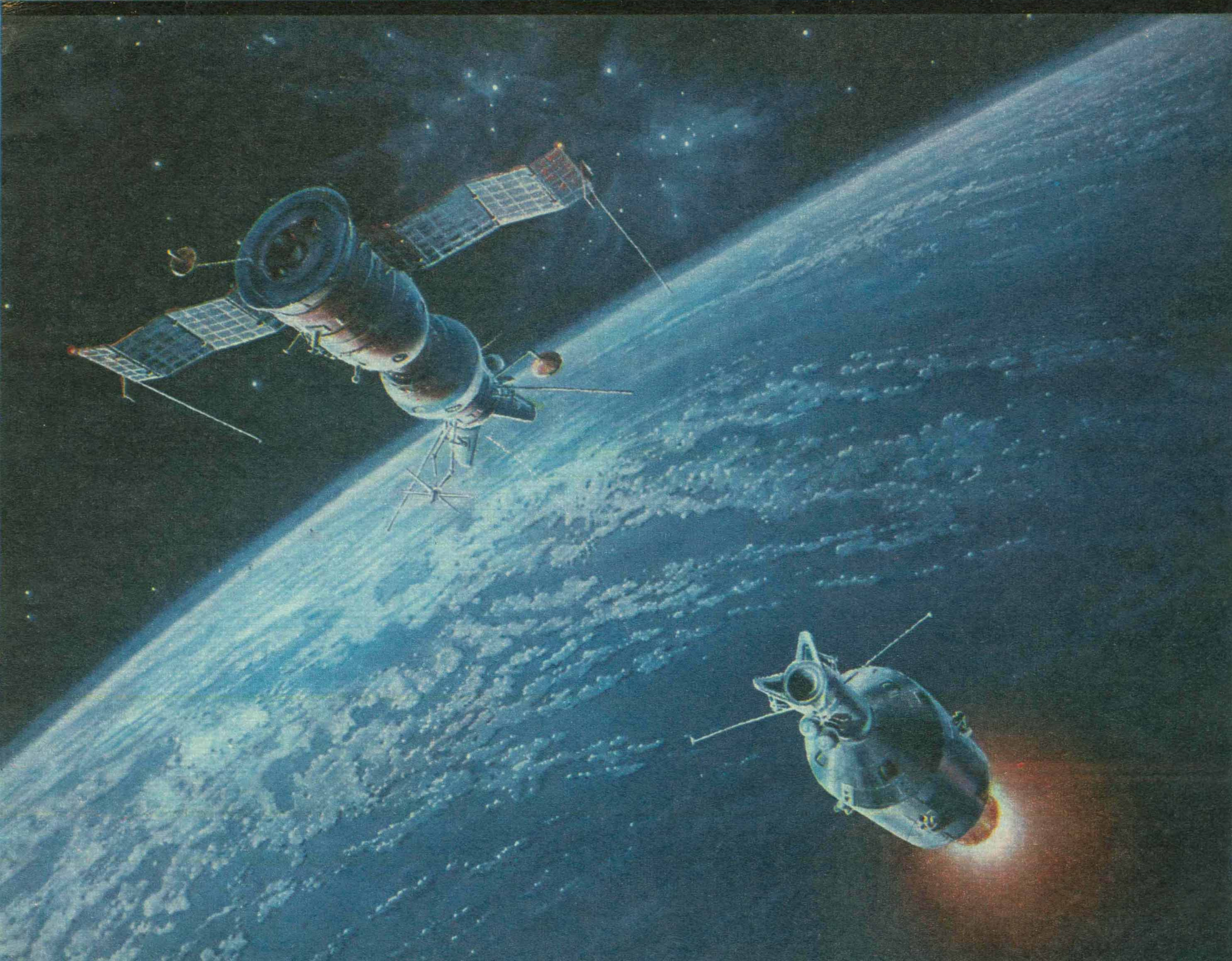
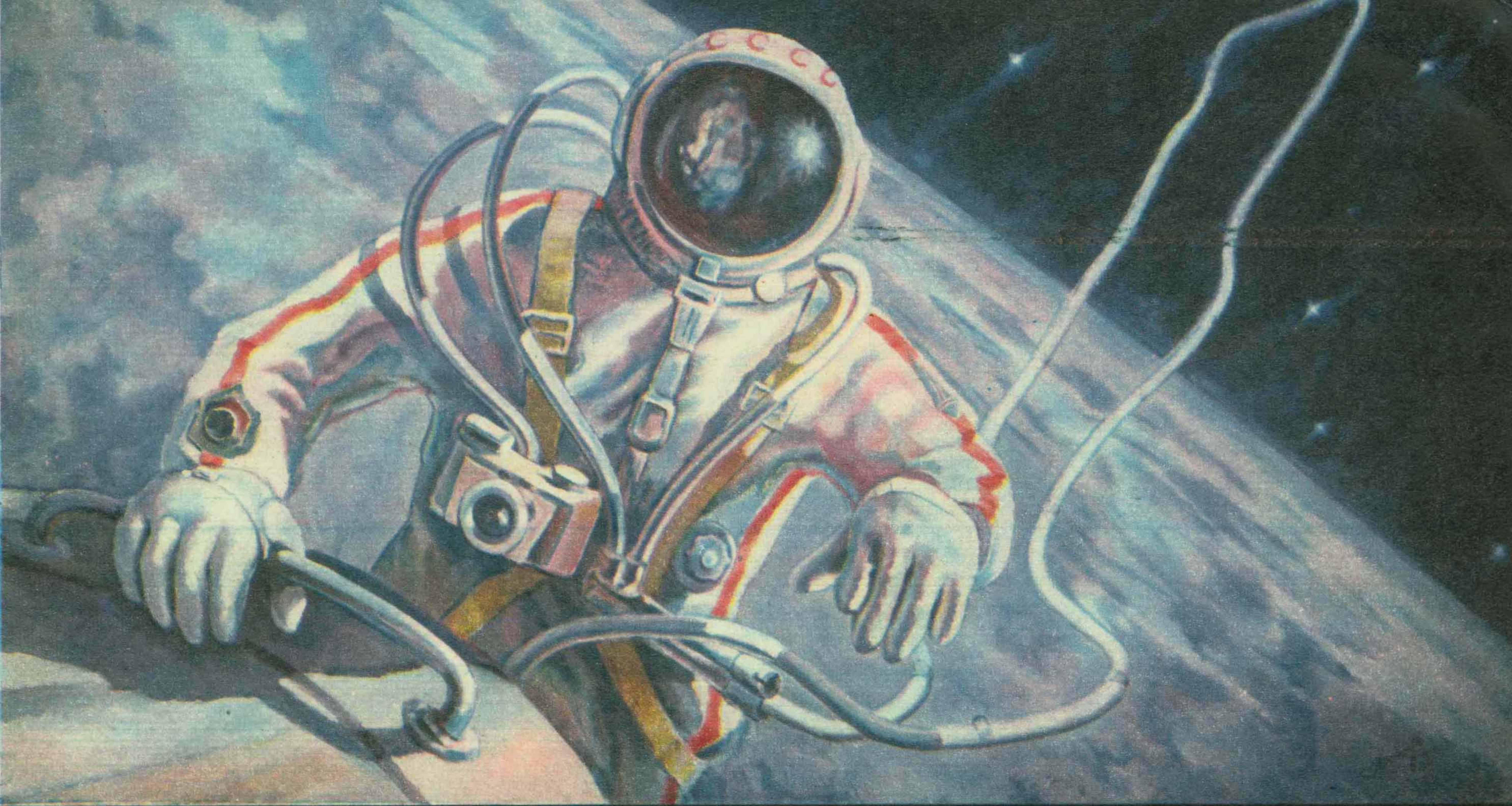
Несколько минут все молчали. Каждый в эти минуты был там, на орбите. Он вновь видел Землю оттуда, из космоса. И видел свой длинный путь туда: путь космонавта на Земле, долгие годы тренировок и подготовки. И видел то, что звало его туда, в космос: и детские, сказочные мечты, и фантастические романы юности, и вечная тяга к познанию неизведанного в годы формирования профессии, и рассказы того

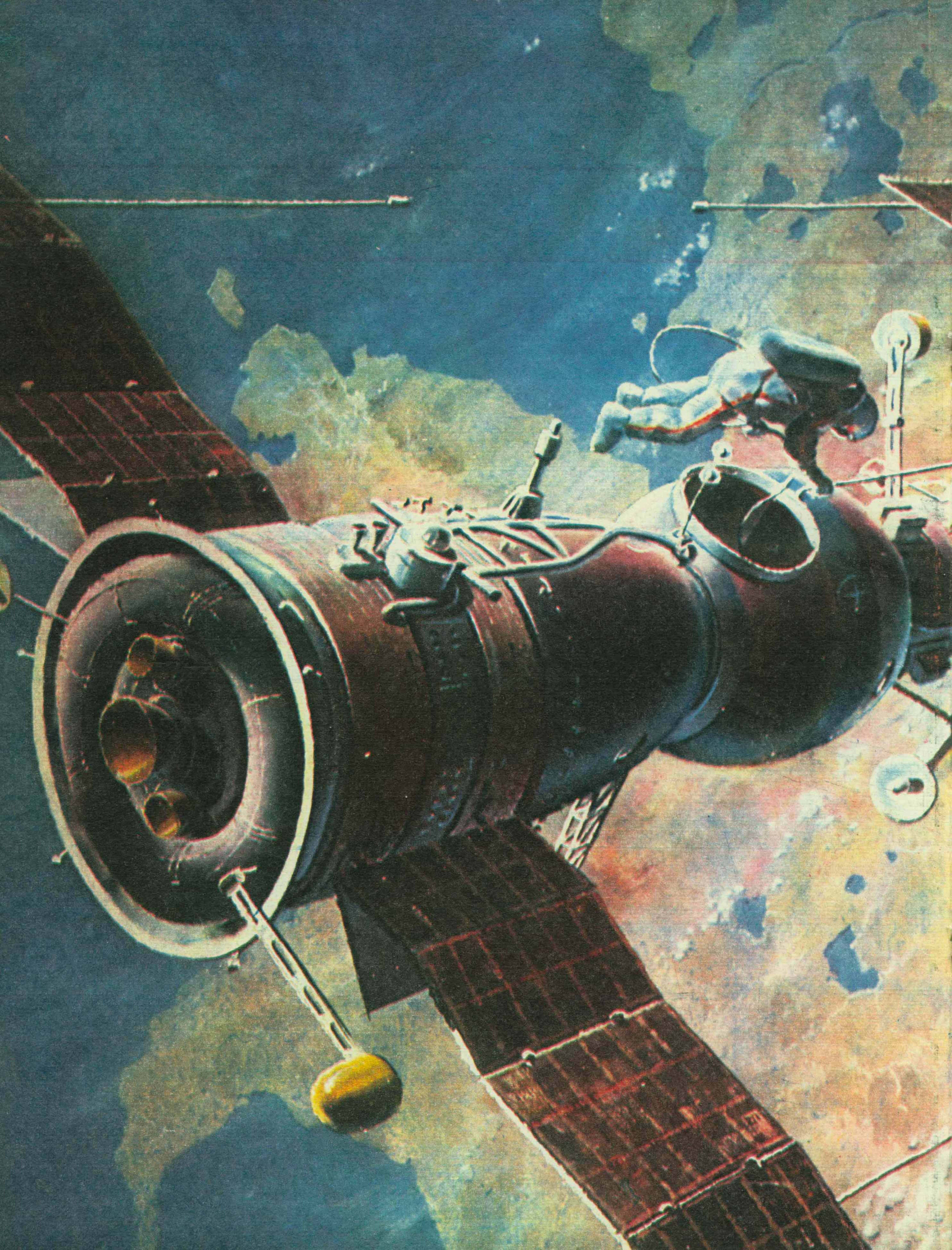
А. Леонов. ПЕРВЫЙ ВЫХОД В КОСМОС.

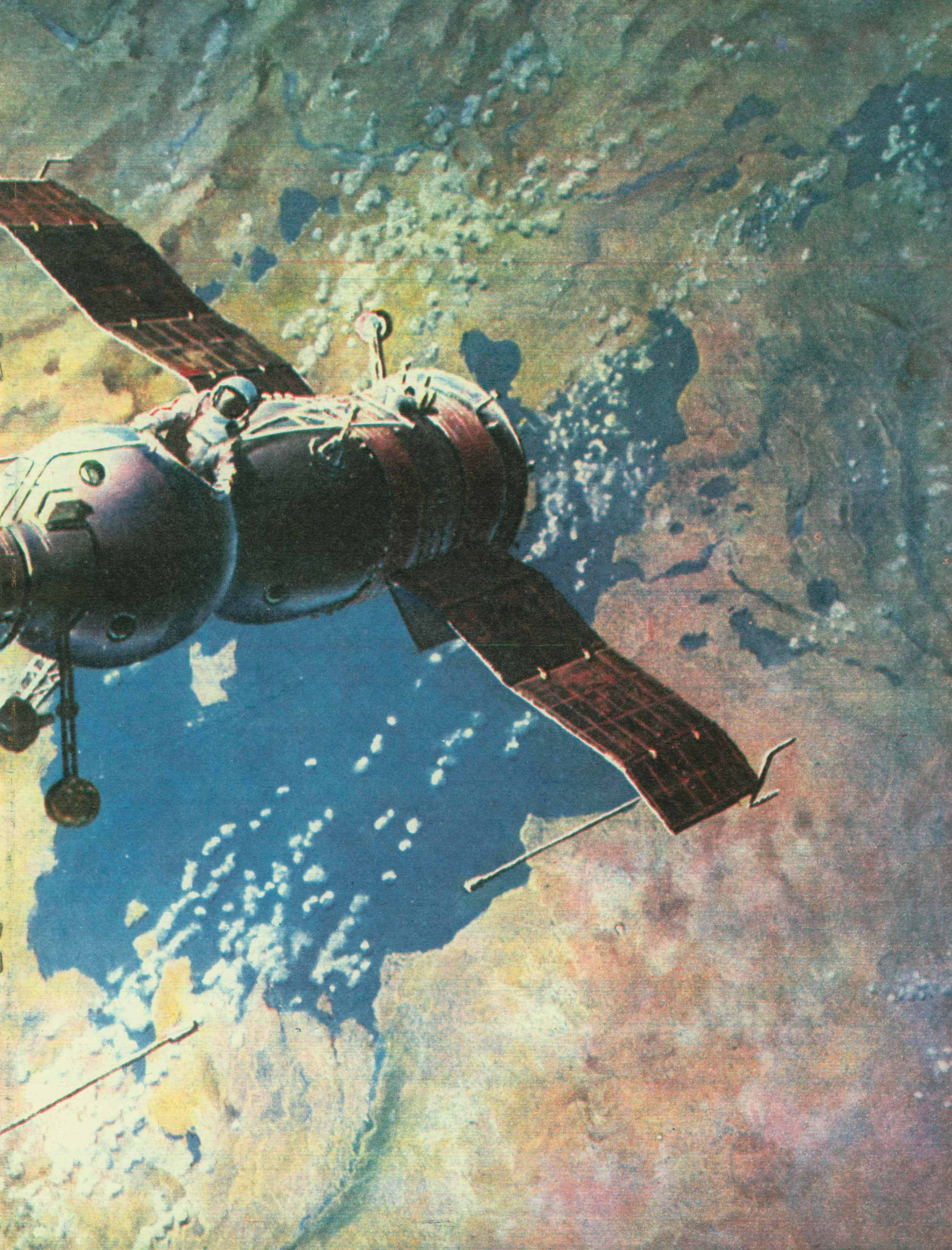
А. Соколов. СТЫКОВКА КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ «СОЮЗ» — «АПОЛЛОН».

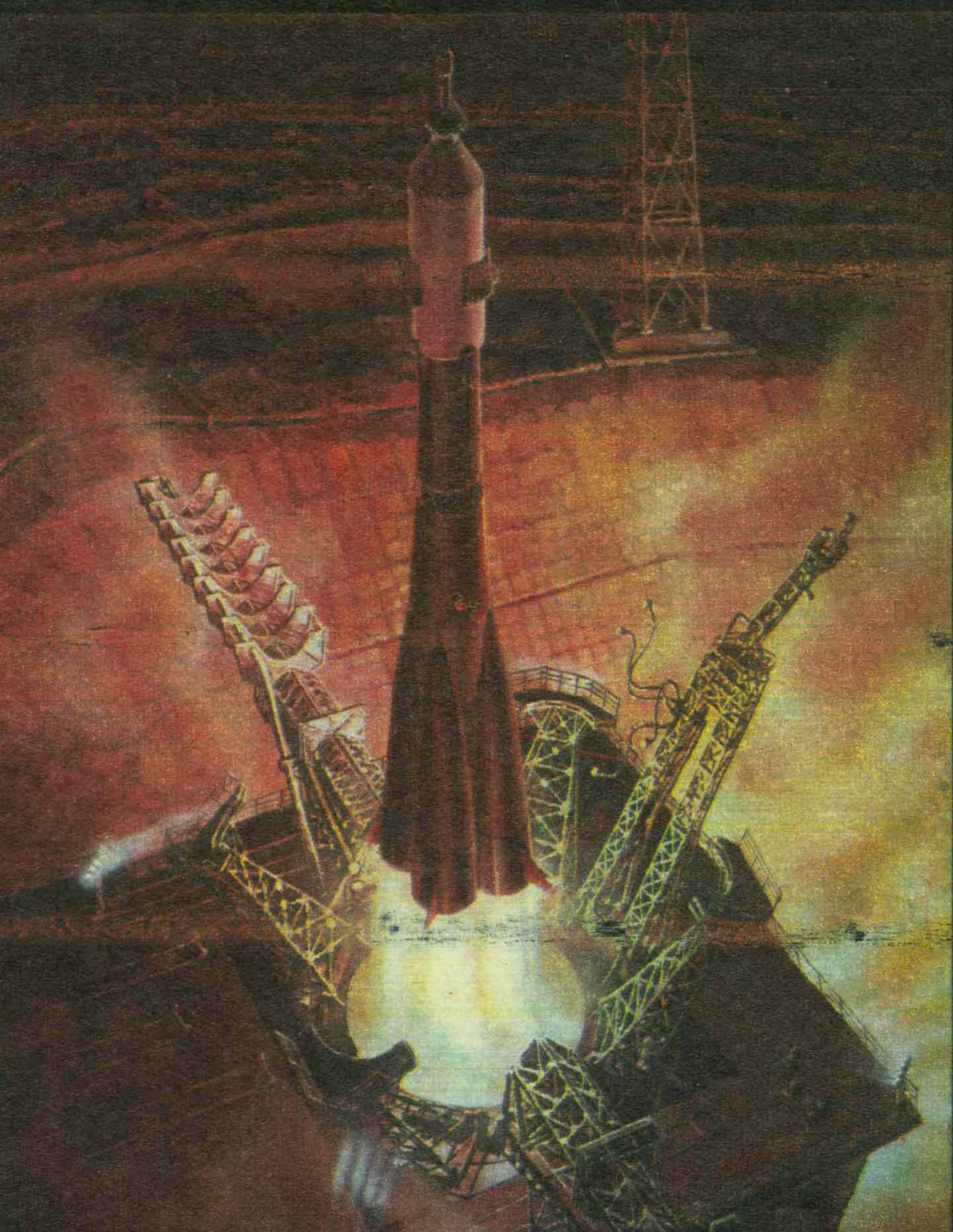
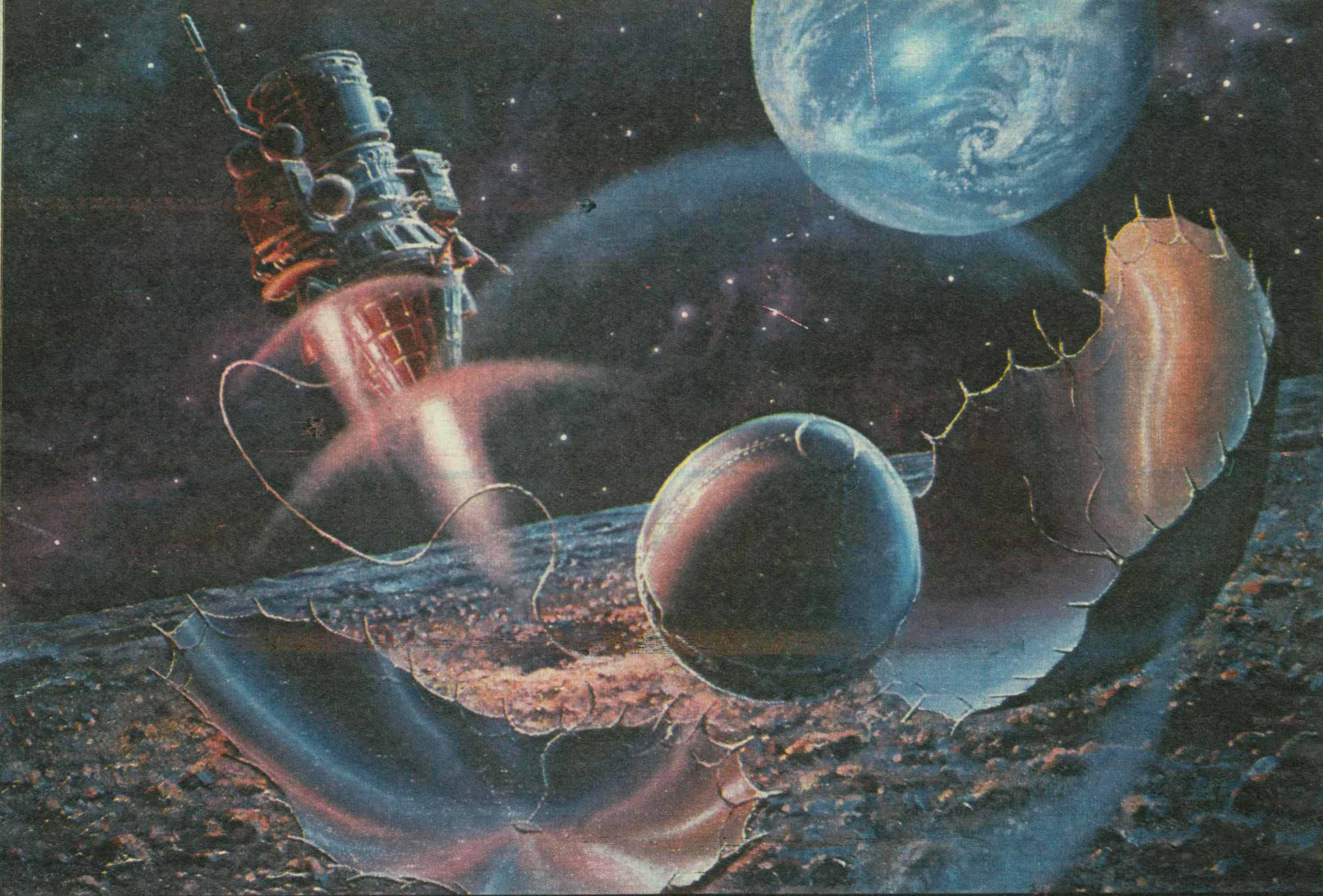
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

А. Соколов. ПЕРЕХОД.

Первого, кто увидел «колыбель человечества» всю разом. Я отчетливо вспомнил рассказ Юрия Гагарина о полете. Он подробно говорил о поведении корабля «Восток», о работе его систем, о своем самочувствии, о невесомости. Но особенно запомнился мне его рассказ о нашей планете. Очень красочно описывал Юрий Алексеевич, как выглядит Земля из космоса, и с удивлением подчеркивал ее малость. И в тот момент в его живых, выразительных глазах, которые на мир всегда смотрели с доброй улыбкой, я увидел грусть. Да, я увидел удивление и затаенную грусть, как будто он хотел сказать: «Мала наша Земля! Ох, мала! Ну, совсем маленькая!»

— За четырнадцать лет семьдесят пять космонавтов — не густо! — сказал Петр Климух, вспоминая себя восемнадцатилетним курсантом летного училища, когда стартовал Юрий Гагарин.

— Да, все началось с него, с Юрия, — за всех вслух сказал Андриян. — До сих пор помню, как мы провожали его на старт. Как будто это было вчера. Волновались мы тогда... Ведь еще никто не был в космосе, никто не знал, что такое невесомость, никто еще не видел Землю со стороны!

— Виталий, а помнишь «логический ключ» на пульте «Востока»? — спросил Олег Макаров.

— Помню! — ответил я и замолчал.

— Что за «логический ключ»? — спросил Петр Климух, и Олег Макаров стал ему подробно объяснять.

Да, я хорошо помню этот «логический ключ». Помню и дискуссию, которая тогда разгорелась: ставить этот ключ или не ставить. На вопрос академика С. П. Королева: «Как будет чувствовать себя космонавт в полете?» — медики, естественно, не могли пока дать исчерпывающий ответ. А на пульте космонавта было достаточно кнопок и тумблеров, касаться которых нужно со «светлой» головой. Вот тогда и решили: космонавт может «запитать» пульт в полете, то есть подать напряжение на него, только тогда, когда он раскодирует запись в бортовом журнале и наберет правильное трехзначное число на счетчике, который устанавливался на пульт. С. П. Королев утвердил эту систему и положил конец дискуссии. На первом «Востоке» такой «логический ключ» стоял. Затем он был снят. Снял его Юрий Гагарин. Снял своим полетом. В этом его подвиг и громадная заслуга перед человечеством.

Я вспомнил, какой теплотой и благодарностью наполнена запись Нейла Армстронга, первого землянина, ступившего на Луну, оставленная в «Книге памяти» Юрия Гагарина в Музее Звездного городка: «Он всех нас позвал в космос». Всех нас! Всех живущих! И тех, кто будет жить! И тех, кто жил и живет в делах живущих! Всех нас — землян!

Мы идем по песчаной дорожке. Небо как будто стало светлее. Гостиницу уже прошли. Идем дальше. Олег Макаров заканчивает объяснения Петру Климуху о «логическом ключе».

— Летит время, — говорит Василий Лазарев, как бы подводя итог. — Теперь ребятам еще долго работать в космосе, — вспоминает он тех, кто сейчас на орбите.

«Да, уже работать. Работа в космосе. Конечно, исследования и испытания, но и настоящая работа, — думаю я. — Ведь на борту «Салюта-4» более двух тонн научного оборудования. Лаборатория! Каждый час работы космонавтов на орбите на учете. Сегодня вон сколько времени потратили на земле на обсуждение: продлить сон космонавтов на виток, то есть на полтора часа, учитывая, что они сегодня очень устали, — их рабочий день был очень напряженным, — или оставить все по программе. Мы еле добились увеличения отдыха для ребят».

— Да, время летит. Помните, на космодроме перед вашим стартом открывали мемориальную доску на Домике Гагарина, — обращается Василий к нам с Андрияном. — А прошло уже почти пять лет.

Мы помним. За неделю до старта «Союза-9» мы все вместе с Н. П. Каманиным поехали в Домик Гагарина. После долгих месяцев подготовки при активнейшем участии первых космонавтов: Германа Титова, Павла Поповича, Валерия Быковского, Алексея Леонова — наконец-то восстановили в домике ту обстановку, которая была перед стартом Юрия Гагарина. Алексей Леонов мне рассказывал, что где-то на складе нашли даже именно те кровати, на которых спали Юрий Гагарин и Герман Титов. Они там так и числились — «гагаринская» и «титовская». Сами космонавты с помощью внимательных сотрудников космодрома все нашли и все расставили так, как было тогда — 12 апреля 1961 года.

Я хорошо помню торжественный митинг, открытие домика-мемориала, открытие мемориальной доски. Я хорошо помню то волнение, которое охватило меня, когда мы с Андрияном стояли в той комнате, откуда Юрий пошел в полет, в первый космический полет человека. Я знаю, что всякий раз, когда космонавты прилетают на космодром и готовятся к новым стартам, они всегда приезжают сюда. В этот домик — Домик Гагарина, — всегда приносят ему цветы и молча говорят ему: «Мы продолжаем начатое тобой дело!»

— Все хорошо помню... Скоро уж пять лет... Да, летит время, — говорит Андриян, думая о своем. — Вон Алексей Леонов уже готовится справиться десятилетие своего выхода в космос. А кажется, было только вчера. Помню, как мы с волнением наблюдали по телевидению выход Алексея. Вот он появился на обресе шлюза. Высунулся еще немного. Вот вытянул страховочный фал, выбрал его слабинку. Вот мягко оттолкнулся и плавно поплыл. И при этом еще машет рукой. Вот характер! Мы тут волнуемся, а он еще шутит! Мы-то знаем, что сейчас ему там нелегко. Уж не говоря о психологии (под тобой бездна, далеко на дне

ее где-то поверхность Земли, а над тобой черное небо, немигающие звезды и Солнце); но и физически трудно работать в скафандре, пульс — частит. А он машет рукой! Ведет репортаж, спокойно рассказывает, что под ним Черное море, Кавказ, солнечный «зайчик» по Волге бежит, а в микрофон слышно, как часто дышит, с трудом. И вдруг торжественный голос Павла Ивановича Беляева: «Человек вышел в космическое пространство!»

В то время я был в Центре управления полетом, наблюдал все это по телевидению, и сейчас счастливо вспоминал весь восьмиминутный репортаж Алексея Леонова, репортаж от Кавказа до Байкала. Восемь минут! Четыре тысячи километров! Плывет рядом с кораблем «Восход-2» Алексей Леонов! Действительно, даже сегодня это воспринимается как фантастика!

— Юрий Гагарин тогда четко руководил полетом, — неожиданно сказал Олег Макаров.

— Помните, у ребят была ситуация...

— Помню! — одновременно сказали мы с Андрияном...

Они готовились к спуску на Землю. Последний сеанс радиосвязи с Землей. На следующем витке — посадка. Они придут в зону радиовидимости наземных пунктов, уже находясь на траектории спуска в атмосфере Земли. На Земле с нетерпением ждут их доклада о работе автоматической системы ориентации. Я и сейчас помню доклад Павла Ивановича — автоматическая система ориентации отказала. Его доклад Земле был исчерпывающим. Он был сделан неторопливо, со свойственным Беляеву спокойным тоном.

Выдержав десятисекундную паузу, как бы давая Земле время на размышление, Беляев запросил разрешение на включение ручной системы ориентации корабля и при ее нормальной работе разрешение на спуск.

Вновь пауза. Длинная-предлинная пауза! Звенящая тишина! Тишина на всех пунктах управления полетом! Казалось, все радиосредства на территории страны замерли. Казалось, замерли и молчат все люди! Пауза длилась всего тридцать секунд!

Спокойный, мягкий голос Гагарина:

— «Алмаз», я «Заря», переход на ручную систему ориентации корабля и продолжение спуска разрешаю!

Я все это слышал по громкой связи.

Вот что произошло за эти тридцать секунд там, в Центре управления полетом. Рядом с Гагариным сидели академик С. П. Королев, его заместители, специалисты по системам корабля, баллистики. После запроса Беляева Королев резко встал. Жгучим «королевским» взглядом в глаза он обвел всех присутствующих. Все молчали. Тогда встал Гагарин и, взглянув Королеву в глаза, ответил:

— Разрешаю!

— Я «Алмаз», вас понял, переход на ручную систему ориентации корабля и продолжение спуска разрешаю, — дал квитанцию Павел Иванович.

Сергей Павлович, также стоя, выслушал спокойный ответ Беляева, еще раз своим строгим, долгим взглядом обвел присутствующих и молча показал рукой на Гагарина, как бы говоря: «Вот как нужно принимать решения!»

На следующем витке Павел Беляев и Алексей Леонов благополучно вернулись на родную Землю. Да, несомненно, это был этапный полет в развитии космонавтики.

Небо на востоке уже светлеет.

— Скоро разыграется заря, — говорит Андриян, рассматривая на востоке горизонт, и обращается ко мне: — Виталий, а помнишь зори там, в космосе?..

— Помню, — говорю я и замолкаю.

Действительно, одно из наиболее впечатляющих зрелищ, наблюдаемых из космоса, — это вид земной атмосферы вблизи сумеречного горизонта. Когда космический корабль находится в области тени и приближается к линии терминатора (граница света и тени на поверхности Земли), то в направлении на терминатор появляется космическая цветная заря. Сначала виден серп темно-красного цвета. Затем в быстром темпе наступает просветление над серпом, к темно-красным тонам добавляются оранжево-красные и желтые, начинает формироваться основная гамма цветов космической зари, красные тона в ореоле светлеют, появляются голубые и синие оттенки, а затем фиолетовые и темно-фиолетовые, почти черные. И совсем нет зеленых тонов или даже полутонов. Переход от светло-желтых полутонов к светло-голубым происходит через белесые, которые два раза чередуются с бледно-голубыми, а затем идут голубые. Я помню, как удивлялся этому Мартирос Сергеевич Сарьян, когда я был у него в гостях в Ереване и описывал космические зори, и как он с юношеской любознательностью все просил меня рассказать еще и еще раз: какая там заря, как выглядит Земля наша из космоса.

Я вспомнил и свою запись в дневнике, который вел в полете: «Очень нравятся восход и заход Солнца. Утренние и вечерние зори описать невозможно! Рерих в натуре!» Да, действительно я видел эти зори раньше — на полотнах Н. К. Рериха.

Я вспомнил и рисунок космической зари, который сделал цветными карандашами в полете Алексей Леонов, а затем по этой зарисовке он написал прекрасную картину космического чуда: заря, солнце в кокошнике — очень реалистично. Да, дважды хорошо обладать способностями художника. Его обостренное, тонкое восприятие и полное реалистичное выражение этой необычно неземной композиции цвета, неожиданной игры тонов и полутонов дают людям полное представление о космосе. Я вспомнил композицию Алексея Леонова «Первый выход в космос». Замечательная картина. Молодец Алексей! Раскрепостился после полета и расцвел своим талантом. Вероятно, и его сотрудничество с художником-фантастом Андреем Соколовым дает много им обоим. Я вспомнил их первую совместную выставку в марте 1968 года в Москве на улице Горького в выставочном зале Союза художников. Отличная была выставка.

А. Соколов. МЯГКАЯ ПОСАДКА НА ЛУНУ.

А. Соколов. НОЧНОЙ СТАРТ.

А. Соколов. ПОСАДКА НА МАРС.

ФРОНТ БЕЗ ФЛАНГОВ

На экране — лесная дорога, по которой движется колонна измученных, раненых солдат. Звучит песня:

Мне вспомнились снова лесные края
И звезды ночного привала.
Явитесь ко мне, боевые друзья,
Придите ко мне, как бывало,
Свидетели тех нетускнеющих дней,
Участники грозных событий,
Вы прямо из юности дальной моей
Придите, придите, придите.

Потом возникают титры.

«Шел август 1941 года. Красная Армия, ведя упорные бои с превосходящими силами немецко-фашистских войск, отходила на восток».

Так начинается фильм «Фронт без флангов», поставленный режиссером И. Гостевым на киностудии «Мосфильм» по мотивам романа С. Цвигуна «Мы вернемся». Стихи М. Матусовского, музыка В. Баснера. Написанный на документальной основе, этот роман в короткое время завоевал большой и заслуженный успех у читателей достоверно показанными, тяжелыми и героическими днями первого периода войны. А теперь всем запомнится майор Млынский, главный герой этого фильма, представший в очень сдержанном, но внутренне напряженном исполнении Вячеслава Тихонова. Мы встречаемся с немногословным, кажется, очень спокойным человеком, с характером сильным, волевым.

По профессии этот человек — учитель. Он стал чекистом перед войной, а после 22 июня 1941 года — начальником особого отдела стрелковой дивизии.

Млынский и берет на себя командование выходящими из окружения, разрозненными частями Красной Армии. Он говорит бойцам: «Ни жизни спокойной, ни чудесной выручки я вам не обещаю. Только своими руками мы завоюем победу».

Опираясь на коммунистов-патриотов, Млынский фактически превращает свой отряд в регулярную действующую часть, устанавливает связь с советским командованием, подпольным горкомом партии, местными жителями... Теперь для отряда главной целью становится не прорыв к своим, на восток, а боевые действия в тылу у гитлеровцев. Перед наступлением фашистов на Москву отряд Млынского выполняет сложное и ответственное задание.

Над могилами павших Млынский теперь как бы уже нам, зрителям, говорит: «Мы вернемся с Победой!»

В этом фильме зрители встретятся с многими популярными актерами: это О. Жаков, И. Переверзев, В. Ивашов и другие. Все они создали живые образы советских людей-патриотов, раскрыли перед нами еще одну страницу героических событий Великой Отечественной войны.

Э. АГАПОВА

Кадр из фильма.

И вдруг в этот момент я ясно представил себе пригласительный билет на эту выставку, который и сейчас лежит на письменном столе Юрия Гагарина в его мемориальном кабинете в Музее Звездного городка. Да, он и сейчас лежит там. Любил Юрий Гагарин искусство, любил фантастику, любил и живопись художников-фантастов. Я знаю, что со вниманием и нежностью он относился и к творчеству Алексея Леонова и Андрея Соколова.

Месяц назад я был у того и у другого в мастерской. Посмотрел последние их произведения. Совместные: «Аполлон» — «Союз» перед стыковкой, «К звездам», «Венера-8», «На Венере». Картины Андрея Соколова — «Возвращение «Зонда» после облета «Луны», «Мягкая посадка на Луну», «Посадка на Марс», «Восток», «Ночной старт», «Стыковка «Союзов», «У Крабовидной туманности».

Превосходные картины! Они толкают к размышлению, к воспоминанию и к мечтам. Я помню, что у картины «К звездам» забыл обо всем, мыслью я был в полете.

Я вспомнил, с каким вниманием их композиции рассматривали крупнейшие ученые мира в области астронавтики, когда в 1973 году они собрались на свой очередной Международный конгресс в Баку и там была открыта выставка художников-фантастов «Мир завтрашнего дня». Да, Алексей Леонов и Андрей Соколов с Г. И. Покровским — уже патриархи этого направления.

...На востоке заря уже обретает свое первое слабое проявление. Андриян остановился. Остановились и другие ребята. Он внимательно смотрит на горизонт, изредка поворачиваясь к гаснущим звездам. Слабых звезд уже не видно. Остались самые яркие. Но и они слабеют. И вдруг Андриян, всматриваясь в звезды, поспешно, как бы боясь, что они вот-вот погаснут совсем, спрашивает меня:

— Так зачем или за чем человек летит в космос? К звездам?

Я хорошо помню, что все восемнадцать суток, что мы с ним летали в космосе, он задавал мне этот вопрос и каждый раз получал разный ответ.

— За волшебным золотым руном! — улыбаюсь я, вспоминая, что этот же вопрос несколько месяцев назад задал мне Фредерик Пол — известный писатель-фантаст, президент Ассоциации американских писателей-фантастов.

— За волшебным золотым руном плавал Одиссей, — задумавшись, говорит Олег Макаров. — И плавал он за тридевять земель!

— За счастьем! — отвечает за меня Петр Климук и смеется.

— За каким счастьем? — уточняет обстоятельный Василий Лазарев.

— За своим счастьем! За своим будущим!

— А что такое «будущее человека»? — не сдается Василий.

Пауза. Все молчат. Андриян, улыбаясь одними глазами и думая о чем-то своем, поглядывает на нас.

Я вспоминаю, что основатель кибернетики Норберт Винер как-то сказал: «Человек — это стрела, устремленная в будущее». «Да, это, несомненно, так! — думаю я. — Вот и мы все устремлены в будущее».

— А кто скажет, как понимать «тридевять земель»: три девятых Земли? Три девятки после нуля с запятой Земли? Или... или три девятки земель? — неожиданно задумчиво говорит Олег Макаров. — Кто ответит на этот вопрос, тот будет близок к ответу на вопрос Андрияна!

— Если принять три девятых Земли, то Одиссей уплыл от родной Итаки за тринадцать тысяч километров, — принялся рассуждать Олег.

— Это по нашему времени недалеко, но в то время вполне приличное расстояние.

— Если принять три девятки после нуля с запятой, то он должен был совершить кругосветное путешествие, — с удивлением сделал вывод Петр, — задолго до Магеллана!

— Если принять три девятки, то есть почти тысяча земель, то это либо 12 с лишним миллионов километров, если мера — диаметр Земли, либо в π раз больше, если мера — длина окружности Земли по экватору, то есть около 40 миллионов километров, — принимая игру, провел обстоятельный расчет Василий. — В любом случае это дальше Луны. Значит, Гомер отправил Одиссея в космос, на одну из планет Солнечной системы! Я бы предпочел, чтобы на Марс!

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

В архиве режиссера Д. Джуто хранятся, как самые дорогие реликвии, два документа. Один из них свидетельствует, что в 1921 году культработник Джуто состоял на службе в третьей Казанской стрелковой дивизии в качестве режиссера и актера армейской труппы, проводя в жизнь пролетарские принципы искусства.

Второй — программка агитпункта Московского Дома работников искусств — сообщает о спектакле ансамбля музыкальной комедии, который в постановке Д. Джуто состоялся в ноябре 1941 года в Москве.

Нынче театральная общественность отмечает 80-летие артиста, начавшего сценическую деятельность в актерской студии С. А. Дубасовой еще в 1916 году. Самой же яркой страницей в его актерской биографии стала работа в театре под руководством талантливейшего режиссера К. А. Марджанова. Любители оперетты во всех городах нашей страны встречались с героями Джуто в «Веселой вдове» Легара, «Прекрасной Елене» Оффенбаха, «Принцессе цирка» Кальмана... Вот уже почти 40 лет Дмитрий Фаустович — режиссер оперетты. В последнее время художник связал свою творческую судьбу с музой самой молодой — музой телевидения. На Одесской студии он осуществил постановку одноактной оперы М. Вериковского по мотивам поэмы Кобзаря «Сотник». Впервые на телевидении поставлены комические оперы-миниатюры И. Прибыка и по рассказам А. П. Чехова «Заблудившийся» и «Нервы».

80-летие со дня рождения и 60-летие творческой деятельности Дмитрий Фаустович Джуто встречает в рабочем строю.

В. НАХАПЕТОВ

Одесса.

ГЛУБИНА ПОСТИЖЕНИЯ

«Искусство рождается мерой сочувствия и мерой гнева, глубиной постижения, где разум и красота всегда цель, а глупость и подлость — враг номер один...» — писал народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, известный кинорежиссер Сергей Аполлинарьевич Герасимов.

Формирование творческих принципов этого крупного советского художника, большой и непростой его путь в киноискусстве прослеживаются и подробно анализируются в книге «Сергей Герасимов», только что вышедшей в издательстве «Искусство» в серии «Мастера советского кино» (М., 1975 год). Причем объемную по мысли, интересную работу киноведа Л. Парфенова отличает не просто стремление скрупулезно перечислить все сделанное С. Герасимовым в кинематографе. Главное для автора — законы существования целого мира герасимовских героев. Мира своеобразного, привлекательного, многогранного.

Увлеченность литературного изложения позволяет широкому кругу любителей киноискусства войти в творческую лабораторию видного мастера, где почти сорок лет назад начали свое существование семейство смелых покорителей Арктики, затем герои Комсомольска-на-Амуре, Краснодона, целая галерея образов наших современников. А ведь всему этому предшествовала и успешная экранная деятельность популярнейшего актера немого кино Сергея Герасимова, его встречи и совместная работа со многими выдающимися мастерами нашего кинематографа и литературы.

Л. Парфенов убедительно свидетельствует, что эти встречи во многом определили направление творческих поисков видного режиссера, сценариста, актера, педагога. При всем своем многообразии они сосредоточены на стремлении отра-

зить прекрасное и высокое в деятельности наших современников, будничной лишь на первый взгляд. Здесь-то и обнаруживаются зоркость и проницательность художника, в своих лучших лентах талантливо воссоздающего полнокровную жизнь советского общества, образы живых людей во всей их сложности и неповторимости.

Подробно рассказывая о работе над кинопроизведениями, которые пользуются непреходящей популярностью у миллионов зрителей, автор книги подчеркивает характерную, присущую всем без исключения работам кинематографиста безграничную веру во всемогущество, мужество, мудрость Человека, нравственную высоту героя наших дней.

А. СМЕРНОВ

Мастера
советского
кино

Сергей
Герасимов

— Почему на Марс? — с еще большим удивлением спросил Петр Василия.

— Представляешь, на сколько тысяч лет раньше человек посетил бы Марс! Может быть, он успел бы еще застать там существовавшую цивилизацию или по крайней мере представителей «арс сапиенс», — продолжал шутить Василий.

— Стоп! — сказал я. — Человек идет в космос за пространством и временем! — Я помню, что именно так я ответил Фредерику Полу. А сейчас ребята сами пришли к этому выводу.

— Почему за пространством и временем? — спросил Петр Климух.

— Потому что вы в своих рассуждениях во всех случаях использовали именно эти две категории: пространство и время, — ответил я.

— За пространством — понятно. Ну, а что значит «за временем»? — улыбаясь, спросил Олег Макаров, он-то все уже понял и давно для себя сделал вывод.

— Помнишь, Петр, Василий тебя спросил: «А что такое будущее человека?» Так вот, Вася, — повернулся я к Василию. — Будущее человека — это власть над временем! Это те самые «тридцать земель», которые были известны Гомеру, которые пришли к нам в детстве из сказки, которые всегда с нами, которые зовут нас всегда, которые будут вечно звать других! Это будущее в прошлом! Это прошлое в будущем! Это настоящее, оно включает в себя прошедшее и грядущее!

Андрян и Олег, улыбаясь, переглянулись.

— Чего шумишь? — заметил с улыбкой и Василий. — Поспокойней! Людей разбудишь! Басок-то — ого-го-го!

— Заря-то какая! — задумчиво сказал Петр Климух.

Все стояли как замороженные. Замороженные силой природы. Красотой нашей Земли.

Я не мог остановиться и продолжал, хотя все смотрели на зарю:

— Древние философы столкнулись с неразрешимым, казалось бы, парадоксом: прошедшего уже нет.

— Например, ночи... — вставил Андрян.

— ...Будущее еще не существует, — продолжал я.

— Например, день... — добавил Петр, перефразировав поговорку. — Будет день, будет счастье!

— ...Стало быть, граница между ними фактически отсутствует. Где же место настоящему? — спросил я всех.

— Заря! — хором ответили все.

— Действительно, противоречие может быть разрешено, если в настоящее включить отрезки прошлого и будущего, — завершил я.

— Заря! — мы громко хором крикнули еще раз.

— Но она включает прошедшую ночь — вон последняя звездочка гаснет — и грядущий день, а вот и первый луч Солнца.

— А каковы пропорции прошлого и будущего в настоящем — это в любом деле зависит от человека! Я твердо в этом убежден! — сделал вывод за всех Андрян. Он еще раз посмотрел на восходящее Солнце, запрокинул голову в небо, как бы отыскивая там след наших ребят, и сказал задумчиво: — Они уже спят... И нам пора... По перевернутому графику.

— Нет в мире абсолютной истины, говорили древние философы, но к ней нужно стремиться, — сказал Олег Макаров.

— И... за тридцать земель! — добавил Василий Лазарев.

— Нет в мире абсолютной истины, кроме жизни! — сделал по-своему вывод Андрян.

— Солнышко! Сол-ныш-ко-о-о! — задорно, по-мальчишески крикнул Петя Климух.

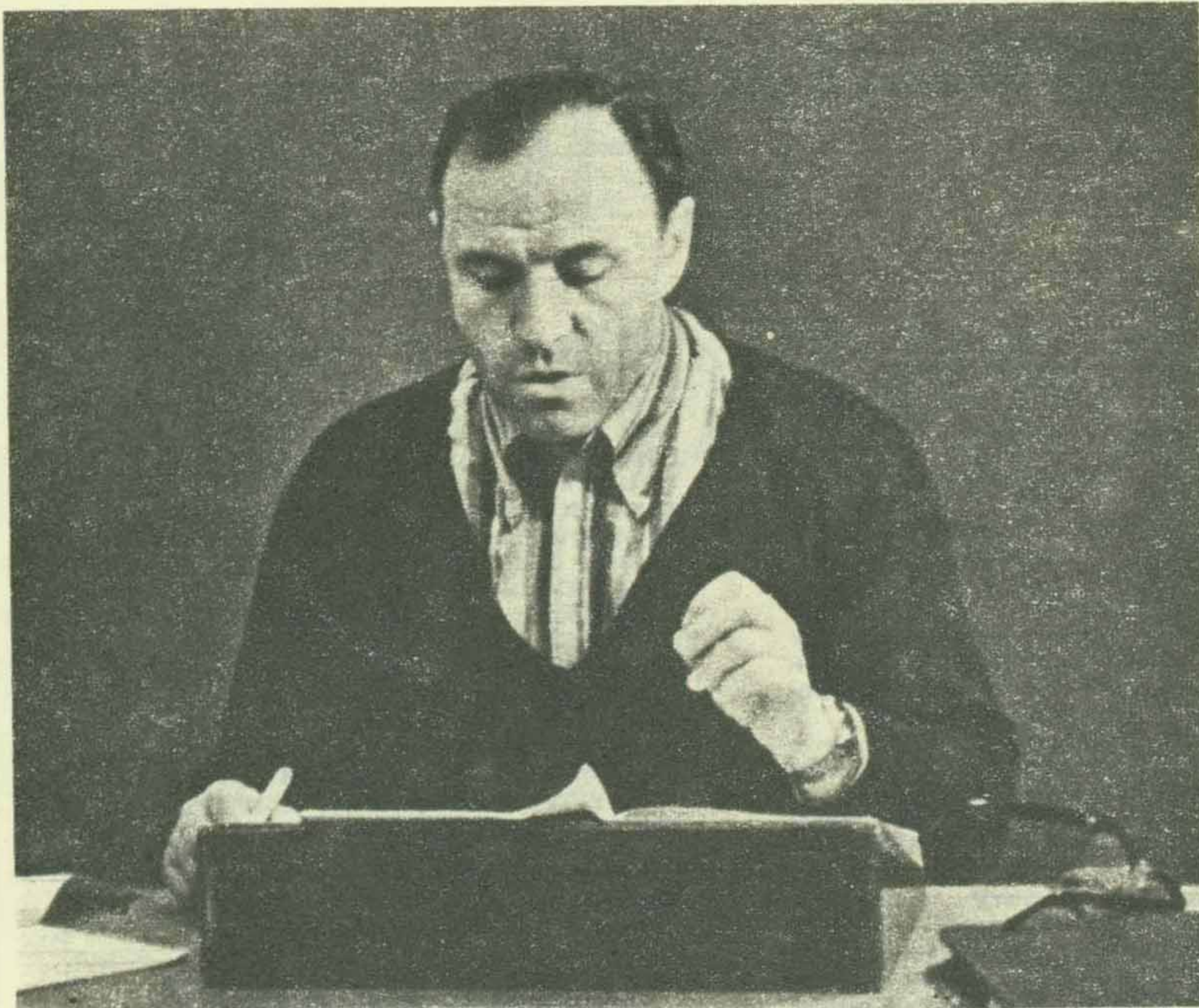
— Будет день!

— Виталий, так зачем ты полетел в космос? — спрашивает со своей мягкой, доброй улыбкой Андрян.

— За своей «бегущей по волнам»!

— Нашел?

— Нашел!

М. А. Ульянов в студии Всесоюзного радио.
Звучат страницы романа Михаила Шолохова «Тихий Дон».
Фото Г. Андреева.

В ежедневной почте Всесоюзного радио почти всегда оказывается письмо, а то и несколько с просьбой передать что-либо из книг Михаила Александровича Шолохова. Иногда конкретно: главы из «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Они сражались за Родину», рассказы.

В фондах радио хранятся записи многих произведений М. А. Шолохова в исполнении выдающихся мастеров актерского искусства Д. Орлова, С. Лукьянова, Б. Бабочкина, И. Ильинского и других. К 70-летию выдающегося советского писателя Главная редакция литературно-драматического вещания подготовила новый цикл «Литературных чтений» по страницам первой книги романа «Тихий Дон».

Двенадцать передач — шесть часов звучания — шолоховские страницы читает народный артист СССР Михаил Ульянов. Режиссер Борис Дубинин, музыкальный редактор Маргарита Браславская включили в передачу музыку Дмитрия Шостаковича и народные казачьи песни, которые исполняет фольклорный ансамбль Союза композиторов РСФСР под руководством Дмитрия Покровского.

В течение двух недель ежедневно звучало в эфире шолоховское слово...

Много лет назад написан роман «Тихий Дон». Но произведение не стареет, наоборот, оно обретает все большую популярность. И об этом свидетельствуют отклики на передачу по страницам романа, пришедшие на радио. Сотни и сотни писем...

Вот строки из них.

Все началось с того, что сели обедать и услышали песню про Дон. Первая поднялась из-за стола бабушка (ей 80 лет). За ней мама. Включили радио «на полную катушку». С того дня и начался у нас «Тихий Дон».

В эти дни для моих старушек, кажется, все изменилось. Надо успеть приготовить обед до «Дона». Соседки говорят: «Нет, уж ты меня, соседка, извини, я не пойду за хлебом, сейчас мне надо слушать «Дон».

Бабушки мои не очень грамотные, поэтому читать им не прихо-

дилось. И вот М. Ульянов вошел к ним с шолоховскими героями прямо в душу. И как только кончилась последняя передача, бабушки и шагу мне не дали шагнуть: «Пиши, да и только, письмо в Москву, поблагодари за «Дон». И вот я сижу и пишу вам письмо от имени своих старушек.

По поручению Федосьи Егоровны и Марии Ивановны СОПОВЫХ писала их внучка Анна

Омская обл.,
Марьяновский р-н,
Москаленский з/с.

Коллектив треста «Пензасельхозмонтаж» ежедневно в дни литературных передач с огромным удовольствием слушал роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» в исполнении М. Ульянова. Очень просим по возможности продолжить передачу.

С уважением, коллектив треста
Пенза.

Мне удалось услышать по радио М. Ульянова, который читал роман М. Шолохова «Тихий Дон». Передачи слушала на одном дыхании. Радовалась и дивилась, что артист в единственном числе сыграл столько персонажей. Да как! Слушать хотелось бесконечно, но ведь не постучишь в приемник, дескать, продолжай.

Музыкальное оформление с включением казачьих песен напомнило мне детство, когда мои родители в кругу родственников и друзей распевали дружно народные песни.

К. БУЛАНЕНКО

ст. Озерки,
Алтайского края.

Главы из романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» произвели большое впечатление. Чтение выразительное, замечательное, ясно выражен характер каждого героя романа. Когда поет хор, представляешь сразу широкую степь, берега Дона, простор русской души. М. А. Шолохов замечательно описал природу Дона, характер казаков, чувствуется, что жизнь писателя близка жизни героев.

М. ВАГИНА, инженер

Томск.

Мы, сотрудники отдела согласования Одессазэнерго, с большим вниманием и удовольствием слушали передачи по первой книге романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» в исполнении изумительного артиста М. Ульянова. Эта передача транслировалась в наш обеденный перерыв, и никто из нас обедать ни разу не уходил.

Одесса.

Я даже не думала, что бывает так интересно слушать. Мне всегда казалось, что, читая сама, я смогу лучше понять и прочувствовать произведение. Но Михаил Ульянов доказал обратное. Я очень люблю книги М. А. Шолохова, много раз перечитывала «Тихий Дон». Но почувствовать силу и прелесть романа я смогла только сейчас.

Все оформление передачи очень удачное и точное — и музыка и казачьи песни.

Все это мне до боли родное и знакомое, ведь я по рождению казачка, родилась на хуторе Жутово, Волгоградской области. А дед у меня — так настоящий казак.

Говор, интонации настолько точно изображены М. Ульяновым, что мне кажется, что он сам из донских казаков.

Тамара МОРОЗ,
машинистка ВИА имени Куйбышева

Москва.

Я очень благодарна за передачи по роману М. А. Шолохова «Тихий Дон», главы которого читал М. Ульянов. Нравится и музыкальное оформление, особенно в начале песни о Тихом Доне.

Недавно я летала на самолете в Закарпатье. Был солнечный день. Мы пролетали над Доном. Я не сводила глаз с его извилистого русла, и в памяти вставали страницы «Тихого Дона».

Надежда РОТАРЬ,
работница гардинной фабрики

Моздок,
Северная Осетия.

Давным-давно, когда мне было лет 18 — 20, мой будущий муж приносил «Роман-газету», в которой печатался «Тихий Дон». Мы любили друг друга. Он старался читать как можно выразительнее...

Теперь мне 70 лет. И вновь я слушаю это произведение. И с каким интересом! Конечно, между этими двумя чтениями я и сама читала роман. Но вот так образно, объемно, осязательно я еще никогда не воспринимала эту книгу. Разумеется, литературное произведение осталось прежним. Но исполнение! Какое мастерство! Как талантливо артист М. Ульянов перевоплощается то в одного героя, то в другого. Передо мною встала целая галерея живых людей.

Как тонко и глубоко знает М. А. Шолохов и быт и традиции донского казачества! Поражаешься правде мелочей, из которых тнался прекрасный узор этой замечательной эпопеи. Отдавая должное таланту М. А. Шолохова, я низко кланяюсь и таланту артиста М. А. Ульянова.

В. СУХОВА,
пенсионерка

Москва.

С большим удовольствием слушали в обеденный перерыв передачи по роману М. Шолохова «Тихий Дон», который читал М. Ульянов. Спасибо.

Коллектив Ставропольской
экспедиции по защите
хлебопродуктов

Ставрополь.

Дважды читал роман М. Шолохова «Тихий Дон», смотрел кино и тем не менее слушал по радио, нельзя даже сказать с интересом, — «взахлеб». По-новому воспринимал и чувствовал характеры, обстановку, природу, открылась глубокая выразительность местного наречия, многое из чего прежде прошло незамеченным. Воображение рисовало внешность по кинокартине, но психологическое восприятие было сильнее.

М. Ульянов читал, я же видел все до мелочей, до морщин и слез

СЛУШАЮТ «ТИХИ

Аксиньи, до запаха земли, до цвета реки и неба. Музыка и песни очень органично вошли в повествование.

Многократное спасибо М. А. Шолохову и М. А. Ульянову.

Ю. ФИЛИН, инженер-строитель
Рязань.

Мы прослушали все передачи по страницам романа М. Шолохова «Тихий Дон» с огромным интересом. Это не просто чтение, это целый спектакль. Мы забывали, что все читает один актер, настолько образно, ярко и талантливо сделал его народный артист СССР М. Ульянов.

Семья КАРПОВЫХ
Таллин.

Слушали страницы романа «Тихий Дон» и вместе с его героями переживали их радость и горе, словно живые вставали они перед нами. Ни на минуту не оставались сторонними слушателями, казалось, мы тоже были действующими лицами романа М. А. Шолохова.

От всего сердца большое спасибо за духовное обогащение.

Л. ТРОШИНА,
инженер телевизионного завода,
Е. СИРОТА, мастер
Симферополь.

Я несколько раз читала роман М. Шолохова «Тихий Дон», и когда слушала страницы романа в исполнении М. Ульянова, мне казалось, что я встречаюсь со своими старыми, хорошими друзьями.

Гюльнара РАДЖКОВА,
аппаратчица
Казань.

Я не открою секрета, если скажу, что роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» — это удивительное произведение, бесценный шедевр мировой литературы.

Читала я все четыре книги, три раза смотрела все три серии кино (если не считать тот фильм в школьные довоенные годы). И все же я специально попросила у начальства перенести обеденный перерыв с 12 часов на 13 часов, чтобы послушать эту передачу.

Г. ПОРТЯНКИНА,
бухгалтер совхоза
Воронежская область,
п/о Лосево.

Замечательно читал артист М. Ульянов главы из романа М. Шолохова «Тихий Дон». Так ярко показал он образы героев, что у меня было чувство, что я смотрю кинокартину, а не слушаю радио. Прекрасно исполняли казачьи песни.

М. КНЯЗЕВА,
медсестра санатория
имени Орджоникидзе
Сочи.

На работе в обеденный перерыв, наскоро перекусив, садились к приемнику. Исполнение М. Ульянова буквально покорило.

Мы, слушатели и страстные почитатели таланта М. Шолохова, очень благодарны, что нам дали возможность послушать такую передачу. Я пишу от имени своей семьи, многих знакомых и коллег по работе.

М. ЛИНОВИЦКАЯ,
научный сотрудник Дравовской
опытной станции полеводства
Черкасская обл.

Прошу прочесть это письмо до конца. Пущено оно с древнего хутора, в котором 7 дворов. Жители этого хутора без особых профессий, все время занимались хлебопашеством.

До коллективизации сеяли единолично, все были неграмотные. Знали свой участок земли, пахали, сеяли, убрали, молотили. Была одна забота — чтоб град не побил посевы, чтоб ливень не смел урожаи. Справляли свадьбы, крестили детей и вечером перед сном молились богу. В праздничные дни говорили про погоду, про лошадей, про детей, говорили сказки, играли в карты... Так жили...

Пришла Советская власть, все прошлое отпало. Стали дети учиться. Разъехались по всему Советскому Союзу. Стали дети учителями, инженерами, зоотехниками...

Появилось радио, стали смотреть телевизор. Теперь все пенсионеры, живем дружно.

И вот нынче по радио читали произведение М. Шолохова «Тихий Дон». Заранее собирались все в одну хату, садились за стол, посреди стола ставили радио. Сперва прозвучит казачья песня про «Тихий Дон», потом читают. Слушаем и понемножку начинаем ронять слезы, сперва старухи, потом и старики начинают вытирать глаза. Прошу вас включить еще «Тихий Дон» по радио. Спасибо тому человеку за чтение. Как хорошо читает! И сообщить на наш хутор письменно, когда начнется это чтение. У нас теперь погода весенняя. На работе и стар и мал. Но на чтение этого произведения все отставим и будем слушать.

Д. К. ЛЕБЕД
п/о Полянка, Арбузинский р-н,
Николаевской обл.

БИБЛИОТЕКА

№ 1 1975

Анатолий КАЛИНИН

ЦЫГАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

БИБЛИОТЕКА

№ 3 1975

Цезарь СОЛОДАРЬ

БЫВШИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА

№ 5 1975

Василь БЫКОВ

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

(ОКОНЧАНИЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА

№ 6 1975

УЙГУН

ПОЕДИНОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

НОВЫЕ КНИГИ

«БИБЛИОТЕКИ «ОГОНЕК»

В первых двух выпусках за 1975 год напечатано продолжение выходившей ранее в «Библиотеке «Огонек» повести Анатолия Калинина «Цыган» — ее четвертая часть. Читателей ждет встреча с хорошо запомнившимися героями, колхозниками придонского хутора — Клавдией Пухляковой, председателем Тимофеем Ильичом, «идейным цыганом» Будулаем, со старыми друзьями и однопольчанами Будулаем, в гостях у которых успел тот побывать, прежде чем так драматически окончилась его поездка к своим собратьям.

«Бывшие» («Библиотека «Огонек» № 3) — так называются документальные записи Цезаря Солодаря о судьбах бывших советских граждан в Израиле. Книга заканчивается словами одного из таких обманутых: «Люди, не повторяйте нашей страшной ошибки, она может оказаться неисправимой! Люди, стать бывшим гражданином Советской Родины — это хуже смерти!»

В четвертой и пятой книжках опубликована повесть Василия Быкова «Волчья стая». Ее автор, известный белорусский писатель, лауреат Государственной премии СССР, рассказывая всего о нескольких военных сутках, заставляет проникнуться мужеством и высокой ответственностью советского человека, не дрогнувшего перед лицом смертельного испытания.

Сборник большого мастера узбекской советской поэзии Уйгуна («Библиотека «Огонек» № 6) включает и лирические миниатюры, и наполненное мощным ораторским звучанием стихотворение «Поединок», повествующее о споре людей с гибельной стихией, и отрывок из новой драматической поэмы «Абу Райхан Беруни».

Только что в «Библиотеке «Огонек» вышла книжка рассказов украинского прозаика Александра Ковальчука «Но помнит мир спасенный...». Бывший войсковой разведчик повествует о подвигах фронтовых товарищей.

В ближайших выпусках читатели найдут стихи Алексея Маркова и Александра Межирова, Фазу Алиевой и Марка Лисянского, рассказы Алексея Романова, Григола Чиковани, Юрия Нагибина, статьи Константина Приимы и Бориса Леонова.

И ДОН»

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ЗЕРН

Одному из зачинателей советской русской поэзии, Всеволоду Александровичу Рождественскому 10 апреля исполнилось 80 лет.

Более полувека назад появились его первые книги стихов: «Лето», «Золотое веретено», «Большая Медведица». И теперь трудно представить русскую поэзию без тонких лирических строк Всеволода Рождественского. Много сделал поэт и в области перевода поэзии братских республик, а также зарубежных стран.

Он был первым переводчиком стихов классика казахской литературы Абая, много переводил армянских, грузинских, украинских, белорусских поэтов, а также поэтов Эстонии, Латвии. Широко известны его переводы из Мольера, Беранже, Гюго, Верхарна, Т. Готье, Шиллера, Гете.

Публикуя стихи Всеволода Александровича Рождественского, журнал «Огонек» от души поздравляет поэта с юбилеем.

● Пролетев Московские ворота
Шириной проспекта до конца,
Ты увидишь ровные — без счета —
Новостройки, белые с лица.

Все они светлы, многоэтажны,
В козырьках балконов навесных,
В блеске окон и газонов влажных,
В поясе листочков молодых.

Добрые строительные руки
Возводили эти корпуса,
Кранами, по правилам науки,
Поднимая груз под небеса.

Рыли в грунте мирную траншею,
Вспарывали поле жухлых трав,
И ходил, вытягивая шею,
Над каркасом стен стальной жираф.

Словно строфы городской баллады,
Детища бетона и стекла
Собирались в стройные отряды
Для людского света и тепла.

Не зови их кубами простыми
Без особых видимых примет, —
Старый город породнился с ними,
Словно с внуком неразлучный дед.

● С трудом дышала черная Нева,
Вслепую бились лодки у причала,
И где-то заливало Острова,
И вновь вода в каналах набухала.

Шло наступленье старого врага —
Ветрами взбудораженного Взморья, —
На отмели, затоны, берега
Гоня валов седое крутогорье.

Перехватило горло у Невы,
Она, крутясь, сопротивлялась яро,
Выкапывала ямины и рвы,
Переплеснув линейку ординара.

А где-то, на каком-то этаже,
Под грозное стихии завыванье
Ложились линии на чертеже
Прообразом отважного дерзанья.

Ветров и волн бушующий порыв
Поймав надежно в крепкие тенета,

Уже дугой пересекала залив
Крутая дамба точного расчета.

Растет осуществленная мечта
И с ватмана уже сойти готова,
Как взятая навечно высота,
Как ставшее живою плотью слово.

Каких чудес не видел Ленинград!
Еще одно вплетается в их звенья,
Его уже заранее творят
Властители труда и вдохновенья.

● Покрыла город солнечная пряжа
Предвесенней мгlistой синевы,
Страхнули сон атланты Эрмитажа
И улыбнулись каменные львы.

Горит Исаакий шлемом золотистым
В глазури свежеемытых высот,
А на Неве, в ее просторе чистом,
Вот-вот уже начнется ледоход.

Здесь, над седым гранитным парпетом
Иль на ступеньках возле кромки льда
Любой прохожий может стать поэтом,
Влюбленным в этот город навсегда.

Остановись над белизной туманной,
Готовую проснуться каждый миг,
Прислушайся к минуте долгожданной,
Пока невнятный шорох не возник.

Пока еще не тронулась, ломая
Зигзаги трещин, сонная Нева,
Уже неудержимо молодая
И каждый год торжественно нова.

Она широко — не окинешь взглядом! —
На взморье двинет порванные льды,
И весь мой город, выстроен парадом,
Сам проплывет вдоль голубой воды.

ПОЧТОВАЯ МАРКА

Почтовая марка! Ты «знаком оплаты»
Зовешься в реестре почтовых таблиц,
Но как не завидовать доле крылатой,
Не знающей вовсе преград и границ!

В трудах повседневных стремительной
службы
И жребий тебе вдохновляющий дан:

Быть вестницей жизни, посланницей дружбы
И мирной подругой народов и стран.

Живут эти краски пестро и лучисто,
Когда, вынося из потемок на свет,
Под зоркою лупою филателиста
Берет тебя бережно тонкий пинцет.

И вот протянулись незримые нити,
Весь мир на рисунках твоих отражен
В калейдоскопе высоких событий
Всем памятных дат и бессмертных имен.

В полете с тобой не сравнятся и птицы,
И старцы и дети в тебя влюблены,
Когда на них смотрит с альбомной страницы
Визитная карточка нашей страны.

● Чья душа не воскреснет, встретясь
с русскою песней,
Чтоб лететь повсеместней, всех других
поднебесней

И сердца задевая крылом,
Над березой дрожащей, над примолкнувшей
чащей

Литься речкой журчащей, полем ржи
шелестящей

И рассыпавшим трель соловьем.
С давним счастьем и горем над родным
лукоморьем,
Над холмами и морем, вслед закатам
и зорям

Ей и в солнце, и в грохоте гроз,
И широкой, и долгой быть души нашей
Волгой,

И в любом новоселье рассыпать ожерелье
Скатным жемчугом счастья и слез!
Сразу сердце забьется и в груди

встрепенется,
Если вдоволь напьется из родного колодца
Чистой влаги любви и добра.

Пусть живет на раздолье, колосится,
как поле,
Песня в дружном застолье, наша вольная
воля,

Русской шири родная сестра!

● Жаль, мечты не сбываются скоро.
Мне бы лесом пройти, не спеша,
Отыскать бы такие озера,
Где смогла б отразиться душа.

Надышаться бы запахом прели
И прохладой оврагов грибных,
Где бы сойки и пеночки пели
И учился я песням у них!

Чтоб от мала и до велика
Каждый листик мне на душу лег,
А на низеньких кочках брусника
Поразвесила грозди серег.

И не так уж просил бы я много
У того, что зовется судьбой:

А Ж И З Н И

Задержаться на миг у порога,
Подивиться хвостике любой.

И, уже опуская завесу,
Ту, которою мир отделен,
Лесу, этому русскому лесу,
Низко, низко кладу я поклон.

В снегу веранда. На промерзший стол
Клевать зерно слетаются синички.
Какая суета и произвол!
Внаскок подпрыгивают ножки-спички.

И вот не наглядеться мне никак
На суету их, толкотню и споры.
Как радуется и сущий нас пустяк,
Едва раздвинешь утренние шторы!

Боюсь и двинуться, чтоб непутем
Их не вспугнуть, как воробей-задира,
И жаль, что отгорожен я стеклом
От птичьего ликующего пира.

Их охраняет от меня испуг,
Доверие я им внушу едва ли...
А я хотел бы, чтоб они из рук,
С моей ладони, этот хлеб клевали.

Зачем же не дано нам понимать
Друг друга без тревог и без усилья?
Быть может, на заре времен — как знать? —
И нам даны когда-то были крылья...

Не так далеко до восхода,
Тумана развеялась прядь...
Какая на сердце погода,
Никак не могу я понять,

А снилась степная дорога,
Лиловые горы вдаль
И легкого лунного рога
Осколок в небесной пыли.

И было немного тревожно
Идти неизвестно куда,
Но конь мой ступал осторожно,
А рядом журчала вода...

И как непохоже все это
На комнату с низким окном,
На крыши, на проблески света
В пейзаже моем городском.

Но все же по-прежнему тянет
Ступить хоть во сне за порог,
В простор потонувших в тумане,
Зовущих все дальше дорог.

Дождь я этого мига...
Один я здесь в лодке ночной.
Раскрытая звездная книга
Вверху и внизу подо мной.

К щеке прикоснулась лениво
Полночной прохлады струя,
И лунная скатерть залива
Как рыба блестит чешуя.

Зачем и напрасно и поздно
Мне этот привиделся сон,
Когда так широко и звездно
Весь мир подо мной отражен?

Неслышно колыхнется лодка,
А ночь бесконечно светла,
И падают мерно и четко
Сверкнувшие капли с весла.

В этот час, сырой и мрачный,
В сумрак ночи уходя,
Грустно в комнате чердачной
Засыпать под шум дождя.

Пробивая полог хмури,
Как всегда, нетороплив,
Он по всей клавиатуре
Свой выстукивал мотив.

И в пространстве сероватом,
Где окна не различишь,
Все журча, стекал по скатам
Черепичных старых крыш.

Только кто бы мог на ноты
Положить его рассказ?
У него свои заботы,
И ему уж не до нас.

Надо каждый стебель пашни
Чистой влагой напоить,
Чтобы к солнцу все бесстрашней
Бытия тянулась нить.

Терпеливо и упорно,
В водяной топчась пыли,
Рассыпает жизни зерна
Добрый сеятель земли.

ИЗ ФРОНТОВЫХ СТИХОВ

Ирине

Ко мне пришло письмо по почте полевой
В заснеженный блиндаж с далекого Урала.
Уже немало дней ношу его с собой
И помню наизусть все то, что ты сказала.

Так ясно вижу я: ты пишешь, за окном
Синеют сумерки, потрескивает печка,
А дочка на письме косою рисует дом
И рядом с ним, в саду, смешного человечка.

Но тут зенитки бьют о темень высоты,
Как спички, чиркают ракеты боевые.
Быть может, завтра бой (и рядом будешь ты)
За солнце Родины, за песни, нам родные.

Могу ли я забыть, здесь, на груди, храня
Десяток строк твоих в истрепанном конверте,

Что в роковые дни учила ты меня,
Как Родину любить и не бояться смерти.

Когда в прекрасный час врага мы разобьем
И славные дела войдут в легенды, в были,
Я с гордостью скажу, что мы всегда вдвоем
Шли в самый жаркий бой и вместе

победили.

1943.

БАЛТИЕЦ

Крест-накрест лентой пулеметной
Опутав грудь,
Вступил моряк в отряд пехотный
На славный путь.
Глядят зрачки его стальные
Всегда вперед.
Над ними буквы золотые:
«Балтийский флот».
Как шли под Пулковом к победам
Отец и брат,
Так встал и он — за ними следом —
За Ленинград.
И чтобы враг не мог проклятый
Вступить в наш дом,
Он бьет где пулей, где гранатой,
А где — штыком.
Он тверд, настойчив и бесстрашен,
Его рука
Шлет на врага огонь из башен
Броневики.
Его учили дни и ночи
За честь стоять
Отец — путиловский рабочий,
Ткачиха-мать.
И штык его — врагу преграда,
А пуля — месть.
Таких сынов у Ленинграда
Немало есть...

1943.

ДЕВУШКИ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Над дымкою садов светло-зеленых,
Над улицей, струящей смутный гам,
В замазанных простых комбинезонах
Они легко восходят по лесам.

И там, на высоте шестизэтажной,
Где жгут лицо июльские лучи,
Качаясь в «люльке» весело и важно,
Фасады красят, ставят кирпичи.

И молодеют черные руины,
Из пепла юный город восстает
В воскресшем блеске, в строгости старинной
И новой славе у морских ворот.

О юные обветренные лица,
Веснушки и проворная рука!
В легендах будут солнцем золотиться
Ваш легкий волос, взгляд из-под платка.

И новая возникнет «Илиада» —
Высоких песен нерушимый строй —
О светлой молодости Ленинграда,
От смерти отстоявшей город свой.

ТЕПЛО СОЛДАТСКИХ РУКОПОЖАТИЙ

«В НАШЕЙ СТРАНЕ ХОРОШО ПОМНЯТ, КАК СОВЕТСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ СОЛДАТЫ РАДОСТНО ВСТРЕТИЛИСЬ НА ЭЛЬБЕ В ЧАС ПОБЕДЫ НАД ГИТЛЕРИЗМОМ».

(Из выступления Л. И. БРЕЖНЕВА по американскому телевидению.)

Встреча на Эльбе.

Фото Г. Хомзора.

В апреле 1945 года части Советской Армии, прорвав оборону противника, устремились в глубину фашистской Германии к Эльбе. Среди них был и 1-й мотострелковый батальон 67-й механизированной бригады. Командовал батальоном майор Владимир Ильченко. Он воевал с сорок первого года, трижды был ранен, за мужество и отвагу награжден орденами и медалями.

Батальон двигался осторожно. Когда за поворотом дороги, в белой пене цветущих садов, показался город Грабов, Ильченко остановил батальон — хотел дожидаться возвращения разведчиков. И вдруг видит — разведчики бегут обратно, не маскируясь, в полный рост, машут руками и что-то кричат. Но раньше разведчиков к комбату примчалась санитарка Шура Добровольская и взволнованно доложила:

— В городе американцы!

В «Истории Великой Отечественной войны» написано: «Встреча на Эльбе была встречей двух дружественных армий, боровшихся плечом к плечу против общего врага — фашистской Германии». О встрече с союзниками 1-го мотострелкового батальона в городе Грабов вспоминают его бывший командир, ныне полковник в отставке Владимир Гаврилович Ильченко и его жена санинструктор батальона Александра Федоровна Добровольская.

— Официальная встреча с союзниками проходила очень торжественно, — рассказывает Владимир Гаврилович. — Развева-

лись государственные флаги СССР, США и Англии. Генералы выступали с речами и обменивались боевыми знаменами. У нас же, конечно, все было гораздо скромнее. Узнав, что Грабов занят батальоном 101-й воздушно-десантной дивизии американской армии, мы быстро двинулись в город. Там, на площади, было полно крепких парней в голубых беретах и непривычной для нас форме. Американские солдаты бросились к нам навстречу, и шум тут поднялся великий!

Смотрю, сержант Орлов — сибиряк, косая сажень в плечах — и тоже весьма дюжий американский капрал обнимаются так, что хрустят кости, дружески хлопают по плечам. Капрал показывает на себя и называет свое имя. Орлов представляется таким же образом, и оба радостно смеются. Орлов поднимает вверх большой палец, что у нас, как известно, означает «отлично». Капрал же складывает вместе большой и указательный пальцы буквой «О», что у американцев соответствует «О'кей!». В общем, понятно без перевода.

Один американский солдат немного говорил по-русски: бабушка у него была не то из Ярославля, не то из Костромы. Он рассказал, как их воздушно-десантный батальон на планерах высадился в Нормандии и как они рады встрече с русскими. Потом попросил на память у Героя Советского Союза Ивана Зыбина пилотку, а на него надел свой голубой берет. К концу дня почти весь наш батальон уже щеголял в беретах аме-

риканских десантников, а они — в наших пилотках.

Обмен сувенирами продолжался. Ими становились различные солдатские вещи: зажигалки, сделанные из винтовочных гильз, самодельные портсигары, кисеты, мундштуки... Пошли по кругу походные фляжки, содержание которых оказалось отнюдь не равнозначным: кому-то из наших под общий хохот приходилось хлебнуть американского кофе, а их десантнику перепадал изрядный глоток русской водки. Но никто не был в обиде. Всякий раз поднимался большой палец или следовал американский жест «О'кей!». А рукопожатия при этом были такие крепкие, что пальцы слипались.

Воздушно-десантным батальоном командовал майор Том Карриган. Помнится, он говорил, что родом из Бостона. Невысокий, мускулистый, упругий, как мячик. Кажется, упали он на пол — и подпрыгнет до потолка. И мы с ним обнимались, угощали друг друга табачком, пробовали содержание наших фляжек, а объяснялись с помощью переводчика.

Карриган восхищался стойкостью, мужеством советских солдат и офицеров, говорил о дружбе наших народов, скрепленной кровью, пролитой в этой войне, о дружбе, которая должна сохраниться и в мирное время, исключить возможность возникновения новой мировой войны. Он рассказал, что уже несколько дней их радисты слышали переговоры наших полевых радиостанций и с нетерпением ждали встречи. Воздушно-десантный батальон питает к русским особенно дружеские чувства. Ведь он дрался в Арденнах. Там две немецких танковых армии и 6-я армия «СС» неожиданно перешли в наступление и прорвали фронт союзников. Сто первую воздушно-десантную дивизию из резерва срочно бросили в бой. Десантники устояли, а соседние части отступили, и дивизия сражалась в окружении. Особенно тяжело пришлось батальону Карригана: не хватало боеприпасов, а авиация из-за погоды не могла оказать поддержки. Выручило наступление Красной Армии на Восточном фронте. Немцам пришлось перебросить туда несколько лучших дивизий. «Тогда мы собрались с силами, начали наступать и вот в центре Германии встретились с вами», — закончил свой рассказ Карриган.

Владимир Гаврилович достал из письменного стола маленькую деревянную фигурку.

— Это его подарок, сказал, что амулет индейцев. Приносил счастье на войне Карригану и его десантникам. В общем, отличный талисман. У меня талисмана не было, и я поднес ему свою трубку. Она со мной была с начала войны и, пожалуй, тоже приносила счастье.

— Расскажи, как мы принимали союзников в нашем батальоне, — напоминает мужу Александра Федоровна.

— Какой уж там «прием» в батальонном масштабе, — улыбается Владимир Гаврилович. — Просто вечером в наше расположение приехал Карриган со своими офицерами и солдатами. По этому случаю батальонные повара постарались отменно: закуски были — первый сорт! Пели под баян песни. Сначала мы, потом они, а потом хором. Плясали. Наши — русского, гопак, лезгинку: в батальоне служили солдаты разных национальностей. А гости — ковбойский танец, а один из американцев русского сплясал не хуже наших. Пили за победу, за дружбу. А на другой день офицеры и солдаты нашего батальона отправились в гости к американским десантникам. Так сказать, с ответным визитом.

Прошли годы. Войны холодные и горячие бушевали над планетой, порождая вражду и недоверие. Но тепло наших давних солдатских рукопожатий сохранилось. Дух Эльбы, стремление к мирному сосуществованию живут не только в нашем, но и в американском народе. Свидетельством тому историческая встреча Леонида Ильича Брежнева с американским президентом Фордом во Владивостоке.

А. ГОЛИКОВ

В. Дмитриевский. Род. 1923. В РОДНЫХ МЕСТАХ. 1957.

Н. Соломин. Род. 1940. ЛЕТЧИК. 1970.

УЗБЕКИСТАН ЦВЕТУЩИЙ МОЙ

Айбек... Достаточно назвать имя этого замечательного узбекского писателя, как в памяти возникает целая галерея его созданий.

Стихи первого сборника Айбека «Чувства», вышедшего в 1926 году, — это многоликая песня о советской нови родной земли. Затем появились новые книги — «Струны сердца», «Факел». Айбек-поэт вместе с Хамидом Алимджаном, Гафуром Гулямом, Камилем Яшеном, Зульфией, Уйгуном продолжал возводить здание узбекской советской литературы, заложенное пламенным Хамзой Хаким-заде Ниязи.

О чем бы ни писал Айбек в те годы — о комсомоле или овладении наукой, о пятилетнем плане или женщине-кондукторе, — он всегда щедро брал краски из радужной палитры солнца, озарившего родимый край и души людей. Величие и свет настоящего особенно были наглядны в сравнении с недавним прошлым, черным, как паранджа. И поэт рисует убедительные своей контрастностью картины былого и современного в жизни узбекского народа. Он пишет широкие поэтические полотна «Дильбар — дочь эпохи», «Месть», «Бахтигуль и Сагындык», «Кузнец Джура». Дильбар, героиня одной из этих поэм, олицетворяла величие «худжума» — массового движения за освобождение женщин-мусульманок.

В конце тридцатых годов Айбек обращается к прозе. Его историко-революционный роман «Священная кровь» — крупный вклад в узбекскую литературу. В запоминающемся образе батрака Юлчи художник вопло-

тил горести и надежды своих земляков, выплеснувшиеся грозными валами революции в октябре семнадцатого года.

Феодал Мирзакаримбай для Юлчи, несмотря на их кровное родство, — коварный и беспощадный враг. Он живет трудом Юлчи, он унижает его человеческое достоинство, он вконец разрушает его человеческое счастье, забирая в жены Гульнар.

Настоящим другом узбека-батрака становится русский человек — большевик Петров. Кровь Юлчи и многих подобных ему бедняков священна, так как пролита она за народное счастье.

В годы Великой Отечественной войны появился широко известный роман Айбека «Навои», ярко повествующий о жизни великого узбекского поэта. А вскоре были опубликованы главы романа Айбека о войне — «Солнце не померкнет». Это правдивый рассказ писателя, находившегося в действующей армии. Книга проникнута пафосом борьбы с захватчиками, в которой закалялись характеры мирных советских людей, крепла братская дружба воинов разных национальностей, в которой солнце нашей правды сожгло чумную ночь фашизма.

Социалистическая новь современного Узбекистана — главный герой послевоенного романа Айбека «Ветер золотой долины». В жизни своего народа писатель видит будущее стран зарубежного Востока. После поездки в Пакистан Айбек написал повесть с красноречивым названием «В поисках света».

В 1963 году вышла повесть Айбека «Дет-

ство», удостоенная Государственной премии УзССР имени Хамзы, а к 50-летию Великого Октября появился роман «Великий путь», в котором впечатляюще показана борьба за Советскую власть в Туркестане. Не оставлял Айбек и поэтические жанры. В последние годы жизни он работал над поэмой о Бабуре — узбекском поэте-классике.

Народный писатель Узбекистана, лауреат Государственной премии СССР, академик Айбек вел большую общественную работу как депутат Верховного Совета СССР и Узбекской ССР. В течение нескольких лет он возглавлял писательскую организацию республики.

Создателем незабываемых образов родного края, мудрым и сердечным наставником, дальновидным философом-мыслителем — таким идет в будущее писатель Айбек, хорошо известный советским читателям всех национальностей.

Вячеслав КОСТЫРЯ

УВЛЕЧЕННОСТЬ И ГЛУБИНА ЗНАНИЙ

Николай Т. Федоренко

*Японские
записи*

Дважды побывавший в Японии, видевший ее вскоре после капитуляции и в дни экономического расцвета, читающий почти все, что появляется у нас на книжном рынке об этой неповторимой стране, я могу заверить: одной из наиболее значительных по обилию материала, глубине исследования и богатству ассоциаций, по художественным достоинствам является книга Н. Т. Федоренко «Японские записи». Она вышла в шестидесятые годы, была одобрительно встречена критикой и читателем. Ее второе издание, о котором идет речь, расширено и пополнено не только новыми впечатлениями автора, еще раз побывавшего на Японских островах, но во времени максимально прибли-

Николай Т. Федоренко. Японские записи. М., «Советский писатель», 1974, 496 стр.

жено к нашим дням — показаны все сложности политической, социальной и экономической жизни страны, с которыми сейчас сталкивается Япония.

Николай Трофимович Федоренко счастливо сочетает в себе ученого-востоковеда, дипломата и писателя-публициста. Член-корреспондент Академии наук СССР, он несколько лет был послом Советского Союза в Японии. «Японские записи» — плод его многолетних дневниковых заметок, изучения исторической и современной литературы о стране, знакомства с ее народом. Все это послужило тем строительным материалом, из которого и воздвигнута богатая по мысли, своеобразная по своим стилистическим особенностям книга. Ее отличают пластичность повествования, неторопливо-углубленный показ того, о чем автор хочет рассказать читателю: людей, будь-

то ученый, артист или художник; искусства как воплощения таланта и творческого труда; характера науки или сложности политической ситуации.

Читатель узнает из «Японских записей» о своеобразной иероглифической философии и образности, раскрывающих суть каллиграфического письма, об эстетике культа цветов и чая, характерных для Японии на протяжении всей ее истории, проникнет в тайны сложнейшей профессии ловцов жемчуга, среди которых преобладают женщины, познакомится с прошлым страны и ее сегодняшней ролью в решении мировых проблем. Я здесь не перечислил и малой толики того, о чем поведал читателю ученый и писатель, недаром Н. Федоренко пишет: «...многое из пережитого на островах как бы стало частью меня самого».

Леонид КУДРЕВАТЫХ

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

1

Патриоты Южного Вьетнама одерживают новые успехи в борьбе с прогнившим режимом. Каждый день приносит сообщения о победах частей народных вооруженных сил освобождения, действующих совместно с восставшим населением. «Правительство» Тхьеу в панике. Дороги, ведущие к Сайгону, забиты отступающими в беспорядке частями южновьетнамской армии, брошенными средствами транспорта и боевой техникой.

2

Спешно покидают Пномпень члены марионеточного правительства Лон Нола. Из столицы Камбоджи эвакуируется персонал посольств и миссий, закрыто большинство иностранных представительств. В бессильной злобе продажный режим усиливает репрессии против гражданского населения Пномпеня. В чем вина этой камбоджийской женщины? Она схвачена лонноловцами по одному подозрению в содействии патриотам.

3

«Прекратить американскую помощь диктаторским режимам Тхьеу и Лон Нола!» — под такими лозунгами в Нью-Йорке состоялась демонстрация представительниц организаций американских женщин.

4

Это одна из американских баз в Таиланде. В настоящее время в этой стране сосредоточен один из самых многочисленных американских воинских контингентов за пределами Соединенных Штатов. На военных аэродромах базируется 350 самолетов. Таиландцы рассматривают американское военное присутствие как угрозу безопасности и независимости своей родины. Вывести в короткий срок все американские войска из Таиланда — таково требование общественности страны.

5

В Сомалийской Демократической Республике успешно проходит общенациональная кампания по развитию сельских районов и ликвидации неграмотности среди сельских жителей и кочевников. В кампании принимают участие более 25 тысяч преподавателей школ, учащихся старших классов.

6

На нефтехимическом комбинате компании Дайкио-Ойл в городе Йоккаити (Япония) загорелось одно из нефтехранилищ. Четыре с половиной часа потребовалось пожарным, чтобы укротить пожар, зловонный дым которого распространился на многие километры.

7

Вот так американский карикатурист изобразил современное положение потребителя в США и Западной Европе.

— Как дела? — кричит один другому. Впрочем, вопрос, видно, излишний. Ведь они висят над пропастью...

8

На этом снимке вы видите манифестацию английских торговцев... куриными яйцами. Они призывают запретить ввоз в страну продукции французских конкурентов. «Вон французские яйца из Англии!» — гласят плакаты.

Это один из эпизодов ожесточенной конкурентной борьбы между различными группировками в «Общем рынке». В Европе монополий продолжают нарастать экономические противоречия.

1

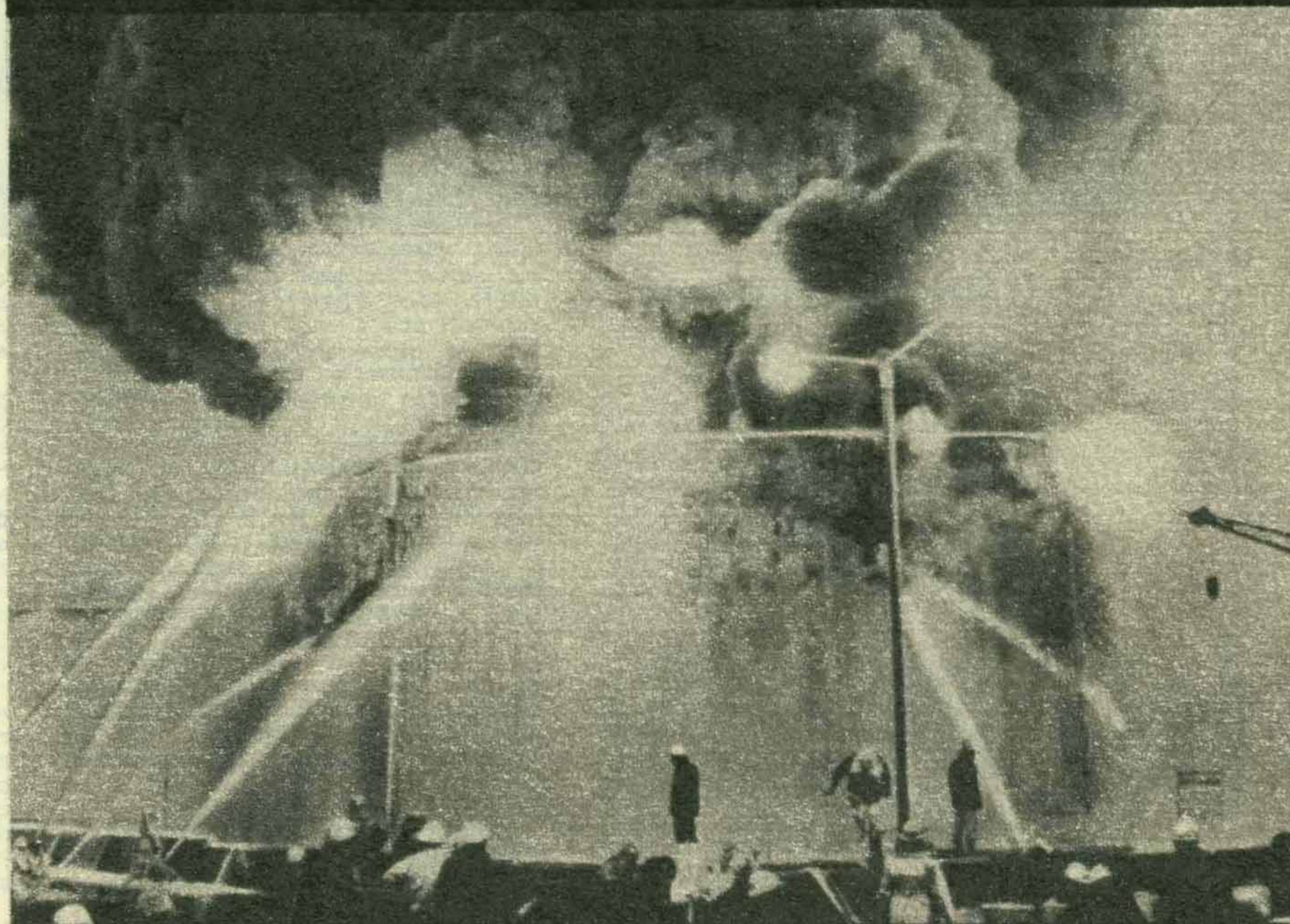

2

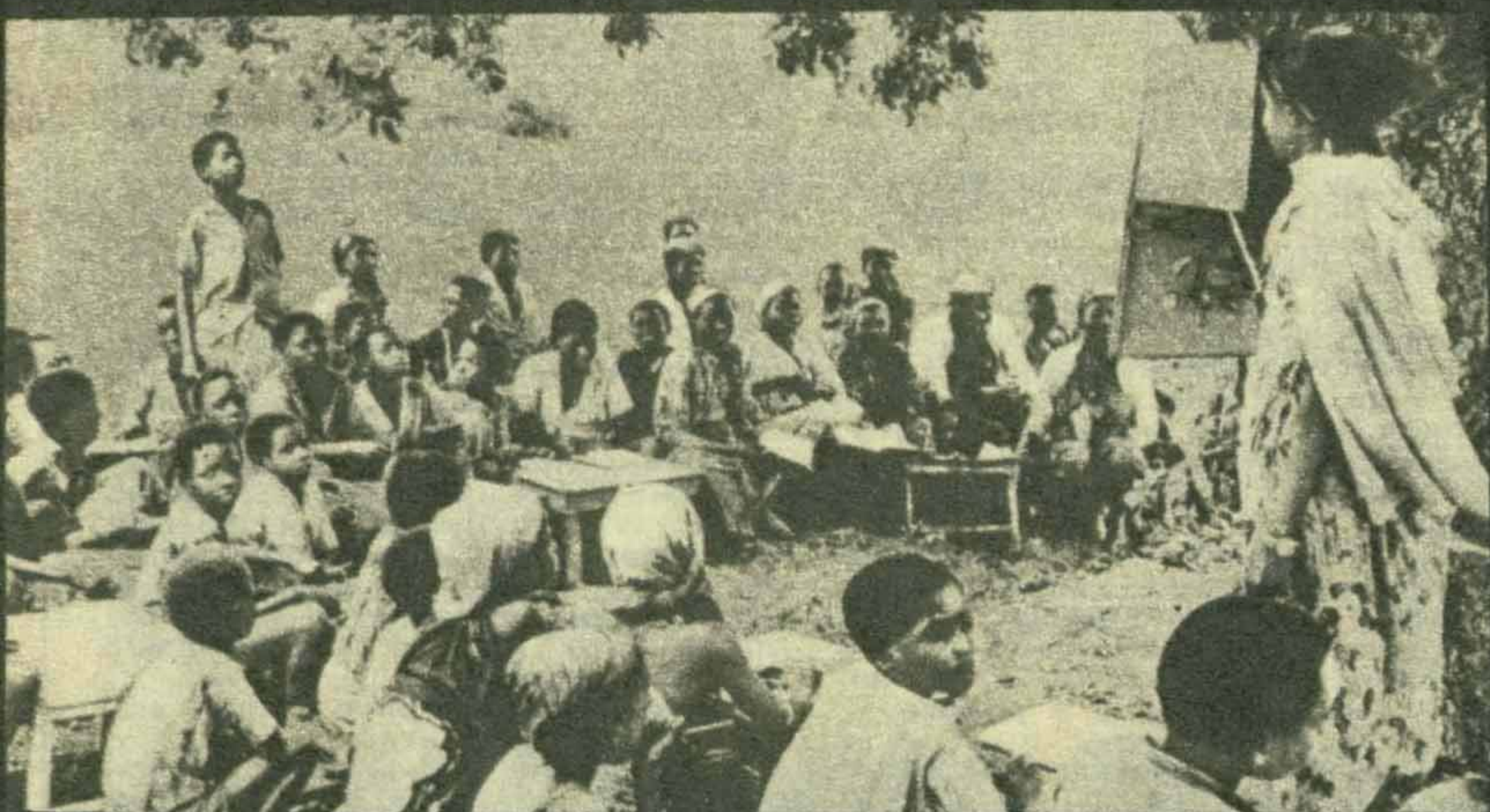
4

6

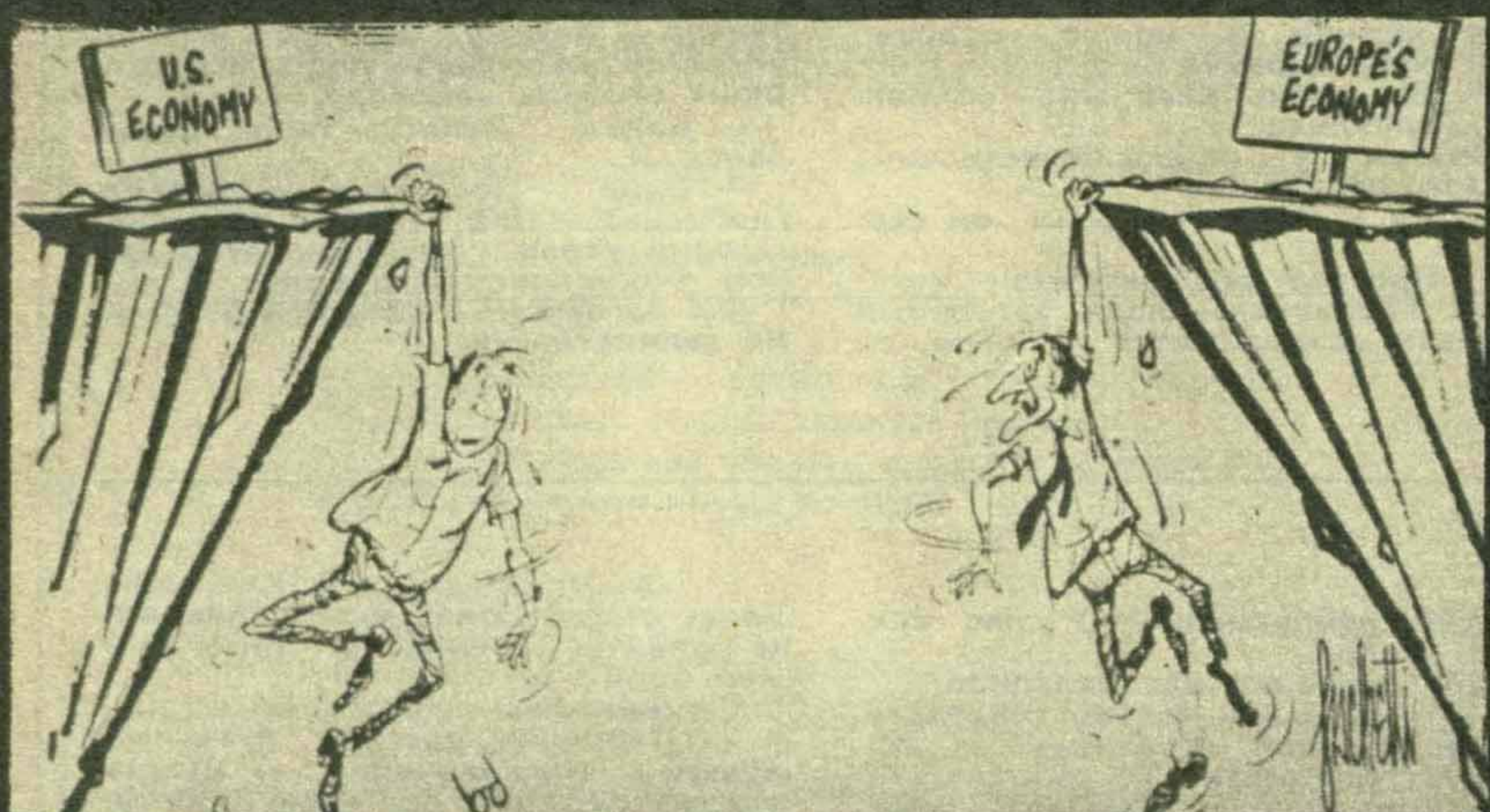

3

5

7

8

ПРИКАСАЯСЬ К СЕРДЦУ

«Друг мой, это не книга, прикасаясь к ней, ты прикасаешься к человеку», — писал Уолт Уитмен, и его слова приложимы к любой книге, по-настоящему выстраданной автором и написанной с полной отдачей таланта и сил. Не случайно слова американского поэта пришли мне на ум, когда я перечитывал недавно выпущенный в русском переводе сборник стихов Муина Бсису «Визитная карточка».

Эти стихи — поэтическая исповедь палестинца, одного из самых талантливых и популярных поэтов на всем Арабском Востоке. Муин Бсису, сын обездоленного и борющегося за свои права народа, рассказывает о трагедии, постигшей его соотечественников, без ложного пафоса, лаконично и страстно. Самозабвенная любовь к родной земле, жажда восстановления справедливости, боль и гнев, вера в солидарность людей, отстаивающих правое дело, — эти чувства облечены поэтом в сильную, живую, пульсирующую стихотворную плоть:

Слышишь рыданье
последнего из сыновей?
Сердце пронзил я
ветками пальмы твоей.
Слышишь,
больная,
забытая богом
земля?
К горлу прижал я
цветок твоего миндаля.

Рассказывая горестную правду о своем народе — мученике и изгнаннике, поэт никогда не впадает в националистический угар, в отчужденное воспевание «только своего». Он отзывывается на все беды мира — в его стихах оживает память о ленинградской блокаде, о жертвах Освенцима. Поэт говорит и о зловещих тенях фашизма, ложась на послевоенную жизнь. Он не отделяет драму собственного народа от общечеловеческой, международной борьбы за лучшую жизнь.

Поэтический голос Муина Бсису чист и прозрачен. Бсису умеет рассказывать без рисовки и позы о трудной дороге поэта, говорящего правду, о

Муин Б с и с у. Визитная карточка. М., «Наука», 1974, 88 стр.

разлуке и одиночестве, о надежде и негодовании, о том, как личная жизнь воедино сплетается с общественными бурями, о своей уверенности в том, что «станут друзьями меч революции и соловей любви».

Примечательно, что лучшие строки о любви Муин Бсису написал здесь, в Советском Союзе, где он не раз бывал гостем. В стихотворении «Песня о Самарканде» он говорит о любви как о всеобъемлющем чувстве, которое обновляет человека, дает ему силу для победы над злом.

Для наших читателей все богатство личности Муина Бсису оставалось бы наглухо закрытым, если бы не мастерство поэта Михаила Курганцева, давшего своему палестинскому собрату вторую поэтическую жизнь. Курганцев перевел книгу «Визитная карточка», написал к ней темпераментное предисловие. Ему удалось найти верные и точные интонации, передать душевную тревогу и напряженность, мужественную нежность и строгую прямоту, свойственные лирическому герою Муина Бсису.

А. НИКОЛАЕВ

у нас в гостях

«ЖИЛА-БЫЛА ЗОЯ»

Генриетта Егорова и Екатерина Еланская в редакции «Огонька».

Фото Б. Кузьмина.

Этот интересный спектакль поставила Екатерина Еланская. Музыка: гитара, труба, рояль. Реквизит: деревянный ящик, стремянка, этажерка с книгами, крохотная елка, стул, на нем

картонная коробка с елочными игрушками; вот, пожалуй, и все.

Два софита высвечивают женщину в кожаной куртке, наброшенной на плечи. Антриса Малого театра Генриетта Егорова — она и есть «действующие лица и исполнители» в моноспектакле «Зоя».

Конечно, суть любого спектакля не в том, сколько актеров в нем занято, главное, какой вопрос он задает зрителю.

На чем мир держится? — вот о чем спрашивает нас спектакль Е. Еланской. И отвечает: на плечах человеческих. На человеческой воле. Если мы порой не чувствуем огромную тяжесть ответственности за все, что происходит в мире, значит, другие люди взваливают эту ношу на себя... Зое в дни войны оказалась посильной такая ноша...

...Девушка идет по снегу. Там, где она замедляет шаги, снег тает под босыми ногами; в крошечном зеркальце воды отражаются стилое русское небо, белые стволы берез, избы Петрищева... Только сапог, выбивший ящик из-под ног Зои, — гитлеровский, фашистский.

Играет маленький оркестр. Поет женщина. Смахивает слезы.

Спектакль «Зоя» — о жизни и смерти. О бессмертии.

В. ВАРЖАПЕТЯН

Завсегда там Кафе «Кокос»

АНАТОЛЬ ПОТЕМКОВСКИЙ

ПРОГУЛКА С РЕБЕНКОМ

Мы встретили в центре Варшавы поэта Кошона. Поэт Кошон толкал перед собой детскую коляску. Вид у него был очень глупый.

— Что там внутри? — спросили мы.

— Ребенок, — ответил поэт. Мы с любопытством заглянули в коляску. Там что-то пищало.

— У него есть какое-нибудь имя? — спросила пани Соловейчик.

— Видимо, — сказал поэт Кошон. — Я не вникал в подробности, так как я должен его скоро возвратить.

— Тебе нравится разгуливать по городу с колясочкой? — спросил Беспальчик.

— Первосортное развлечение! — сказал поэт Кошон. — Никогда и не думал, что ребенок может доставить столько удовольствия.

— Я слышала, что для детей такие прогулки очень полезны. Укрепляют здоровье, — сказала пани Соловейчик.

— Возможно! — сказал поэт Кошон. — Я предлагаю перейти на другую сторону улицы.

— Здесь нет перехода, — сказал Беспальчик.

— С ребенком?! — рассмеялся поэт Кошон. — С ребенком, дорогие мои, все можно!

Кошон толкнул коляску на мостовую, прямо под автомобиль.

Водитель резко затормозил, и машину очень смешно занесло — мостовая была еще мокрая после дождя.

— Куда едешь! Не видишь — ребенок на дороге! — крикнул поэт. Мы перешли улицу.

— Этак нас могут сшибить, — сказала пани Соловейчик.

— Ты с ума сошла?! — воскликнул поэт Кошон. — С детьми все так ходят. Дети — наше будущее!

Мы подождали с минуту, в этот момент ничего мимо не проезжало, и потом перешли улицу в обратную сторону перед самым носом у трамвая.

Вагоновожатый затормозил и стал бешено трезвонить.

— Чего ты раззвонился! — рассердилась пани Соловейчик. — Не видишь, что ли, что мы идем с ребенком!

— Ведь видит же детскую колясочку и едет! — возмутился кто-то из прохожих. — Вот записать бы его номер!

— Бог с ним! — махнул рукой поэт Кошон.

Мы отправились дальше.

— Ах, если бы быть воспитательницей детского сада! — воскликнула пани Соловейчик. — Вот было бы развлечение! Представляете себе — переводить через улицу целую ватагу малышей.

— С одним тоже неплохо, — сказал Беспальчик. — Молодец Кошон, что раздобыл ребеночка.

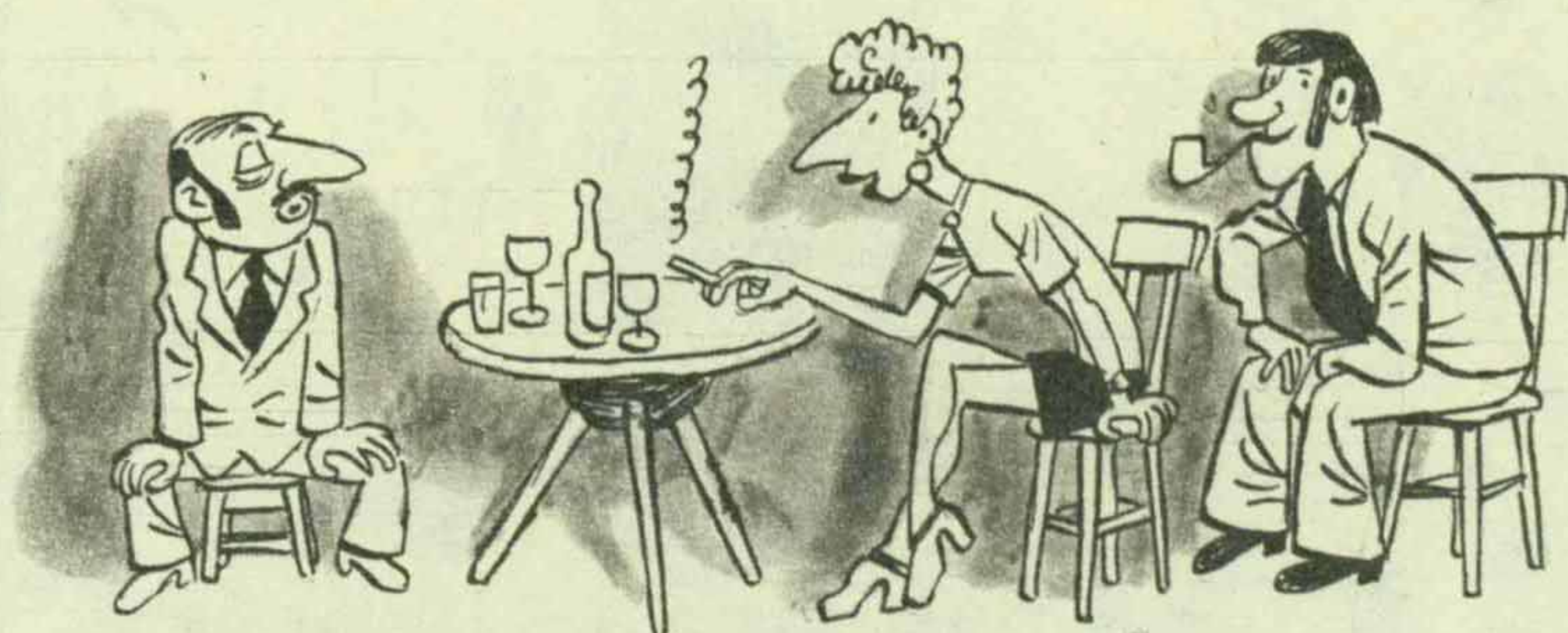
Очарованные прогулкой, мы купили на вечерний сеанс в кино два билета и отдали их поэту Кошону и пани Глобулька. Может, когда-нибудь и они будут иметь собственного ребенка для прогулок...

В Варшаве нет кафе «Кокос». Но любой гражданин Польши наверняка улыбнется при упоминании об этом кафе. Родилось оно более десяти лет назад в воображении известного польского юмориста Анатоля Потемковского, и с тех пор каждую пятницу постоянные «посетители» этого кафе веселят польских любителей юмора со страниц варшавского сатирического журнала «Шпильки». Под псевдонимом Меган Анатоль Потемковский выступает со своими рассказами в «Шпильках» 52 раза в год. Сюжеты его юморесок остры, веселы и ироничны. Постоянные герои Потемковского известны теперь уже не только в Польше, но и во многих других странах. Они поселились в нашем телевизионном кабачке «13 стульев». Пан Зюзя, пани Зося, пан Директор и другие — это же персонажи из кафе «Кокос» Анатоля Потемковского. Советские любители юмора уже давно подружились с ними.

У нас изданы две книжки юморесок Анатоля Потемковского «Штучный товар» и «Книжка жалоб».

Я перевел несколько новых юморесок Потемковского, которые предлагаю читателям «Огонька».

Н. ЛАБКОВСКИЙ

ДЕДУКТИВНЫЙ МЕТОД

К нашему столу подсел пан Фончинович, чем-то взбудораженный.

— Сразу видно, что вы едете к морю, — сказала пани Глобулька.

— Почему вы так думаете? — удивился Фончинович.

— У вас новые шнурки на ботинках, — сказала Глобулька. — У меня есть глаз, не так ли?

— М-да... — согласился пан Фончинович. — Только непонятно, что общего у шнурков и у моря. Каждый может купить себе новые шнурки.

— В принципе — да, — сказала Глобулька. — Однако нормальный человек перед отъездом обязательно покупает себе новые шнурки. Порванные шнурки — это неожиданные заботы, а в дороге — настоящая катастрофа.

— Допустим, — сказал пан Фончинович, — допустим, что так. У вас чрезвычайно оригинальная логика.

— Дедуктивный метод, — самодовольно сказала Глобулька.

— Но почему вы решили, что я еду именно к морю? — спросил пан Фончинович.

— Вы очень бледный, — объявила Глобулька.

Внутри у пана Фончиновича что-то заскулило.

— Ну и что? — спросил он сердито.

— Простое рассуждение, — пояснила Глобулька, — если загорелый человек возвращается с моря, то

бледный наоборот. Бледный едет к морю. Бледность — это противоположность загара. Отъезд — противоположность приезда.

Пан Фончинович выпил сто граммов хлебной. С минуту подумал, потом выпил еще сто граммов.

— Рассуждая таким способом, — сказал он, — мы можем прийти к выводу, что отдыхать лучше всего, спускаясь по лестнице.

— Конечно! — согласилась Глобулька. — Если, поднимаясь вверх, вы устаете, то спуск вниз восстанавливает ваши силы. Восхождение — это противоположность нисхождению. Усталость — противоположность отдыху. Наконец это до вас дошло.

В пана Фончиновича опять начало что-то булькать.

— Оставьте в покое теоретизирование, — сказал я и обратился к Фончиновичу: — Скажи прямо, ты едешь к морю или не едешь?

— Еду, — признался пан Фончинович.

— Ну, вот! — удивилась Глобулька. — Почему же вы упирались? Я уже было подумала, что Люня сказала неправду.

— Какая Люня? — поинтересовался я.

— Одна знакомая... — сказала Глобулька. — Она сообщила мне сегодня утром, что уезжает с паном Фончиновичем в Сопот...

Мы заговорили на другую тему. Из деликатности.

ХОЛОДНОЕ ПИВО

Для укрепления здоровья мы пошли прогуляться небольшой компанией.

— Может, забежим куда-нибудь, махнем по кружечке пива? — предложила пани Соловейчик.

Нам повезло, в нескольких шагах оказался маленький пивной бар.

— Пять кружек пива, — сказал поэт Кошон.

— Для меня теплое, — попросила пани Соловейчик. — У меня побаливает горло.

— Мне тоже теплое, — сказал поэт Кошон. — Я немного простужен.

Выяснилось, что все мы чувствовали себя не лучшим образом.

— Пять кружек теплого пива, — уточнил магистр Конкульчинский.

— Можете не беспокоиться, —

сказала официантка. — У нас все пиво теплое.

Это заявление нас охладило.

— То есть как только теплое? — удивился поэт Кошон. — Как это следует понимать?

— Нормально, — сказала официантка. — Что нам, делать больше нечего, как замораживать пиво? В холодильнике и без него не хватает места.

— Интересно! — сказала пани Соловейчик.

— Какое дело клиентам до того, что у вас маленький холодильник! — рассердился Беспальчик. — На целом свете подают холодное пиво! В конце концов, где культура обслуживания!

— Что еще подать? — спокойно спросила официантка.

— Не будем отвлекаться от темы, — холодно сказал поэт Кошон. — Выходит, что здесь никто не

хочет ставить пиво в холодильник. И клиенты вынуждены пить теплую бурду.

Официантка надулась.

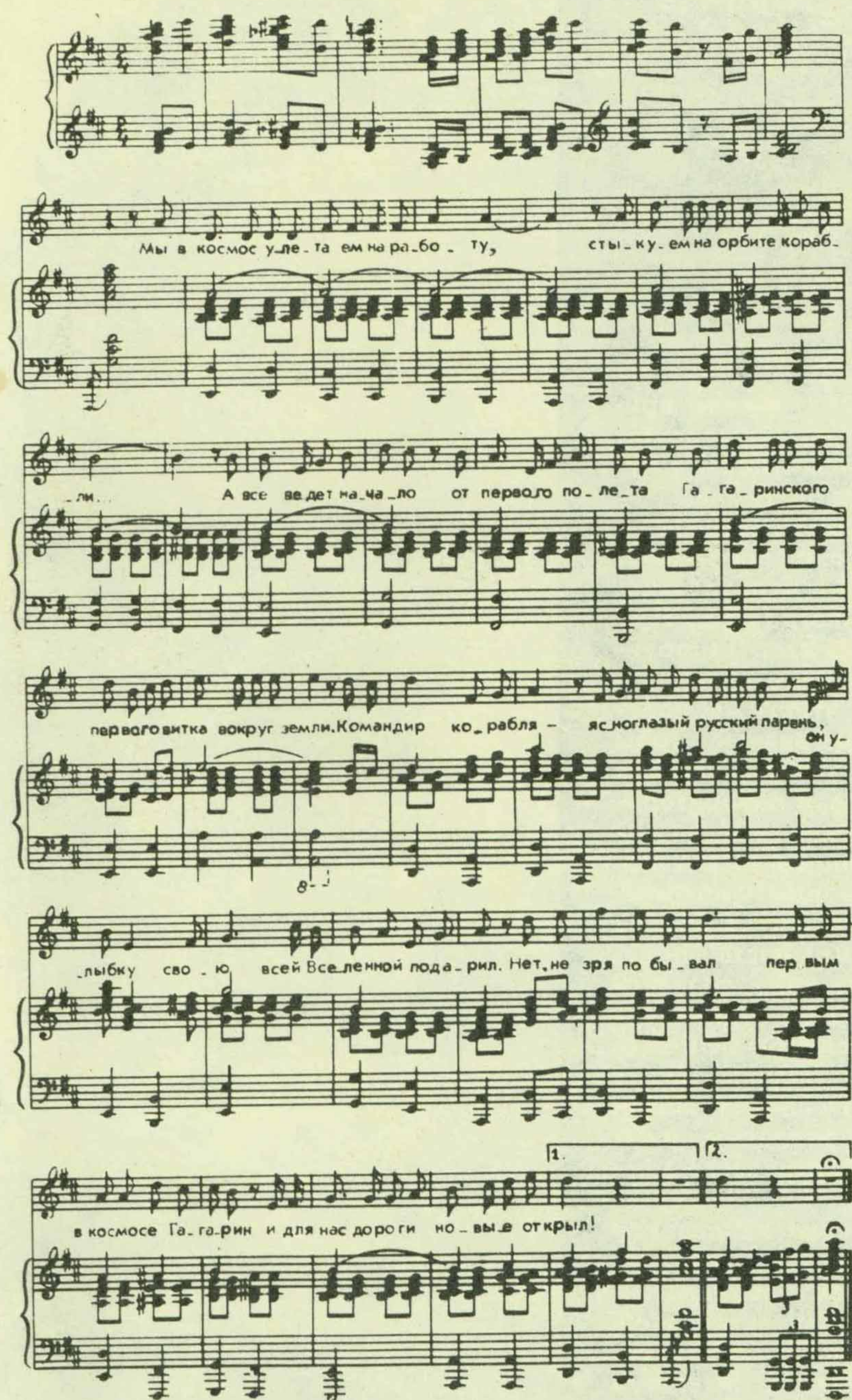
— Попрошу вас не дуться, — сказал Беспальчик. — Нужно трезво смотреть на свою работу. Во всем мире имеется холодное пиво, только мы должны пить теплое, потому что вы и ваши коллеги не желают ударить палец о палец.

— Увы, но это так! — подтвердила пани Соловейчик.

— Плетемся в хвосте, — вздохнул поэт Кошон.

Раздраженные и разгоряченные, мы написали несколько ехидных строк в книгу жалоб и поехали пить пиво в наше любимое кафе «Кокос».

К сожалению, там мы не сумели отведать пива. В кафе «Кокос» пиво, как всегда, было ледяное...

ГАГАРИНСКИЙ МАРШ

Слова и музыка О. СОКОЛОВА-ТОБОЛЬСКОГО

Мы в космос улетаем на работу,
Стыкуем на орбите корабли,
А все ведет начало от первого полета —
Гагаринского первого витка вокруг Земли...

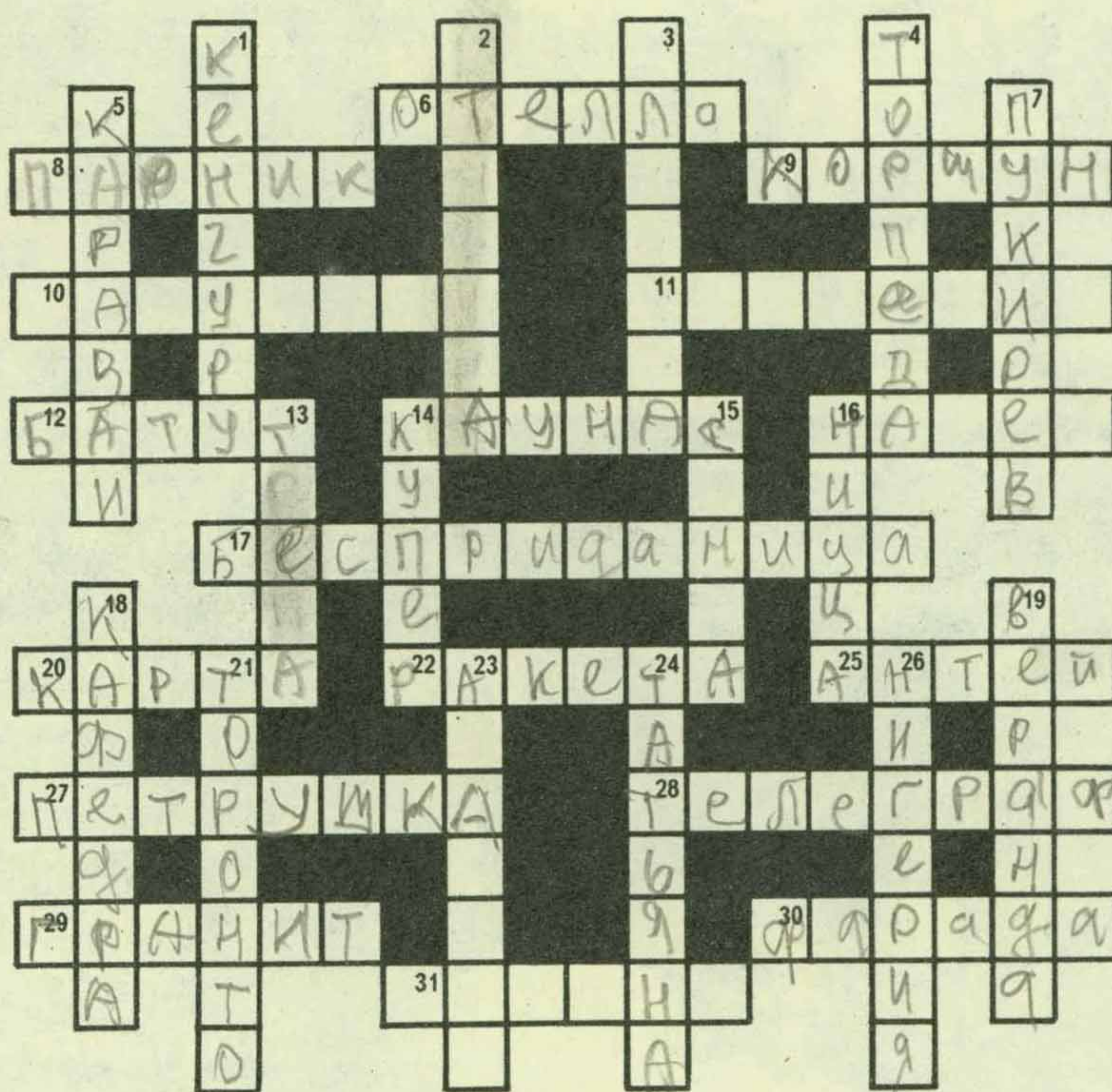
Командир корабля — ясноглазый русский парень,
Он улыбку свою всей Вселенной подарил...
Нет, не зря побывал первым в космосе Гагарин
И для нас дороги новые открыл!

Космические чудо-автоматы
Исследуют Венеру и Луну,
А если будет надо, и мы взлетим, ребята,
Поднимем в дальнем космосе любую целину!

Командир корабля — боевой, отважный парень —
С экипажем пойдет на Меркурий и на Марс...
Нет, не зря побывал первым в космосе Гагарин...
Он открыл дороги новые для нас!

Плывет Земля просторами Вселенной,
Вкруг Солнца свой привычно держит путь,
А мы живем, земляне, мечтою дерзновенной
По всей системе Солнечной пройтись когда-нибудь...

Командир корабля — сын Земли, отличный парень —
Космонавтов-ученых доставит на Плутон...
Нет, не зря побывал первым в космосе Гагарин —
Для грядущего им подвиг совершен!

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Трагедия Шекспира. 8. Укрытие для выращивания рассады и овощей. 9. Птица семейства ястребиных. 10. Плотная ткань. 11. Гриб. 12. Сетка для прыжков. 14. Город в Литовской ССР. 16. Созвездие южного полушария неба. 17. Пьеса А. Н. Островского. 20. Чертеж земной поверхности. 22. Летательный аппарат. 25. Герой древнегреческой мифологии. 27. Огородное растение. 28. Учреждение связи. 29. Твердая горная порода. 30. Единица электроемкости. 31. Драма В. Гюго.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сумчатое животное. 2. Духовой инструмент. 3. Грузоподъемная машина. 4. Самодвижущийся подводный снаряд. 5. Круглый хлеб. 7. Русский живописец-передвижник. 13. Узкая дорожка. 14. Автор романа «Последний из могикан». 15. Река на Северном Кавказе. 16. Курорт во Франции. 18. Возвышение для лектора, оратора. 19. Летняя пристройка к зданию. 21. Порт в Канаде. 23. Приток Суры. 24. Персонаж романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 26. Государство в Западной Африке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Батисфера. 7. Динамометр. 8. Колоратура. 12. Талас. 13. Познань. 14. Полонез. 15. «Стоик». 17. Ренклюд. 18. Транзит. 23. Пурга. 25. Фланель. 26. Кукушка. 27. Пенал. 29. Станюкович. 30. Серноводск. 31. Свешников.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Статист. 2. Сенокос. 3. Бумеранг. 4. Апостроф. 5. «Антигона». 6. Турищева. 9. Балкон. 10. Понедельник. 11. Кронциркуль. 15. «Стопп». 16. Корма. 19. Вольфрам. 20. Гранат. 21. Хоккайдо. 22. Иллинойс. 24. Фурманов. 27. Пукирев. 28. Линейка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. Плотнов. ЮРИЙ ГАГАРИН.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. Соколов, ВОЗВРАЩЕНИЕ «ЗОНДА». А. Леонов. А. Соколов. К ЗВЕЗДАМ.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

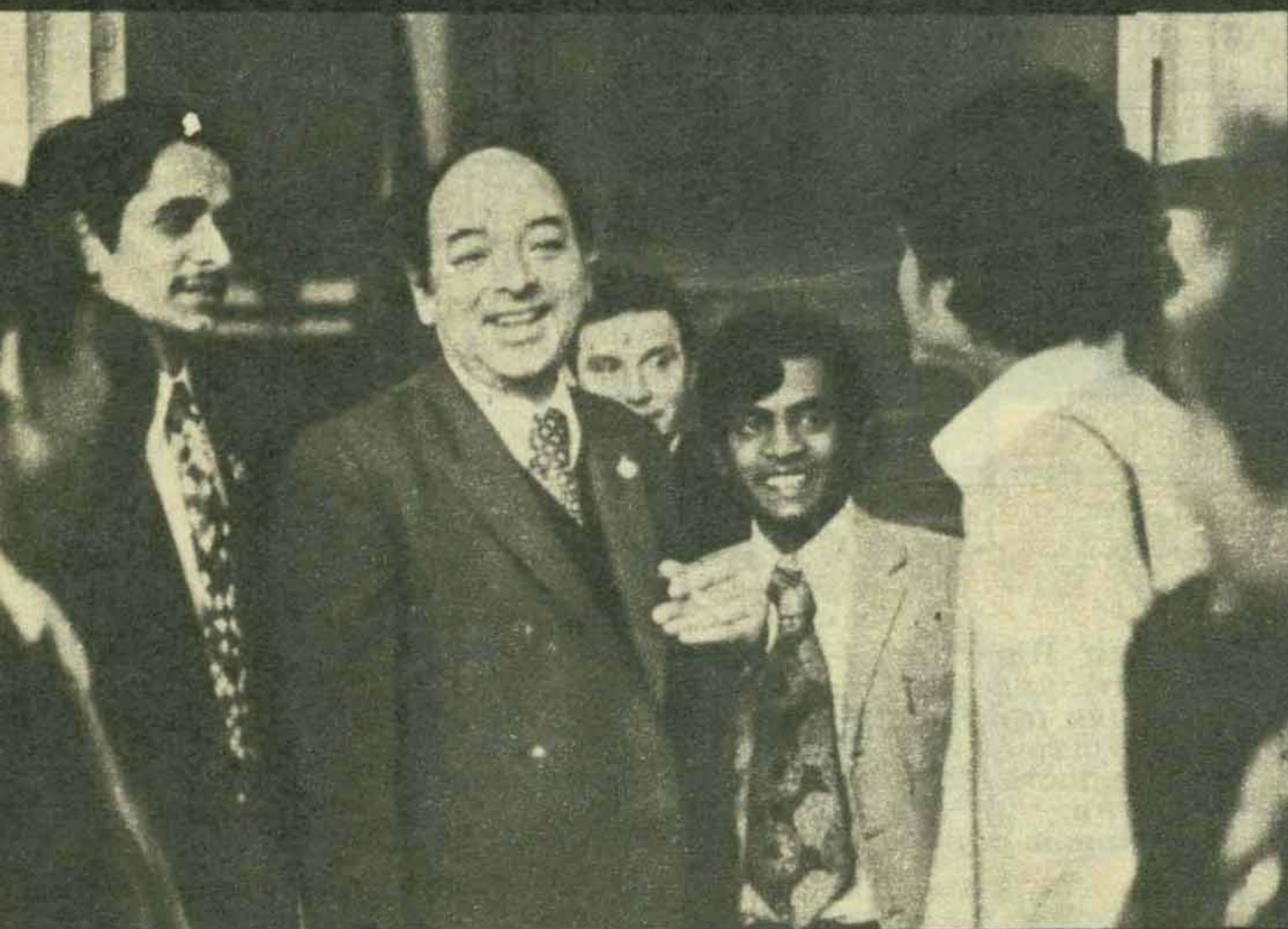
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Научно-технический — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 24/III — 75 г. А. 00554. Подп. к печ. 8/IV — 75 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 703. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 370.

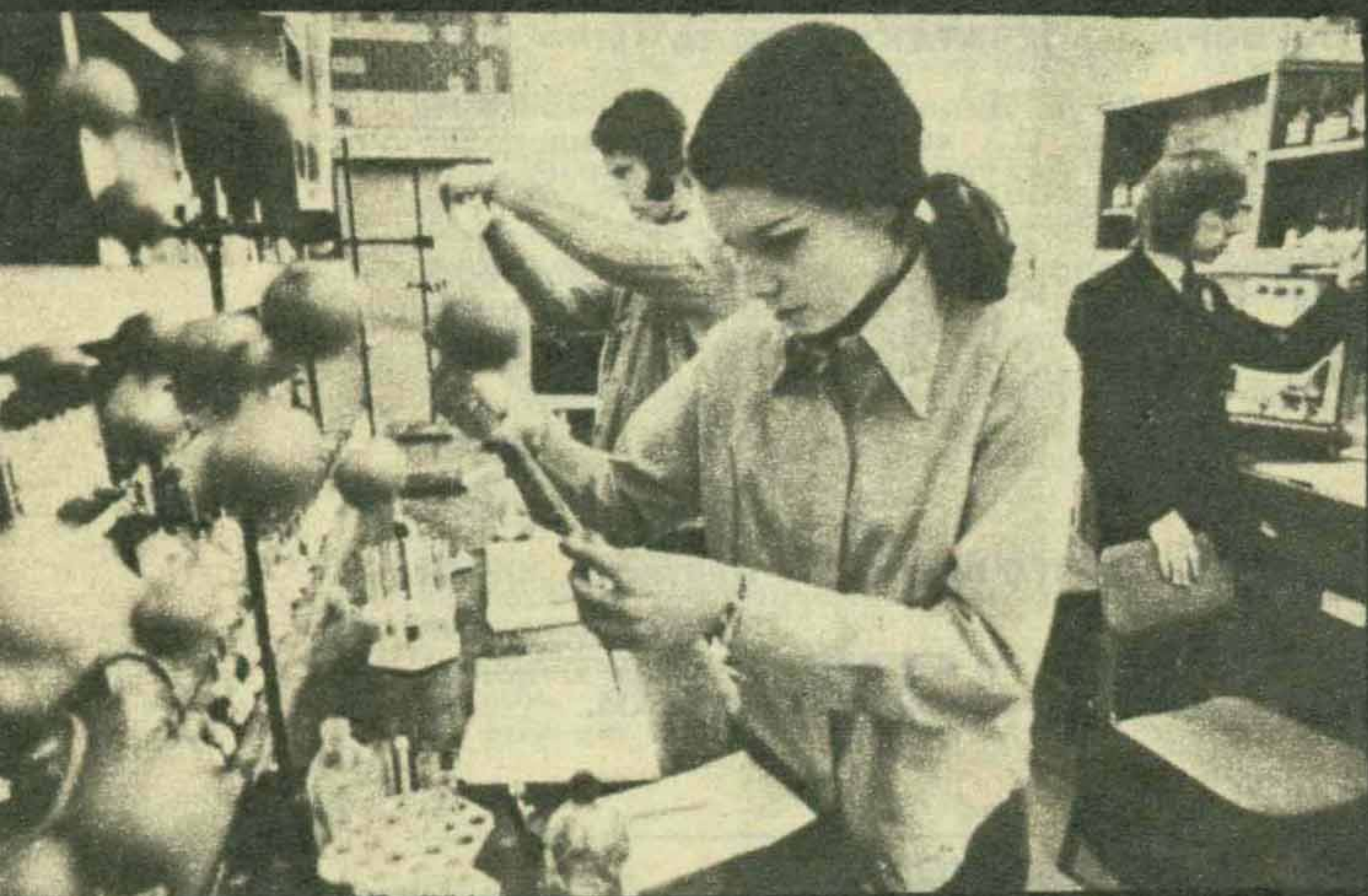
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В этих зданиях живут студенты УДН.

В университет пришел к своим землякам посол Республики Индии в СССР Д. П. Дхар.

В мире атомов и молекул.

Инженер Е. С. Сафронова (слева) обучает работе на вычислительной машине Хуссейна Садыка (Бангладеш) и Фреда Тиндиебва (Уганда).

В. ДУНАЕВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

М

ного писем приходит ежедневно в адрес Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы из разных уголков земли.

Вот письмо с Кипра от Иониса Петас Христу: «В 1973 году я окончил Университет дружбы народов и вернулся домой, но я знаю, что никогда не забуду Советский Союз и мою вторую родину — университет. Во время учебы в СССР вы сделали все, чтобы мы получили как можно больше знаний, чтобы у нас были наилучшие условия как для учебы, так и для отдыха. В лабораториях, в учебных аудиториях — везде мы ощущали теплоту сердец советских людей... Мы благодарны Коммунистической партии и правительству СССР за предоставленную возможность получить высшее образование, познакомиться с великой страной — верным союзником развивающихся стран. Обещаем, что полученные знания будут использованы для улучшения жизни наших народов, для укрепления дружбы и мира между народами всего земного шара».

Другое письмо пришло из далекой латиноамериканской страны Никарагуа. Его написал Густаво Таблада. Он окончил медицинский факультет. «Год назад мы, выпускники Университета дружбы народов, создали в Никарагуа поликлинику имени И. П. Павлова. Работа идет успешно. Мы всегда помним, чьи мы питомцы, и стараемся высоко нести знамя И. П. Павлова и научного прогресса СССР — самой передовой страны на земле».

Гордость за свой родной университет, искренняя любовь, уважение и благодарность советским людям за их бескорыстную помощь в деле подготовки национальных кадров для развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки звучат в письмах выпускников УДН.

Уезжая на родину, они не теряют связи со своими педагогами и при необходимости всегда получают совет или консультацию. В аспирантуре УДН готовятся высококвалифицированные кадры для высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений

ВТОРА

П. Ч. Сароджан (Индия) — будущий физик.

Я РОДИНА!

стран Африки, Азии и Латинской Америки. За 15 лет в университете из числа выпускников подготовлено более 450 кандидатов наук.

Хотя питомцы университета начали работать сравнительно недавно, они уже завоевали признание и славу для своей «альма матер». Успешно ведут преподавательскую и научную работу, занимают важные государственные посты, в ряде национальных высших учебных заведений под их руководством налажено изучение русского языка.

Всего лишь несколько примеров. Хусейн Абдель Кадер Мухаммед Лолло — заместитель министра сельского хозяйства ЙАР, Сантьяго Алонсе Моралес Бустаманте — ведущий специалист в Институте экономических исследований и в Государственном автономном университете Республики Гондурас, Канте Кабине — генеральный директор Института исследований и документации Гвинеи, проректор по учебным вопросам политехнического института, Субарна Бикрам Тхапа — один из директоров нефтяной корпорации Непала, Леонардо Паредес — ректор университета в Эсмеральдас (Республика Эквадор), Бадр Салемин Басунейд — член Высшего народного совета НДРЙ, Самба Ламине Мане — комиссар по вопросам земледелия и животноводства Республики Гвинея-Бисау.

В этом году университету исполнилось 15 лет. Я обратился к группе студентов с вопросом: какие мысли вызывает у них эта славная годовщина? Первым ответил Эммануэль Андерсен. Он приехал из Ганы. Учится на 2-м курсе инженерного факультета.

— Для меня учиться в Университете дружбы народов — большое счастье. Во всем мире знают УДН, но особенно его хорошо знает свободная Африка. Создание Советским правительством нашего университета в 1960 году по времени совпало с «Годом Африки», ставшим яркой страницей в истории антиимпериалистической, антиколониальной борьбы африканских народов. Знаменательно и то, что вскоре Университету дружбы народов было присвоено имя пламенного борца за свободу, независимость и счастье народов Африки — Патриса Лумумбы. В этом акте отражается подлинный интернационализм и солидарность великого советского народа с национально-освободительной борьбой африканских народов.

Наш университет дает нам не только глубокие знания. Он воспитывает нас интернационалистами, патриотами, борцами за окончательное освобождение своих стран, за социальный прогресс.

В разговор вступает Фатхия Мухаммед. Она из Бахрейна. Учится в той же группе, что и Эммануэль Андерсен.

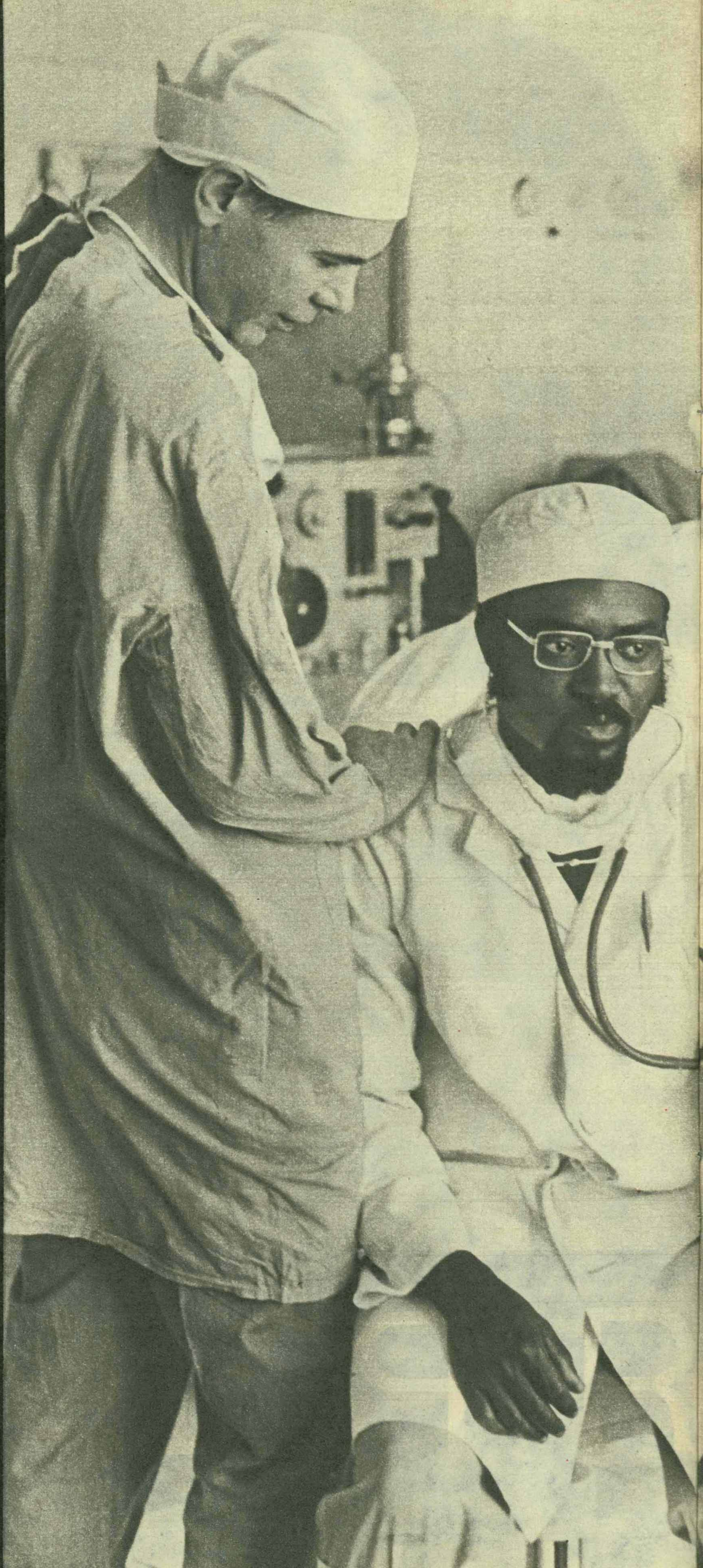
— Нет слов, чтобы выразить гордость за наш университет, на знамени которого сверкает орден Дружбы народов. Нет большего счастья, чем учиться на родине великого Ленина, видеть мирный труд советских людей, уверенно строящих коммунизм — светлое будущее всего человечества.

Сейчас, когда арабские народы прилагают все усилия для ликвидации агрессии Израиля, к удовлетворению своих законных прав, Советский Союз, как всегда, остается самым надежным, самым близким другом арабов.

Признанием огромных заслуг УДН в деле подготовки высококвалифицированных специалистов для развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки явилось награждение университета орденом Дружбы народов. Это была торжественная минута для его студентов и преподавателей, когда в Кремлевском Дворце съездов под гром аплодисментов кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев прикрепил к знамени университета орден Дружбы народов.

Вручая орден, Б. Н. Пономарев отметил, что почти 60 лет назад Ленин выдвинул важную задачу оказывать народам колоний и полуколоний «бескорыстную культурную помощь». Коммунистическая партия и Советское государство всегда были и будут верны этому ленинскому завету. Деятельность университета — один из ярких примеров его практического воплощения в жизнь.

Сегодня студент пятого курса Угбейе Ричардсон (Нигерия) первый раз будет ассистировать декану медицинского факультета профессору Ф. Н. Ромашову во время операции.

Здесь изучают основы электротехники.

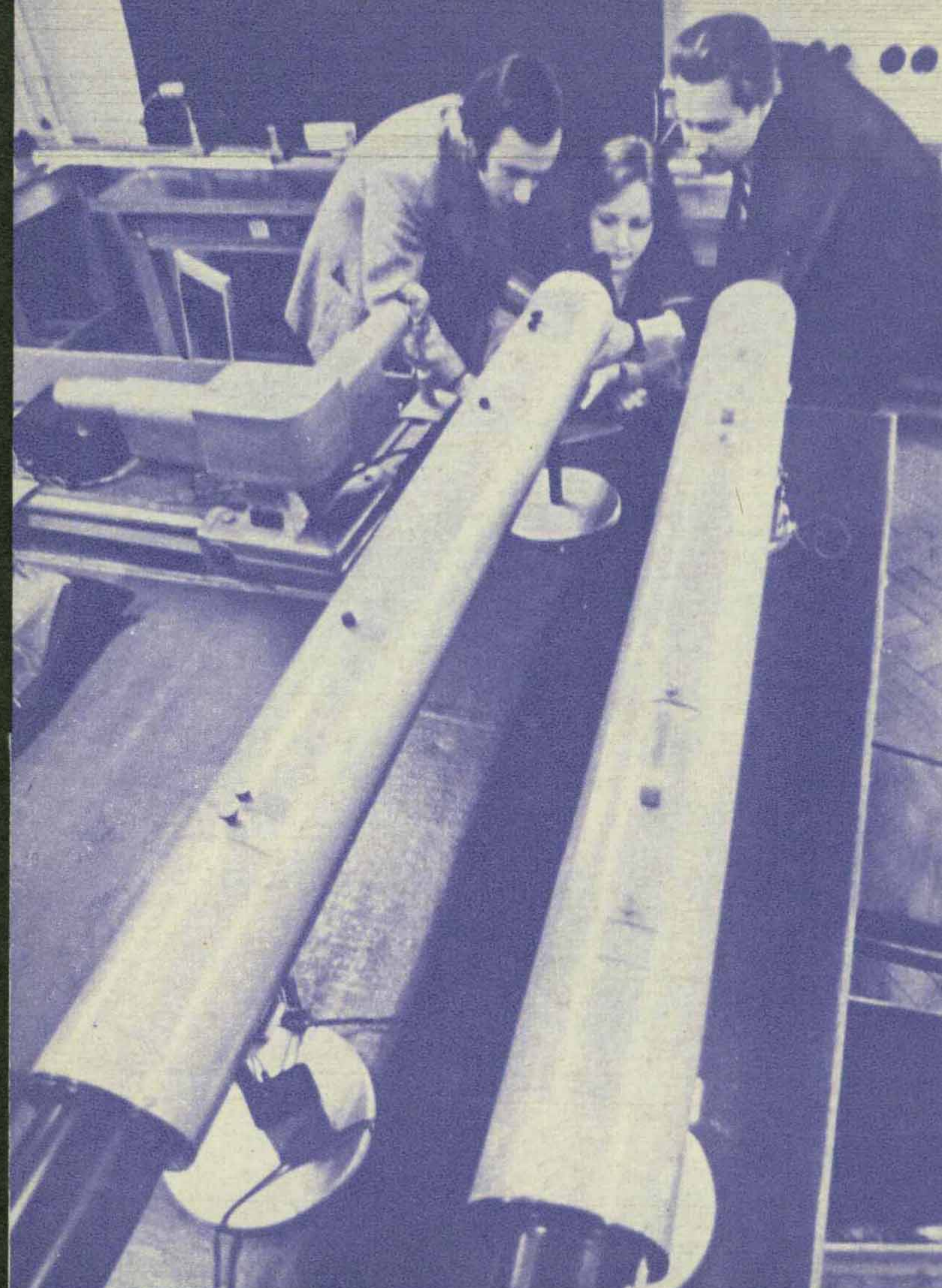
Студенты медицинского факультета на занятиях.

Трехлетняя Вероника Окуонгае родилась в Москве и говорит только по-русски.

На занятиях в изостудии университета.

В лаборатории оптики.

И русского сплясать...

В спортзале УДН.

Цена номера 30 коп.

Индекс 76668

